

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Телегина Ольга Владимировна

**ЭСТЕТИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В РОМАНАХ ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(английская)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Новикова Вера Григорьевна

Нижегород – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3-25
ГЛАВА 1. Категория «повседневность» в литературоведении	
1.1. Реальность повседневной жизни в современных гуманитарных науках.....	26-48
1.2. Повседневность как литературоведческая проблема.....	48-63
1.3. Историко-литературный контекст викторианского романа в свете категории «повседневность».....	63-83
ГЛАВА 2. Центры викторианской повседневности в романах	
Элизабет Гаскелл	
2.1. Социальные воззрения Э. Гаскелл	84-96
2.2. Синтез эстетического и этического в пространстве дома.....	96-122
2.3. Эстетизация сада.....	123-147
ГЛАВА 3. Культура общения в контексте викторианской эпохи	
3.1. Воспитание и образование.....	148 -161
3.2. Круг чтения.....	161-174
3.3. Речевые характеристики персонажей.....	174-183
ГЛАВА 4. Расширение границ повседневности	
4.1. Магия обыденной жизни.....	184-194
4.2. Мотивы моря.....	194-208
Заключение	209-212
Библиография	213-226

ВВЕДЕНИЕ

«Повседневность» как категория современного гуманитарного знания переживает несколько стадий теоретического осмысления на протяжении XX века. В начале столетия обращение к ней было осуществлено в феноменологии Э. Гуссерля, в которой повседневность обрела статус самостоятельной реальности, имеющей фундаментальное значение. В 1919 году историк Й. Хейзинга в своем труде «Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах»¹ определяет культуру как сочетание жизненного уклада и форм ментальности и тем самым задает определенный вектор всем последующим в этой области исследованиям. В 30-е годы школа «Анналов» создает целое направление в изучении истории «общества в целом», пытаясь вскрыть глубинные структуры общественного сознания, существующие в течение больших временных отрезков, иначе говоря, «ментальные структуры повседневности». Основатель феноменологического направления в социологии А. Шюц в 30-50-е годы занимающийся «смысловыми структурами повседневного мира»² (по названию его первой работы 1932 года) и его последователи П. Бергер и Т. Лукман с их фундаментальным исследованием «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания»³ (1966) определяют направление последующих исследований повседневности в социологии.

Теория в названной области активно разрабатывается в 70-80-е годы. Издают свои труды французские философы А. Лефевр («Критика

---

¹ Хейзинга, Й. Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Пер. нидерл. Д. В. Сильвестрова. — М.: Наука, 1988. — 544 с.

² Schutz, A., Luckmann, T. The Structures of the Life-World. — L.: Heinemann Educational Books, 1974. — 335 p.

³ Berger, P. L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. - NY: Anchor Books, 1966. — 240 p.

повседневной жизни», 1947 -1958 гг.⁴; «Повседневность в современном мире», 1968) и М. де Серто («Практика повседневной жизни», 1980)⁵, В 1978 году выходят в свет особенно значимые работы немецких философа- феноменолога Б. Вальденфельса («Повседневность как плавильный тигль рациональности»)⁶ и социолога Н. Элиаса («О понятии повседневности. Подлинное мышление»)⁷. Проблемы природы повседневного остаются основой метафизического осмысления путей человеческого Бытия и в новом столетии.

В начале XXI века проблематика повседневности актуализируется в отечественном литературоведении. Приоритет здесь принадлежит воронежским исследователям, организовавшим цикл конференций («Научно- философский анализ повседневности» – 2010; «Гуманитарные аспекты повседневности» – 2011-2014)⁸, в которых повседневность рассматривается как феномен литературы в контексте ее гуманитарных аспектов: «Повседневность – это целая система кодов, с которой мы соотносим свои восприятия и переживания и в которой производятся значения, создаются и преобразуются объекты».⁹

В целом число исследований, посвященных этой проблеме в литературоведении, характеризуется множеством подходов к ней. При этом практически игнорируется то обстоятельство, что обыденная жизнь частного человека осознанно становится предметом художественной рефлексии в эпоху Нового времени и находит свое наиболее последовательное

---

⁴ Lefebvre, H. *Everyday Life in the Modern World*. - L.: Harper Torchbooks, 1971. - 206 p.

⁵ De Certeau, M. *The Practice of Everyday Life*. - Berkeley: University of California Press, 1984.-230 p.

⁶ Вальденфельс, Б. *Повседневность как плавильный тигль рациональности* // Социо-Логос: Пер. с англ., нем., фр. - М.: Прогресс, 1991. - С. 42 - 44.

⁷ Элиас, Н. *О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования*. - М.; СПб, 2001. – С. 57-58.

⁸ Материалы конференций «Научно-философский анализ повседневности» - 2010; «Гуманитарные аспекты повседневности» - 2011-2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vspu.ac.ru/text/povsednevnost>

⁹ Струкова, Т. Г. *Повседневность и литература* // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на Дону, 2010. №4. - С. 11.

воплощение в литературных произведениях уже в XIX веке, в направлении, получившем название социальный реализм (критический реализм в отечественной традиции). Английская литература в этом плане представляет особенный интерес и в связи с писательским мастерством ее авторов, и потому, что наследует национальную традицию художественной рефлексии повседневности, складывающуюся ранее, чем в других европейских странах, с конца XVII века. Иначе говоря, частный человек, его бытовое окружение, ритуалы, нравы, обычаи повседневной жизни находят воплощение в литературе и тем самым эстетизируются, т. е. включаются в художественно-эстетическое пространство. В свете современной теории представляется необходимым осознать смысл этой эстетизации. Логично в этой связи обратиться к творчеству Элизабет Гаскелл, одной из самых репрезентативных представительниц социального реализма раннего викторианского периода.

Актуальность данного исследования обуславливается значимостью проблематики теории повседневности для современных гуманитарных наук. Исследование может дополнить представление о реализме как художественном методе. Кроме того, изучение романистики викторианского периода остается актуальным в период идеологии неовикторианства, занимающей свое место в современном культурном пространстве Великобритании и вызывающей соответствующий интерес исследователей.

Новизна исследования определяется постановкой проблемы, тем, что впервые предпринимается исследование романистики Э. Гаскелл в контексте теории повседневности, вводятся в научный оборот не переведенные на русский язык произведения писательницы (“The Poor Clare”, 1856; “Lois the Witch”, 1861; “Sylvia’s Lovers”, 1863; “Cousin Phillis”, 1864), систематизируются англоязычные труды в названной области.

Степень изученности.

Элизабет Клегхорн Гаскелл (Elizabeth Cleghorn Gaskell, по рождению Стивенсон) (1810-1865) – английская писательница и биограф. В зарубежном

литературоведении отношение к творчеству миссис Гаскелл менялось от признания и популярности до отрицания таланта и забвения. Произведения Гаскелл получали противоречивые отклики современников. Чарльз Диккенс, Джон Раскин, Томас Карлайл восхищались первым романом писательницы «Мэри Бартон» (“Mary Barton”, 1848) и искали встречи с ней. Популярная романистка Мария Эджворт в письме выражает свое мнение по поводу книги: «Все это сделано, чтобы помешать рабочим стать рабами, а хозяевам тиранами. Такой сильный писатель как автор «Мэри Бартон» мог поспособствовать этой благородной цели своими душераздирающими описаниями и призывами к сочувствию».¹⁰ Ткач по профессии, активный защитник рабочего класса, Сэмюэль Бэмфорд, в письме к Гаскелл называет роман «правдивым отражением жизни», а его автора «гениальной писательницей»¹¹. Но были и несогласные с такими лестными отзывами. Роман «Мэри Бартон» вызвал протест промышленников Манчестера. Основным документом этого возмущения была критическая статья анонимного корреспондента в «Манчестер Гардиан». В ней автор книги обвинялся не только в незнании, но и в «клевете о хозяевах, торговцах и джентльменах этого города». Писавшим был У.Р. Грег – образованный человек из семьи богатых промышленников. Грег был возмущен, что хозяева изображены как «выскочки из самых отбросов общества»¹².

Роман «Руфь» (“Ruth”, 1853) также был воспринят неоднозначно. Шарлотта Бронте, которой Гаскелл послала набросок сюжета, была настолько очарована им, что задержала публикацию «Городка» (“Villete”,

---

¹⁰ Edgeworth, M. A Letter to Miss [Mary] Holland on December 27, 1848 // Bulletin of the John Rylands Library. – Manchester: The John Rylands Library, 1935. – Vol.19. – P. 109.

¹¹ Bamford, S. A letter date 1849 // Nineteenth-century Literature Criticism /ed. by L. L. Harris, S.Fitzgerald, E. Wade Barrett, 1984. – Vol.5. - P. 177.

¹² Ibid, Thiele, D. “That There Brutus”: Elite Culture and Knowledge Division in the Industrial Novels of Elizabeth Gaskell // Victorian Literature and Culture: Cambridge UP, 2007. № 35. – P. 263.

1853), чтобы критики полностью сосредоточились на книге миссис Гаскелл.¹³ Но проблемы религиозного лицемерия, двойных стандартов, супружеской неверности, проституции, поднятые в романе, шокировали многих читателей. Члены паствы Уильяма Гаскелла сожгли книгу и запретили читать ее своим женам. Некоторые критики указывали на неправдоподобность образа главной героини. Например, «Лондон Мэгэзин» прокомментировал его следующим образом: «Портрет нереалистичен... Руфь с ее детской чистотой и невинностью не похожа на женщин ее класса». «Спектэйтэр» также отмечал двусмысленность морального урока, т. к. история Руфь – это «исключительный случай». Но в то же время друзьям и знакомым Гаскелл, среди которых Флоренс Натингейл, Чарльз Диккенс, Анна Джеймсон и Чарльз Кингсли, понравилось ее произведение, и они поддержали его право на существование¹⁴.

Общее признание, успех «Жизни Шарлотты Бронте» (“The Life of Charlotte Bronte”, 1857) сменило негодование, вызванное несоответствием действительности некоторых фактов, описанных в книге. Гаскелл позволила своим симпатиям взять верх в повествовании, поэтому ее суждения выглядят предвзятыми. Несколько эпизодов биографии чуть не стали причиной обращения в суд. В случае с леди Скотт, когда Гаскелл приняла сторону Брэнвелла Бронте и обвинила ее в попытке соблазнения, приведшей к его увольнению с должности учителя, потребовалось сокращение текста книги. Только третье издание стало итоговым вариантом. Самым спорным моментом биографии стали отношения между Шарлоттой Бронте и бельгийским профессором Константином Хегером. Боясь очернить имя

---

¹³ Цит. по: Wright, E. Elizabeth Cleghorn Gaskell // Dictionary of Literary Biography, Victorian Novelists before 1885 / ed. by I.B. Nadel and W. E. Fredeman. - Detroit: Gale Research, 1983. - Vol. 21. - P. 176.

¹⁴ Цит. по: Foster, S. Elizabeth Gaskell: A Literary Life. - Houndmills Basingstoke Hampshire: Palgrave Macmillan, 2002. - P. 106.

Бронте, Гаскелл скрыла ее привязанность, хотя и знала о ней из писем.¹⁵ В итоге в эссе 1857 года «Атиней» (“the Athenaeum”) принес извинения «за книгу миссис Гаскелл, вышедшую с их рекомендацией», и за саму писательницу, которая не проявила себя как «честный биограф».¹⁶ С другой стороны мистер Бронте в письме к Гаскелл очень высоко оценил ее работу: «... это то, что одна великая женщина могла написать о другой великой». Джордж Генри Льюис назвал книгу «изящной» и написал Гаскелл: «начало – это ваш триумф, последующее – это памятник вашей подруге».¹⁷

Невзирая на все трудности, при жизни миссис Гаскелл была популярна и востребована, а ее произведения широко читаемы и любимы современниками. Дэвид Мэссон утверждал в декабре 1865 года, что положение Гаскелл среди писателей будет «высоким, если не одним из наивысших». Как заметила Элисон Чэпмэн: «Элизабет Гаскелл чаще, чем многие из романистов ее времени, получала хвалебные отзывы критиков».¹⁸ После смерти писательницы о ней забыли, хотя «Крэнфорд» (“Cranford”, 1853) продолжал успешно продаваться. Имя Гаскелл появилось в работе лорда Сесила «Романисты раннего викторианского периода» (“Early Victorian Novelists”, 1934). Его отзыв был отнюдь не хвалебным. Решение Сесила было однозначным: отличительная черта творчества Гаскелл - женское видение жизни, все, что она могла изобразить – это быт. Она «представляла собой типичную женщину: мягкая, домашняя, тактичная, недалекая, плаксивая, легко ранимая». При этом Гаскелл – это «голубь», тогда как другие женщины – писатели, такие как Шарлотта Бронте, Джордж Элиот, – «орлы». Основным недостатком произведений Гаскелл, по мнению Сесила, является ее неспособность «нарисовать портрет мужчины». Сесил приходит к

---

¹⁵ Mitchel, B. Elizabeth Cleghorn Gaskell // Dictionary of Literary Biography, 1994. - Vol.144. - P. 105-106.

¹⁶ A review of “Life of Charlotte Bronte” // The Athenaeum, 1857. № 1545. – P. 727.

¹⁷ Mitchel, B. Elizabeth Cleghorn Gaskell// Dictionary of Literary Biography, 1994. - Vol.144. - P. 104.

¹⁸ Foster, S. Elizabeth Gaskell: A Literary Life. - Houndmills Basingstoke Hampshire: Palgrave Macmillan, 2002. - P. 172.

заклучению, что основное наследие Гаскелл – ее бытоописательная проза: «Возлюбленные Сильвии», «Крэнфорд», «Кузина Филлис» и «Жены и дочери» (“Wives and Daughters”, 1866). Кроме того, «Возлюбленных Сильвии» и «Кузину Филлис» «никак нельзя назвать сильными работами, да и «Жены и дочери» с «Крэнфордом» трудно причислить к таковым. Однако они отражают сильную сторону таланта миссис Гаскелл и занимают свое место среди классических английских семейных романов»¹. Мнение Сесила, выраженное на сорока четырех страницах, утвердило Гаскелл как «второстепенного писателя» с «незначительным талантом»². Ее литературная репутация не менялась на протяжении нескольких десятилетий.

Лишь во второй половине XX века встает вопрос о статусе Гаскелл в английской литературе. Начиная с 50-х годов, отмеченных усиленным интересом к наследию писателей – реалистов XIX века, творчество и переписка Гаскелл становится объектом пристального внимания. Ее произведения рассматриваются в свете марксистской теории и феминистской критики. Благодаря работам Э. Рубениус «Женский вопрос в жизни и работах миссис Гаскелл» (“The Woman Question in Mrs. Gaskell's Life and Works”, 1950)³, А. Хопкинс «Элизабет Гаскелл: ее жизнь и творчество» (“Elizabeth Gaskell: Her Life and Work”, 1952)⁴, К. Тиллотсон «Романы 1840-х» (“Novels of the Eighteen Forties”, 1954)⁵ и А. Кеттла «Социальный роман ранних викторианцев» (“The Early Victorian Social-Problem Novel”, 1958)⁶ произошла переоценка положения Гаскелл на литературном поприще.

---

¹ Hamilton, S. Gaskell Then and Now // The Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell/ ed. by Jill L. Matus. – Cambridge: Cambridge UP, 2007. – P. 183-184.

² Matus, J. L. Introduction // The Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell/ ed. by Jill L. Matus. – Cambridge: Cambridge UP, 2007. – P.2.

³ Rubenius, A. The Woman Question in Mrs. Gaskell's Life and Works. - Upsala: Almqvist & Wiksells Boktryckeri AB, 1950. - 396 p.

⁴ Hopkins, A.B. Elizabeth Gaskell: Her Life and Work. – L.: Lehmann, 1952. - 119 p.

⁵ Tillotson, K. Novels of the Eighteen Forties. – L.: Oxford UP, 1954. - 328 p.

⁶ Kettle, A. “The Early Victorian Social-Problem Novel” // The Pelican Guide to English Literature. From Dickens to Hardy. - Harmondsworth: Penguin Books, 1990. - Vol. 6. – P. 169 – 187.

Хопкинс вернула Гаскелл звание одной из ведущих писательниц своего времени. В своем исследовании она подчеркивает значимость нравоописательных романов о жизни в провинции, в которых чувствуется «особая достоверность». Хопкинс также отмечает жанровое разнообразие творчества Гаскелл и ставит ее в один ряд с Джордж Эллиот¹.

Глава, посвященная Гаскелл, в книге Кеттла не только отводит индустриальным романам центральное место в творчестве писательницы, но и приписывает им важную роль в формировании викторианской культуры. Тиллотсон называет Гаскелл образцовым автором социально ориентированной прозы. Она хвалит стратегии письма, в которых Гаскелл выступает как проницательный политический писатель, умеющий донести свои идеи до читателей².

К столетию со дня смерти Гаскелл были опубликованы работы Полларда «Миссис Гаскелл: романист и биограф» (“Mrs. Gaskell: Novelist and Biographer”, 1965)³ и Райта «Миссис Гаскелл: основа для переоценки» (“Mrs. Gaskell: The Basis for Reassessment”, 1965)⁴. В большом долгу исследователи творчества писательницы у Чэппла и Полларда за выход в свет «Писем миссис Гаскелл» (“The Letters of Mrs. Gaskell”, 1966)⁵, они открыли новые перспективы и вдохновили многих ученых пересмотреть ее жизнь и литературные достижения.

В 1970-х годах интерес к Гаскелл только возрастал. Вышло энциклопедическое исследование Шарпса «Наблюдение и выдумка миссис Гаскелл: изучение ее небюрографических работ» (“Mrs. Gaskell's Observation

---

¹ Foster, S. Elizabeth Gaskell: A Literary Life. - Houndmills Basingstoke Hampshire: Palgrave Macmillan, 2002. - P. 173.

² Hamilton, S. Gaskell Then and Now // The Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell/ ed. by Jill L. Matus. - Cambridge: Cambridge UP, 2007. – P. 184-185.

³ Pollard, A. Mrs. Gaskell: Novelist and Biographer. - Manchester: Manchester UP, 1965. – 268 p.

⁴ Wright, E. Mrs. Gaskell: The Basis for Reassessment. – L.: Oxford UP, 1965. – 285 p.

⁵ Chapple, J.A.V., Pollard Arthur. The Letters of Mrs. Gaskell. - Manchester: UP, 1966. – 1010 p.

and Invention: A Study of Her Non-Biographic Works”, 1970)¹. За ним последовали книги: Мак Вейг «Элизабет Гаскелл. Биографические сведения в литературном цикле» (“Elizabeth Gaskell”, 1970)², Крэйк «Элизабет Гаскелл и английский провинциальный роман» (“Elizabeth Gaskell and the English Provincial Novel”, 1975)³, Лэнзбери «Элизабет Гаскелл: роман социального кризиса» (“Elizabeth Gaskell: The Novel of Social Crisis”, 1975)⁴, Джерин «Элизабет Гаскелл: биография» (“Elizabeth Gaskell: A Biography”, 1976)⁵, Эссон «Элизабет Гаскелл» (“Elizabeth Gaskell”, 1977)⁶. А в 1977 году появились две библиографии: Велша «Элизабет Гаскелл: аннотированная библиография» (“Elizabeth Gaskell: An Annotated Bibliography: 1929-1975”, 1977)⁷ и Селига «Элизабет Гаскелл: справочник» (“Elizabeth Gaskell: A Reference Guide”, 1977)⁸.

Работа Фрикстед «Мэри Бартон» и «Руфь» Элизабет Гаскелл: вызов христианской Англии» (“Elizabeth Gaskell’s Mary Barton and Ruth: A Challenge to Christian England”, 1982)⁹ раскрывает социальный и религиозный подтексты романов. Отдельные главы посвящены описанию жизни в Манчестере того времени и особенностям вероисповедания унитарной церкви.

Имя Элизабет Гаскелл встречается в двух томах «Словаря биографий писателей» (“Dictionary of Literary Biography”). В 21 томе «Викторианские романисты до 1885» (“Dictionary of Literary Biography, Victorian Novelists

---

¹ Sharps, J. G. Mrs. Gaskell's Observation and Invention: A Study of Her Non-Biographic Works. - Sussex: Linden Press, 1970. – 693 p.

² McVeagh, J. Elizabeth Gaskell. - NY: Humanities Press, 1970. – 104 p.

³ Craik, W.A. Elizabeth Gaskell and the English Provincial Novel. - L.: Methuen & Co., 1975. – 277 p.

⁴ Lansbury, C. Elizabeth Gaskell: The Novel of Social Crisis. - NY: Barnes & Noble, 1975. – 230 p.

⁵ Gerin, W. Elizabeth Gaskell: A Biography. - Oxford: Clarendon Press, 1976. – 318 p.

⁶ Easson, A. Elizabeth Gaskell. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1979. – 278 p.

⁷ Welch, J. Elizabeth Gaskell: An Annotated Bibliography: 1929-1975. - NY: Garland Publishing, 1977. – 139 p.

⁸ Selig, R.L. Elizabeth Gaskell: A Reference Guide. - Boston, 1977. – 431 p.

⁹ Fryckstedt, M. C. Elizabeth Gaskell’s Mary Barton and Ruth: A Challenge to Christian England. - Uppsala: Studia Anglistica Upsaliensia, 1982. – 213 p.

before 1885, 1983”¹ Эдгар Райт повествует об основных этапах жизни и творчества писательницы, а также анализирует критическую литературу по этой теме. 144 том посвящен биографам писателей XIX века (“Dictionary of Literary Biography. 19th –century British Literary Biographers”, 1994)². В нем миссис Гаскелл выступает как биограф Шарлотты Бронте. Барбара Митчелл сравнивает жизни двух писательниц, рассказывает об их дружбе, о процессе написания книги и о противоречивых отзывах современников.

В «Критической литературе XIX столетия» (“Nineteenth-century Literature Criticism”, 1984, 1999, 2001, 2004) Гаскелл отмечена в четырех томах. В 5³ и 70⁴ томах собраны эссе и письма, посвященные произведениям Гаскелл на протяжении всей ее литературной карьеры. В 97⁵ – работы о «Крэнфорде», в 137⁶ - о «Мэри Бартон».

В конце XX века выходят новые биографии Гаскелл: авторитетное исследование Аглоу «Элизабет Гаскелл: привычка сочинять» (“Elizabeth Gaskell: A Habit of Stories”, 1993)⁷, личные переживания писательницы в книге Чэппла и Аниты Вилсон «Дневники Элизабет Клегхорн Гаскелл и Софии Холлэнд» (“Private Voices: The Diaries of Elizabeth Cleghorn Gaskell and Sophia Isaac Holland”, 1996)⁸, работа Анны Ансворт «Элизабет Гаскелл:

---

¹ Wright, E. Elizabeth Cleghorn Gaskell // Dictionary of Literary Biography, Victorian Novelists before 1885 / ed. by I. B. Nadel and W. E. Fredeman. - Detroit: Gale Research, 1983. - Vol. 21. - P. 174 – 187.

² Mitchell, B. Elizabeth Cleghorn Gaskell // Dictionary of Literary Biography. 19th –century British Literary Biographers / ed. by S. S. Hunter. - Detroit: Gale Research, 1994. – Vol. 144. - P. 97 – 107.

³Elizabeth Cleghorn Gaskell // Nineteenth-century Literature Criticism / ed. by L.L. Harris, S.Fitzgerald, 1984. - Vol. 5. - P. 175 – 207.

⁴Elizabeth Cleghorn Gaskell // Nineteenth-century Literature Criticism / ed. by J. Witalec, 1999. – Vol. 70. – P. 149 – 225.

⁵ Elizabeth Cleghorn Gaskell. Cranford // Nineteenth-century Literature Criticism / ed. by J. Byington, 2001. – Vol. 97. – P. 102 – 129.

⁶ Elizabeth Cleghorn Gaskell. Mary Barton // Nineteenth-century Literature Criticism / ed. by R. Whiteaker, M. C. Toft, 2004. – Vol. 137. – P. 143 – 180.

⁷ Uglow, J. Elizabeth Gaskell: A Habit of Stories. – L.: Faber and Faber, 1993. – 690 p.

⁸ Wilson, A.C. & Chapple, J. Private Voices: The Diaries of Elizabeth Cleghorn Gaskell and Sophia Isaac Holland. - NY: St. Martin's Press, 1996. – 125 p.

независимая женщина» (“Elizabeth Gaskell: An Independent Woman”, 1996)¹, описание детства и юности Гаскелл Чэпплом «Элизабет Гаскелл: юность» (“Elizabeth Gaskell: The Early Years”, 1997)².

В XXI столетии интерес к произведениям Гаскелл не угасает, ее популярность растет. Опубликовано продолжение коллекции ее писем (“Further Letters of Mrs. Gaskell”, 2001)³. В новой биографии «Элизабет Гаскелл: литературная жизнь» (“Elizabeth Gaskell: A Literary Life”, 2002)⁴ Ширли Фостер показывает связь жизни и творчества писательницы, какие события отражены в произведениях. Автор кратко пересказывает и анализирует основные работы Гаскелл.

Очень полезна для изучающих творчество Гаскелл книга под редакцией Джил Мэтьюс (“The Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell”, 2007)⁵. В ней собраны эссе исследователей, отражающие многогранность таланта писательницы.

Особую роль в переосмыслении литературной репутации Гаскелл играет общество ее имени (Gaskell Society)⁶. Образовано оно было в 1985 году после празднования 175-ой годовщины со дня рождения писательницы. Находясь в Натсфорде, общество поддерживает связи с Америкой, Японией и Италией. Влияние этой организации и ее журнала на статус Гаскелл трудно переоценить. Со времени появления общества почти половина исследований, посвященных жизненному и творческому пути писательницы, была опубликована в этом журнале.

---

¹ Unsworth, A. Elizabeth Gaskell: An Independent Woman. - L.: Minerva Press, 1996. – 307 p.

² Chapple, J. Elizabeth Gaskell: The Early Years. - Manchester: Manchester UP, 1997. – 512 p.

³ Chapple, J., Shelston, A. Further Letters of Mrs. Gaskell. - Manchester: Manchester UP, 2001. – 360 p.

⁴ Foster, S. Elizabeth Gaskell: A Literary Life. - Houndmills: Palgrave Macmillan, 2002. – 202 p.

⁵ The Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell / ed. by J.L. Matus - Cambridge: Cambridge UP, 2007. – 211 p.

⁶ Gaskell Society [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gaskellsociety.co.uk/index.html>

Еще один полезный интернет ресурс – это сайт, посвященный творческому пути писательницы (The Gaskell Web)¹. Статьи о Гаскелл также можно встретить в журнале Кембриджского университета «Викторианская литература и культура» (“Victorian Literature and Culture”)². В них читатель найдет современный взгляд на ее романы. Подтверждением популярности произведений Элизабет Гаскелл и признания ее таланта является экранизация романов писательницы. Под влиянием общества Гаскелл в 1999 году BBC выпускает мини-сериал «Жены и дочери». За этой успешной работой выходят «Север и Юг» в 2004 году, «Крэнфорд» в 2007 и «Возвращение в Крэнфорд» в 2009.

В России творчество Гаскелл стало известно с середины 1850-х годов. Она считалась второстепенным автором нескольких малоизвестных произведений. Два ее романа – «Мэри Бартон» и «Руфь» были опубликованы в журнале Ф.М. Достоевского «Время» (первый в 1861 году – со многими неточностями, второй – в 1863 году, не целиком), три ранних рассказа – в «Современнике» (1857), а отрывки из книги о Шарлотте Бронте – в «Русском вестнике» и в «Библиотеке для чтения» также в 1857 году. Поверхностные замечания Евгении Тур³ по поводу биографии Бронте были, видимо, первым откликом русской критики на творчество писательницы.

Первые развернутые комментарии к произведениям Гаскелл принадлежат А.В. Дружинину. В журнале «Библиотека для чтения», с которым был связан Дружинин, вышла сенсационная повесть Гаскелл «Дело темной ночи». М.К. Цебрикова отмечала новаторство автора «Мэри Бартон», поднявшего «первый голос против рабства свободных граждан свободной Англии»⁴.

---

¹The Gaskell Web [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.lang.nagoya.u.ac.jp/~matsuoka/Gaskell.html>

² Victorian Literature and Culture [Электронный ресурс].– Режим доступа:<http://journals.Cambridge.org/action/displayJournal?jid=VLC>

³ Тур, Е. Биография Бронте // Русский вестник. – М., 1858. - Т. 18. – С. 131-132.

⁴ Цебрикова, М. Англичанки-романистки // Отечественные записки. – 1871. №9. - С. 144.

Советское литературоведение до середины 1930-х годов почти не обращалось к творчеству Гаскелл. Отклики на ее произведения можно найти в двух статьях Ф.П. Шиллера¹, рецензии на первое издание «Мэри Бартон» Д.Д. Обломиевского². А.А. Елистратова³ впервые в советском литературоведении четко определила проблематику творчества писательницы, ее идейно-эстетическую эволюцию, а также ценные стороны ее наиболее значительных произведений.

Другие статьи советских литературоведов (И. Катарский, З. Гражданская, Л. Чернавина)⁴ посвящены анализу отдельных произведений Гаскелл и отдельных проблем ее творчества. Единственная монография советского периода, посвященная работам Гаскелл, принадлежит Б. Ремизову. В ней автор в силу идейно-политических убеждений, свойственных тому времени, отдает предпочтение социальному роману о чартистском движении «Мэри Бартон». С его точки зрения это лучшее произведение писательницы, «занимающее почетное место в истории критического реализма и в предыстоках реализма социалистического»⁵.

---

¹ Шиллер, Ф. Предисловие к книге Э. Гаскелл «Мэри Бартон». – М.: ГИХЛ, 1936.

Шиллер, Ф. Э. Гаскелл // Из истории реализма XIX века на западе. – М.: ГИХЛ, 1934. - С. 240 – 247.

² Обломиевский, Д. Мэри Бартон // Литературное обозрение. – М., 1937. - №15. - С. 34 – 38.

³ Елистратова, А. Гаскелл // История английской литературы. – М.: АН СССР, 1955. - Т. 2, Вып. 2. - С. 381 – 394.

Елистратова, А. Предисловие к роману Э. Гаскелл «Мэри Бартон». - М.: Художественная литература, 1963. – С. 5 - 21.

Елистратова, А. Предисловие к роману Э. Гаскелл «Крэнфорд». - М.: Художественная литература, 1973. – С. 5 – 19.

⁴ Катарский, И. Предисловие к книге // E. Gaskell, Mary Barton. – М.: FLPN, 1956.

Гражданская, З. Э. Гаскелл – «Мэри Бартон». // Ученые записки МОПИ, т. 37, Труды кафедры зарубежной литературы, вып.8. – М., 1956. - С. 77 – 105.

Чернавина, Л. Роман Э. Гаскелл «Север и Юг», Гаскелл и Диккенс // Ученые записки МГПИ им. В.И.Ленина. – М., 1964. № 218.

Чернавина, Л. Второй период творчества Гаскелл // Проблемы английской филологии. – Иркутск, 1967.

⁵ Ремизов, Б.Б. Элизабет Гаскелл: очерк жизни и творчества. - Киев: «Вища школа», 1974. - С. 9.

Конец XX века ознаменовался подъемом интереса к творчеству английских реалистов, в общем, и Гаскелл в частности. М.П. Тугушева в своей книге об английских романистках XIX столетия ставит Гаскелл в один ряд с Шарлоттой Бронте и Джордж Элиот. В своей работе автор кратко описывает биографию писательницы и подробно останавливается на анализе «Мэри Бартон». Она подчеркивает умение Гаскелл использовать систему противопоставлений. Центральную тему романа Тугушева видит в социальном контрасте – «противостоянии Труда и Капитала».¹ До конца XX века «Мэри Бартон» остается наиболее известным произведением писательницы в России. З.Т. Гражданская называет его «жемчужиной английской литературы», а Гаскелл «мастером интересной интриги, увлекательного и драматического сюжета»². В.А. Миловидов считает, что образ Джона Бартона - одно из лучших созданий литературы середины века, обращавшейся к теме чартизма.³ В.В. Ивашева в главе «Щедрое дарование» рисует Элизабет Гаскелл как «значительного незаурядного художника-реалиста», чей талант выступает с наибольшей очевидностью при сопоставлении социальных романов («Мэри Бартон», «Север и Юг») и нравоописательной книги «Крэнфорд»⁴.

В XXI столетии внимание к работам Элизабет Гаскелл становится еще более пристальным. В 2012 году, спустя более 150 лет после выхода в свет, переведен роман «Север и Юг», переизданы «Крэнфорд» и «Мэри Бартон», в 2013 году выходит на русском языке «Руфь», в 2014 - «Жены и дочери», в 2015 – «Жизнь Шарлотты Бронте». Статьи В.О. Возмилкиной, М.Ю. Фирстовой, Н.Д. Крючковой раскрывают особенности письма миссис

---

¹ Тугушева, М.П. В надежде правды и добра: Портреты писательниц. - М.: Художественная литература, 1989.– С. 130.

² Гражданская, З.Т. От Шекспира до Шоу: Английские писатели XVI – XX в.в. - М.: Просвещение, 1992.– С. 138 – 139.

³ Миловидов, В.А. Э.Гаскелл / История зарубежной литературы XIX века / Под ред. Н.А.Соловьевой. - М.: Высшая школа, 1991. - 637 с.

⁴ Ивашева, В.В. «Век нынешний и век минувший...»: Английский роман XIX века в его современном звучании. 2-е изд. доп. - М.: Художественная литература, 1990.– С. 303.

Гаскелл. Теперь центральное место в творчестве писательницы занимают ее нравоописательные романы. Возмилкина осуществляет гендерный анализ романа «Крэнфорд», что позволяет объяснить поступки героинь с точки зрения воплощения в них разных форм выражения женского начала¹. Н.Д. Крючкова по материалам «Крэнфорда» рассматривает ритуалы повседневной жизни викторианцев².

В конце XX, начале XXI столетий выходят диссертационные работы, авторы которых обращают свое внимания на творчество Гаскелл в целом или на отдельные ее произведения. В диссертации 1990 года О.Р. Демидова исследует творческие пути английских писательниц викторианского периода (среди которых есть имя Элизабет Гаскелл) и их восприятие в России³. В докторской диссертации Т.А. Ивушкиной одна из глав посвящена речи аристократии в английской художественной литературе середины XIX века. В ней автор рассматривает язык романов викторианской эпохи. Одним из выбранных произведений является роман Элизабет Гаскелл «Крэнфорд». На материале романа Ивушкина проводит лингвистический анализ речевых особенностей персонажей. Исследователь останавливается на литературных предпочтениях персонажей. Автор подчеркивает, что «словарь» крэнфордских леди отражает социальные условия, в которых они живут, и занимаемое ими положение – стремление во что бы то ни стало сохранить хотя бы видимость своего благородного происхождения и благополучия.

---

¹ Возмилкина, В.О. «Быть мужчиной вульгарно», или гендерные границы комментирования романа Э. Гаскелл «Крэнфорд» // Пограничные процессы в литературе и культуре: сб. статей / общ. ред. Н.С. Бочкарева, И.А. Пикулева. - Пермь, 2009. - 364 с.

²Крючкова, Н.Д. Ритуалы повседневности британских городских джентри в первой половине XIX в. (по материалам романа Э.Гаскелл «Крэнфорд») [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://www.newlocalhistory.com/content/kryuchkova-nd-g-stavropol-ritualy-povsednevnosti-britanskih-gorodskih-dzhentri-v-pervoy>

³ Демидова, О. Р. Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России (1850–1870-е годы): дис. ... канд. филол. наук / Демидова О.Р. - Л., 1990. - 242 с.

Религиозный характер их воспитания и жизни и литературные привязанности оказывают влияние на их “словарь” и стиль письма¹.

Л.В. Селеменова во второй главе диссертации, посвященной изучению функционирования аллюзивных элементов, обращается к роману «Крэнфорд», объясняя свой выбор тем, что в курсах преподавания зарубежных литератур творчество Гаскелл, как правило, недостаточно полно представлено. В соответствующих курсах зарубежной литературы (и, шире, в литературоведении в целом) ей нередко отводится место “автора социального романа”, что совершенно не исчерпывает ее реального вклада в английскую словесность XIX века — Элизабет Гаскелл является выдающимся мастером стиля и в этом качестве заслуживает самого пристального внимания со стороны прагматистики и лингвопоэтики².

В 2012 году М.Ю. Фирстова защищает кандидатскую диссертацию на тему «Художественное воплощение темы женской судьбы в романах Элизабет Гаскелл 1848-1855 г.г.». По мнению исследователя, обращение к теме женской судьбы имеет концептуальное значение для творчества Гаскелл. Ставя в центр воспроизведения викторианской эпохи женщину, писательница обогащает английский социальный роман XIX столетия за счет введения новых типов героев, конфликтов, усиления психологизации и индивидуализации в изображении персонажей. Автор диссертации выделяет тему материнства как лейтмотив творчества писательницы, материнство, воплощение «женского счастья», выступает наградой героине за прошедшие испытания. Новаторство Гаскелл, по мнению Фирстовой, состоит в

---

¹ Ивушкина, Т.А. Социолингвистические аспекты развития английской речи: на материале речевых характеристик представителей высш. кл. Великобритании в произведениях англ. художественной литературы: автореферат дисс. доктора филол. наук. — М., 1998. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sotsiolingvisticheskie-aspekty-razvitiya-angliiskoi-rechi-na-materiale-rechevykh-kharakteris#ixzz3yjKayRsi>

² Селеменова, Л.В. Аллюзивный аспект художественного текста как объект прагмалингвистического и лингвопоэтического исследования: на материале английской и американской литературы: дис. ... канд. филол. наук / Селеменова Л.В. — М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000. — С. 103.

изображении новой для женщин-писательниц викторианской эпохи героини - женщины из рабочей среды, а также «падшей женщины». Описание эволюции женского характера – особый талант писательницы¹.

В 2015 году защищена диссертация В.О. Возмилкиной «Романы Э. Гаскелл в истории английского социального романа». В данной работе четыре романа писательницы анализируются с точки зрения воплощения в них жанровых параметров социального романа: как показательные образцы социального романа рассмотрены произведения Гаскелл «Мэри Бартон», «Руфь», «Север и Юг». В ходе исследования было обнаружено, что не только хрестоматийное отражение проблем индустриального общества («Мэри Бартон», «Север и Юг»), но и нравственно-религиозная проблематика («Руфь») дает возможность писательнице структурировать произведение на основе социального конфликта². Исследователь приходит к следующему выводу: социальный роман в творчестве Э. Гаскелл оказался продуктивной жанровой разновидностью. Он наполнил максимальной социальностью жанровые параметры, начиная от субъектной организации и хронотопа, заканчивая ассоциативным фоном и интонационно-речевой организацией. Утвердившись в литературе, социальный роман будет порождать все новые актуальные модификации. Динамика собственного творчества Э. Гаскелл показывает, что социальный роман имеет свои границы и, будучи связанным со злободневностью и тенденциозностью, может быть востребован не на каждом этапе литературного процесса³. Таким образом, недооцененное ранее творчество Элизабет Гаскелл привлекает все большее количество исследователей.

---

¹ Фирстова, М.Ю. Художественное воплощение темы женской судьбы в романах Элизабет Гаскелл 1848-1855 гг.: автореферат дисс. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2012. – С. 19 – 20.

² Возмилкина, В.О. Романы Э. Гаскелл в истории английского социального романа: автореферат дисс. канд. филол. наук. - Екатеринбург, 2015. - С. 5.

³ Там же. - С. 21.

Таким образом, творчество Гаскелл справедливо рассматривается во всем многообразии черт социального романа, одним из главных создателей которого писательница и является. В то же время рассмотрение ее произведений в теоретическом аспекте художественной рефлексии повседневности представляется перспективным в плане исследования возможностей социального реализма.

Цель данного исследования: описать объекты повседневности, ставшие частью художественного мира романов Э. Гаскелл, и выявить их эстетический смысл.

Задачи исследования:

1. систематизировать труды, посвященные повседневности как теоретической проблеме в области философии, социологии, культурологии; обобщить исследования в теоретической области «повседневности» как категории литературоведения в контексте проблемы ее эстетизации;
2. проследить преемственность изображения повседневности в викторианском романе с традицией английской философии и прозы XVIII века;
3. выявить центры повседневности в романах Э. Гаскелл и определить принципы и смысл ее эстетизации;
4. проследить наличие тем, мотивов, образов в художественном мире Э. Гаскелл, свидетельствующих о возможности расширения представлений об обыденной жизни.

Объектом исследования диссертационной работы являются произведения Элизабет Гаскелл: «Мэри Бартон»¹ (“Mary Barton”², 1848), «Крэнфорд»³ (“Cranford”⁴, 1853), «Руфь»¹ (“Ruth”², 1853), «Север и Юг»³

---

¹ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 544 с.

² Gaskell, E. Mary Barton. – L.: Penguin Group, 1994. – 372 p.

³ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 288 с.

⁴ Gaskell, E. Cranford. – L.: Penguin Group, 1994. – 228 p.

(“North and South”⁴, 1855), «Поклонники Сильвии» (“Sylvia’s Lovers”⁵, 1863), «Кузина Филлис» (Cousin Phillis⁶, 1864), «Жены и дочери»⁷ (“Wives and Daughters: An Everyday Story”⁸, 1866), мистические новеллы⁹.

Предмет исследования – эстетика повседневной действительности викторианского социума.

Теоретической базой для исследования стали труды Э. Гуссерля¹⁰, Б. Вальденфельса,¹¹ Н. Элиаса.¹² А. Лефевра¹³, М. де Серто¹⁴, А.Шюца¹⁵, П. Бергера и Т. Лукмана (1966)¹⁶, М. Гардинера, Б. Хаймора¹⁷, В. Бычкова¹,

---

¹ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 480 с.

² Gaskell, E. Ruth. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.online-literature.com/elizabeth_gaskell/ruth/4/ (дата обращения 1.10.2015)

³ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 544 с.

⁴ Gaskell, E. North and South. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.online-literature.com/elizabeth_gaskell/north-south/ (дата обращения 25.09.2015)

⁵ Gaskell, E. Sylvia’s Lovers. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.readcentral.com/chapters/Elizabeth-Gaskell/Sylvias-Lovers/002> (дата обращения 20.10.15)

⁶ Gaskell, E. Cousin Phillis. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/4268/4268-h/4268-h.htm> (дата обращения 1.11.2014)

⁷ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 800 с.

⁸ Gaskell, E. Wives and Daughters: An Everyday Story. – Hertfordshire: Wordsworth Classics, 2003. – 596 p.

⁹ Gaskell, E. Tales of Mystery and the Macabre. – Hertfordshire: Wordsworth Editions Limited, 2008. – 305 p. Гаскелл, Э. Рассказ старой няньки // Лицом к лицу с призраками: таинственные истории. - СПб.: Азбука-классика, 2005. - С. 60–82.

¹⁰ Гуссерль, Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. - 464 с.

¹¹ Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос: Пер. с англ., нем., фр. - М.: Прогресс, 1991. - С. 42 - 44.

¹² Элиас, Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. - М.; СПб, 2001. – С. 57-58.

¹³ Lefebvre, H. Everyday Life in the Modern World.- L.: Harper Torchbooks, 1971. - 206 p.

¹⁴ De Certeau, M. The Practice of Everyday Life. - Berkeley: University of California Press, 1984.-230 p.

¹⁵ Schutz, A., Luckmann, T. The Structures of the Life-World. – L.: Heinemann Educational Books, 1974. – 335 p.

¹⁶ Berger, P. L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966.

¹⁷ Highmore, B. Everyday Life and Cultural Theory. An Introduction.- L.-N.Y.: Routledge, 2002. – 200 p.

монографии И.Т. Касавина и С.П. Щавелева², В.Д. Лелеко³, И.П. Поляковой⁴, С.Н. Боголюбовой⁵, статьи И.В.Кабановой,⁶ Т.Б. Мойсеевой⁷. Теоретическим обоснованием литературоведческого аспекта проблемы стали исследования Т. Г. Струковой⁸ и коллективные монографии, изданные под ее руководством⁹, диссертационные исследования О.В. Пустовойтовой, О.В. Кучеренко¹⁰, а также труды в области английской литературы Г.В. Аникина и Н.П. Михальской¹¹, Е.Ю.Гениевой¹², З.Т. Гражданской¹, В.В. Ивашевой², Н.А. Соловьевой³, Е.В. Сомовой.⁴

---

¹ Бычков, В. В. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века (автор проекта, ведущий автор, руководитель авторского коллектива, отв. редактор В. Бычков). — М.: РОССПЭН, 2003. — 607 с.

² Касавин, И.Т., Щавелев, С.П. Анализ повседневности. - М.: Канон+, 2004. - С. 19 - 28.

³ Лелеко, В. Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа: дис. ... д-ра философ. наук: 24.00.01 / В.Д. Лелеко. — СПб: Санкт-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2002. - 321с.

⁴ Полякова, И.П. Повседневность в социально-философском контексте: теоретико-методологический анализ: дисс. ... д-ра философ. наук: 09.00.11 / И.П. Полякова.— М.: Липецкий государственный технический университет, 2011. — 352 с.

⁵ Боголюбова, С.Н. Повседневность: пространство социальной идентичности: дис. ...д-ра философ. наук: 09.00.11 / С.Н. Боголюбова. — Ростов-на-Дону: Южный федер. ун-т, 2011. - 250 с.

⁶ Кабанова, И.В. Век существования теории повседневности: первые итоги // Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы развития в XXI веке. - Воронеж, 2011. - С. 30 - 41.

⁷ Мойсеева, Т.Б. Повседневность: философско-антропологический аспект // Гуманитарные и социальные науки. - 2008. №2. - С. 27.

⁸ Струкова, Т.Г.Повседневность как феномен литературы [Электронный ресурс]. // URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-420624.html>, Струкова, Т. Г. Повседневность и литература // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — Ростов-на Дону, 2010. № 4. - С. 8-20.

⁹ Научно-философский анализ повседневности: проблемы и перспективы в XXI веке / под общ. пред. Т.Г. Струковой. — Воронеж: ВГПУ, 2010. — 184 с.; Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы в XXI веке / под ред. Т.Г. Струковой. — Воронеж: ВГПУ, 2011. — 174 с.; Струкова, Т. Повседневность как феномен литературы. - Lambert Academic Publishing, 2014. — 72 с.

¹⁰ Пустовойтова, О.В. Феномен повседневности в прозе И.А. Бунина: автореферат дисс. канд. филол. наук. — Магнитогорск, 2011; Кучеренко, О.В. Проблема повседневности в малой прозе Томаса Гарди: автореферат дисс. канд. филол. наук. — Воронеж, 2013. — 16 с.

¹¹ Аникин, Г.В., Михальская, Н.П. История английской литературы: учеб. Пособие для студентов пед. университетов и факультетов ин. яз. — М.: Высшая школа, 1975. — 528 с.

¹² Гениева, Е.Ю. Жемчужины в короне // Эти загадочные англичанки. — М.: Прогресс, 1992. — 530 с.

Методы исследования: историко-литературный и типологический с использованием методик социокультурного анализа.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что и дополняются теоретические представления о социальном реализме как литературном направлении XIX века, о неовикторианстве как одном из значимых социокультурных явлений конца XX века.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов и материалов в общих историко-литературных курсах, а также спецкурсах, в том числе междисциплинарных, связанных с теоретическими и практическими проблемами изучения категории «повседневность».

Основные положения диссертации

1. Повседневность впервые находит свое последовательное художественное воплощение в западноевропейском социальном романе XIX века. Романисты Великобритании в этом плане опираются на традицию предшествующего столетия, когда художественная рефлексия обыденной жизни англичан в дневниках, письмах, очерках, эссе, романах опирается на господствующее представление о неразрывной связи эстетического и нравственного начал.
2. Писатели-викторианцы, которые делают предметом своего изображения микромиры своих персонажей, эстетизируя повседневную жизнь, превращая обыденную жизнь, сознание своих персонажей, предметы повседневности в предметы искусства, достигают высокого уровня в изображении повседневной культуры. Особую ценность произведений Э. Гаскелл представляет та особая модальность повседневности, которая воплощается в созданном ею художественном

---

¹ Гражданская, З. Э. Гаскелл – «Мэри Бартон». // Ученые записки МОПИ, т. 37, Труды кафедры зарубежной литературы, вып.8. – М., 1956. С. 77 – 105.; Гражданская, З.Т. От Шекспира до Шоу: Английские писатели XVI – XX в.в. - М.: Просвещение, 1992. – 191 с.

² Ивашева, В.В. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. - М.: Художественная литература, 1974г.- 464с.

³ Соловьева, Н.А. Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи. М.: Формула права, 2008.- 272 с.

⁴ Сомова, Е.В. Античный мир в английском историческом романе XIX века: дис. ... доктора филол. наук / Сомова Е.В. – М.: Моск. пед. гос. ун-т., 2009. – 416 с.

мире, то понимание действительности, которое характерно для обыденного сознания англичанин-викторианцев, и видение реальности, которое обеспечивается специфическим комплексом установок здравого смысла.

3. Центром пространства повседневности в романах Э.Гаскелл становится дом. Автор синтезирует категории эстетического и этического, отражая представления викторианцев о красивом и безобразном. Нравственная чистота неизменно способствует созданию подлинно красивого личного пространства, которое детализируется в соответствии со вкусами, уровнем жизни и образования персонажей произведений и самой писательницы. Эстетически идеализируется то главное для англичанина пространство бытия, которое соответствует «моральному чувству».
4. Особое отношение к природе, пейзажу, саду является важнейшей характеристикой «englishness» и влияет на ее формирование. Специфика английского сада заключается в его естественности, что определяет слияние сада и пейзажа. В этом синтезе важной составляющей является живописность, означающая не столько некую естественную «красивость», сколько особый стиль жизни и, шире, особую философию слияния с миром. В эстетическом плане интересен аспект слияния искусственного и естественного, актуализированный в произведениях Гаскелл.
5. Свообразным центром повседневности викторианцев было общение. Мастерство ведения беседы, включающее в себя и правильную речь, и кругозор, и необходимые представления о нравственности, означало одновременно и приобщенность личности к этическим нормам общества, и умение жить полноценной, достойной жизнью. Соответственно, на первый план выходят проблемы образования, которые и находят всемерное отражение в романах Гаскелл.
6. Отсылки к сказочным сюжетам и образам, а также к мистическим, рационально не объяснимым силам в произведениях Гаскелл в сочетании с приемами изображения центров повседневности производят эстетический эффект расширения границ повседневности и предвосхищают в этом смысле произведения английского магического реализма, ставшего заметным течением в литературе Великобритании на рубеже XX-XXI веков.

Апробация работы. Положения работы были представлены в виде ряда статей и докладов на научных конференциях: XV Нижегородская сессия

молодых ученых. Гуманитарные науки (2010), VII Поволжский научно-методический семинар по проблемам преподавания и изучения дисциплин античного цикла (2011), XXI Международная научная конференция Российской ассоциации преподавателей английской литературы (2011), VIII Поволжский научно-методический семинар по проблемам преподавания и изучения дисциплин античного цикла: «Когнитивные исследования античной концептосферы: язык, текст, культура» (2013), Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Языковое образование: достижения и проблемы» (2013), Международная научная конференция «Национальное и конфессиональное в английской и русской литературе и культуре» (2013), Всероссийская научная конференция с международным участием «Национальные коды в языке и литературе. Особенности концептосферы национальной культуры» (2014), III Всероссийская научная конференция с международным участием «Национальные коды в европейской литературе XIX – XXI веков» (2015), Международная научно-практическая конференция «Новая наука: современное состояние и пути развития» (Оренбург, 2016).

Основное содержание диссертации отражено в 11 статьях, в том числе 4, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК.

Объем диссертации – 226 страниц, библиография включает в себя 242 наименования.

Структура работы определена целью и задачами исследования и состоит из введения, четырех глав и заключения.

ГЛАВА 1.

КАТЕГОРИЯ «ПОВСЕДНЕВНОСТЬ» В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

1.1. Реальность повседневной жизни в современных гуманитарных науках

Категория «повседневность» в философии характеризуется в самом общем виде как «целостный социокультурный жизненный мир, предстающий в функционировании общества как "естественное", самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности»¹. Тема повседневной частной жизни людей была чуждой для классической философской традиции, ибо считалось, что «сама повседневность как сфера и способ частной жизни человека не может быть объектом научной рефлексии»². Однако для современной философии характерна тенденция выдвигания повседневности на первый план. Процесс понимание «Других» культур смещается в область повседневных практик. Повседневность – это «сложное переплетение разнообразных порядков: специфических дисциплинарных пространств, норм и правил поведения, моды и законов, формирование нового типа телесности и т.д. Под повседневностью понимается нечто упорядоченное, традиционное, определенная система координат, в рамках которой осуществляются все виды социального взаимодействия»³.

Фактографически–описательный подход к проблеме повседневности был намечен в такой науке, как историография. Еще во второй половине XIX

---

¹ Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Кемерова. - М., 2004.

² Грехнёв, В.С. Социальное пространство быта //Философия и общество. - 2009. №2. -С. 22.

³ Бабаева, А.В. Эстетика в повседневном мире / А.В. Бабаева // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века: матер. науч. конференции. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. - Вып. 16. - С. 14.

– начале XX в. в России были опубликованы работы А. Терещенко (1848 г.)⁴, Н. Костомарова (1862 г.)⁵, И. Забелина (1862 г., 1869 г.)⁶. В Западной Европе особенно известны труды Э. Виолле-ле-Дюка (1858 — 1875 гг.)⁷, П. Гиро (1890 г., 1893 г.)⁸, Э. Фукса (1909-1910 гг.)⁹.

Вопросы, которые тогда волновали ученых, можно свести к следующим группам, сохраняющим свое значение и в современной науке:

1. Макро– и микросреда обитания: природа, город, деревня, жилище (в его обращенности вовне, наружу; и внутреннее пространство, включая интерьер, мебель, утварь, и т. д.).

2. Тело и заботы о его природных и социокультурных функциях: питание, физические упражнения, гигиена, врачевание, костюм.

3. Обряды перехода – рождение (крещение), создание семьи (свадьба), смерть (похороны).

4. Семья, семейные отношения, межличностные отношения в других микросоциальных группах (профессиональных, конфессиональных и др.).

5. Досуг: игры, развлечения, семейные и общественные праздники и обряды.

При этом исследователи сосредоточивали внимание на внешней, предметно–материальной стороне жизни, на внешнем рисунке действий, на внешнем выражении человеческих чувств, представлений, взаимоотношений, зафиксированных в устоявшихся формах: обычаях, обрядах, ритуалах. Даже при описании нравов, этих социально предписанных стереотипов поведения,

---

⁴ Терещенко, А. В. Быт русского народа: В 2 т. - М.: Институт русской цивилизации, 2014. - Т. 1 Ч. I–III. - 944 с.

⁵ Костомаров, Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях (очерк). - М.: Республика, 1992. - 301 с.

⁶ Забелин, И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: В 2 т. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1895-1901. - Т.1. - 759 с., Т. 2. - 788 с.

⁷ Виолле-ле-Дюк, Э. Э. Жизнь и развлечения в средние века. - СПб.: Евразия, 2003. - 384 с.

⁸ Гиро, П. Быт и нравы древних римлян. – Смоленск: Русич, 2000. - 576 с. Гиро, П. Быт и нравы древних греков. – Смоленск: Русич, 2000. - 624 с.

⁹ Фукс, Э. Иллюстрированная история нравов. Галантный век. - М.: Республика, 1984. – 217 с. Фукс, Э. Иллюстрированная история нравов: Эпоха Ренессанса. - М.: Республика, 1993. - 511 с.

в которых проявляются установки сознания на общепринятость («как все»), исследователей интересовали стереотипы поведения, а не регулирующие их полубессознательные установки массового сознания¹⁰. В целом, в подобного рода исследованиях повседневность подробным образом описывалась, но не анализировалась, т.к., с точки зрения классического рационального философствования основывалась на эмоциях, но не на разуме.

Со временем отношение к значимости исследования повседневности менялось. Если раньше повседневность противопоставлялась неким глобальным категориям человеческого существования как нечто тривиальное и неинтересное, то теперь она стала самостоятельной проблемой исследования. Повседневность стала рассматриваться как одна из основных тем, разрабатываемых различными отраслями гуманитарного знания (философией, социологией, психологией, историей, литературоведением, лингвистикой и др.).

Весомый вклад в эту область внесли представители школы «Анналов». Это историческое направление, основанное Л. Февром и М. Блоком, исследует «тотальную» историю, т.е. историю, описывающую все существующие в обществе связи – экономические, социальные, культурные. Учёные стали ставить в центр своих исследований не деятельность великих людей, не описание событий, а общество в целом, пытаясь вскрыть глубинные структуры, существующие в течение больших временных отрезков. Сторонники данного направления изучают массовые представления людей той или иной эпохи, смену ценностных установок на протяжении веков, проблему исторической памяти и так далее. Для понимания истории необходимо обнаружить смысл явления, постигнуть мотивы людей, совершивших поступки в условиях, «прочитанных» ими на свой манер. В работах указанных авторов (1920 г. – 1980 г.) особое внимание

---

¹⁰ Теория культуры [Электронный ресурс] — режим доступа: http://www.libma.ru/kulturologija/teorija_kultury/index.php

уделялось ментальным структурам повседневности, были определены методы изучения повседневности¹¹.

В XX в. главным объектом научного познания становится сам человек в его уникальности и неповторимости. В этот период на первый план выдвигается «онтологическая» проблематика жизнеосуществления человека, а феноменологический метод становится особой «призмой», с помощью которой осуществляется видение, осмысление и познание действительности, в том числе и социальной.

В области феноменологии следует отметить работы Э. Гуссерля (1900-1901 гг.)¹². Гуссерль создает область философии, способной, по его мысли, восстановить утраченную связь с глубочайшими человеческими заботами. Феноменология начинается с тезиса Э. Гуссерля «Назад, к самим вещам!» и означает необходимость отказаться от построения дедуктивных систем философии, подобных гегелевской, а также от редукции вещей и сознания к каузальным связям, изучаемым науками. Феноменология предполагает обращение к первичному опыту, у Гуссерля — к опыту познающего сознания, где сознание понимается не как эмпирический предмет изучения психологии, но как «трансцендентальное Я» и «чистое смыслообразование» (интенциональность). Благодаря Гуссерлю, повседневность обрела в глазах философов статус самостоятельной реальности, имеющей фундаментальное значение. Авторы статьи, посвященной содержанию феномена повседневности Л. Станкевич и И. Полякова, определяют роль названного философа в становлении этого содержания следующим образом: «Обращение к повседневности как к самостоятельной проблеме было осуществлено Э. Гуссерлем в рамках феноменологии. Для него жизненный, повседневный

---

¹¹ Февр, Л. Бои за историю. / Пер. с фр.- М.: Наука, 1991. - 629 с.

Блок, М. Апология истории или ремесло историка. - М.: Наука, 1986. - 254 с.

Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Т.1 Структуры повседневности: возможное и невозможное. / Пер. с фр. – М.: Весь мир, 2006. – 592 с.

¹² Гуссерль, Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. - М.: Территория будущего, 2005.— 464 с.

мир становится универсумом смыслов. Повседневный мир обладает внутренней упорядоченностью, ему присущ своеобразный когнитивный смысл... Повседневность Э. Гуссерля отличает простота понимания того, что ему «видимо». Все люди исходят из естественной установки, объединяющей предметы и явления, вещи и живые существа, факторы социально-исторического характера. Основываясь на естественной установке, человек воспринимает мир как единственно подлинную реальность. Вся повседневная жизнь людей базируется на естественной установке. Жизненный мир является данным непосредственно. Это сфера, известная всем. Жизненный мир всегда относится к субъекту. Это его собственный повседневный мир. Он субъективен и представлен в виде практических целей, жизненной практики»¹³.

Немецкий философ-феноменолог Б. Вальденфельс в своем труде «Повседневность как плавильный тигль рациональности» (“Schmelztiegel der Rationalität”, 1978), используя смысловую многозначность и образность немецкого языка, проводит анализ понятия «повседневность». Вальденфельс противопоставляет повседневное с неповседневным: повседневное — это привычное, упорядоченное, близкое. В противоположность повседневному неповседневное существует как непривычное, вне обычного порядка находящееся, далекое. Неповседневное определяется как смутное, дилетантское, импровизированное, окказиональное в отличие от отпугивающего стандарта точного, методичного, экспериментально проверяемого и повторно воспроизводимого. Автор показывает, как менялось отношение к повседневности в разные эпохи. Уже в Античности под влиянием образования постепенно оформляется более широкий взгляд на мир и тем самым обесценивается все то, что имеет место в закоулках и темных подвалах обыденной жизни. С началом Нового времени отход от

---

¹³ Полякова, И.П., Станкевич, Л.П. Феномен повседневности: сущность, содержание и целостность // Философия и Общество. – 2009. № 2 (54). - С. 75.

повседневного приобретает новые формы. Предшествующий порядок мира и общества уступает место порядку, который позволяет творить. Вертикальная ось переворачивается в горизонтальную плоскость, становится временной осью и превращается в прогресс. Истинное сознание — это то, которое может быть лишь в конце пути. Идеологические противники повседневности, пытающиеся представить «тупую, темную повседневность» (Т. Лейтхойзер), «религию повседневности» (К. Косик) в качестве «превратного мира» (К. Маркс), попадают в весьма трудное положение. Они всегда приходят либо слишком рано, либо слишком поздно. Единственно необычным в конце является «чудо разума» Лейбница или «чудо рациональности», о котором говорит Гуссерль. В начале XX столетия повседневное определяется как смутное, дилетантское, импровизированное, окказиональное в отличие от отпугивающего стандарта точного, методичного, экспериментально проверяемого и повторно воспроизводимого. Теперь невежде противостоит не универсальный философ, а дилетантам противопоставляет себя специалист в узкой предметной области – эксперт¹⁴.

Далее философ приходит к «реабилитации повседневности», приводит имена ученых, пытавшихся вернуть ценность повседневному. Он обращается к процессу «оповседневнивания» (термин Макса Вебера). Сюда он относит процесс обживания, который принимает формы обучения, освоения традиций и закрепления норм. Вступая в полемику с Вебером и Хайдеггером, Вальденфельс обращает внимание на своеобразные преимущества этого процесса:

(а) Оповседневнивание означает, прежде всего, воплощение и усвоение того, что входит в «плоть и кровь» человека. Сюда относятся: запоминание выражений языка, разучивание гамм и аккордов, обращение с приборами, ориентация в городских кварталах или на открытой местности. Здесь знания и навыки приобретают надежность, которая никогда невосполнима

---

¹⁴ Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос: Пер. с англ., нем., фр. - М.: Прогресс, 1991. - С. 42 - 44.

полностью посредством искусственных методов, (б) Это воплощение никоим образом не связано с чистым применением правил или даже с механической дрессировкой, но оно само есть вид опыта. В этом смысле для Платона и Аристотеля использование вещей задает меру для их полезного производства, (в) Постперсональное обезличивание, которое приходит вместе с оповседневниванием, не означает лишь погружение в то, что не имеет ни имени, ни качеств, а означает одновременно укрепление в пограничной сфере понимания, где свое и чужое играют друг в друге, не требуя при этом согласия, основывающегося на единстве, (г) В конечном счете, оповседневнивание затрагивает все сферы, включая науку, искусство, религию, т. к. они лишь в институализации принимают форму, способную продолжительно существовать и сохранять традиции¹.

Само представление о повседневности как об особой форме социальности предопределило преимущественный интерес к ней в социологии. Основатель феноменологического направления в социологии, А. Шюц, создавал свои труды в 30-50-е годы XX века. Иллюстрациями применения феноменологического метода к миру повседневности являются эссе Шюца о «чужом», «возвращающемся домой», «хорошо информированном гражданине», «равенстве», «сочинении музыки». Наиболее значительные работы Шюца собраны в книге «Структуры жизненного мира»², которая была издана Томасом Лукманом уже после смерти Шюца. В переводе на русский язык в 1988 году выходит статья Шюца «Структура повседневного мышления»³. В ней автор показывает, что человек человек интерпретирует мир повседневной жизни на основе предыдущего знакомства с ним – нашем лично или передаваемом нам родителями и учителями. Шюц рассматривает три аспекта проблемы социализации знания:

---

¹ Там же.- С.46.

² Schutz, A., Luckmann, T. The Structures of the Life-World. – L.: Heinemann Educational Books, 1974. – 335 p.

³ Шюц, А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования, 1988. - №2.- С.129-137.

взаимность перспектив или структурную социализацию знания; социальное происхождение знания или его генетическую социализацию; социальное распределение знания. В 2003 году был опубликован сборник трудов социолога, в который включены работы, раскрывающие категории феноменологической социологии: конституирование жизненного мира, трансцендентальная intersубъективность, смысловая структура действия, рациональность, релевантность, типизация¹. Как отмечает Е.Н. Шапинская, Шюц воспринимает повседневность как особую форму реальности и выделяет ее основные элементы: трудовая деятельность, специфическая уверенность в существовании мира, напряженное отношение к жизни, особое переживание времени, специфика личностной определенности действующего индивида, особая форма социальности. Т. к. повседневность исторична, все эти элементы проходили через процесс изменения разными способами, соответственно, становление современной культуры повседневности проходило путем расширения пространственных связей человека, возникновения обмена вещей и товаров, становления денежной экономики, развития философии и естественных наук. Повседневность – это продукт длительного исторического развития². В понимании повседневности Шюц также обращает пристальное внимание на символизацию, анализирует детали реального жизненного мира.

Профессор Л.Г. Ионин пишет о конечных областях значений (*finite provinces of meaning*), выделенных Шюцем, — специфических, относительно обособленных сфер человеческого опыта (повседневность, религия, сон, игра, научное теоретизирование, художественное творчество, мир душевной болезни и т. п.). Переход из одной сферы в другую требует определенного

---

¹Шюц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Пер. с англ. Сост. А.Я. Алхасов. - М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. - 336 с.

² Шапинская, Е.Н. Культура повседневности в современных исследованиях // Культурология. Фундаментальные основания прикладных исследований./ Под ред. И.М. Быховской. - М.: Смысл, 2010.- С. 362.

усилия и предполагает своего рода смысловой скачок, т. е. переориентацию восприятия на иную реальность. Например, переход от религиозного опыта к повседневности требует определенной душевной перестройки.

Согласно Шюцу, все «миры» по отношению к миру повседневности характеризуются какого-либо рода дефицитом, например, дефицитом существования, активности, личностной вовлеченности и т. д. Поэтому Шюц именуется повседневность «верховой реальностью», и ее типологическая структура оказывается наиболее полной формой человеческого восприятия мира, соответствующей деятельной природе человека. Разработанный понятийный аппарат Шюц применил для анализа как литературы и мифологии, так и некоторых типов личностей в «повседневной» жизни («чужак», новичок и т. д.). В дальнейшем его идеи легли в основу таких направлений, как феноменологическая социология и социология повседневности, или социология обыденной жизни.¹

Фундаментальное значение для гуманитарного знания в области теории повседневности имеет труд П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» (1966)². На русский язык он был переведен Е. Д. Руткевич почти 30 лет спустя. Целью данного исследования авторы ставят социологический анализ реальности повседневной жизни, точнее, знания, определяющего поведение в повседневной жизни³. По П. Бергеру и Т. Лукману, повседневность обладает следующими чертами: самоочевидность существования, целостность и упорядоченность, фактичность, ориентация на присутствие, ориентация на ситуацию «здесь-и-сейчас», интерсубъективность, пространственно-временная локализация. Социологи подчеркивают главенствующую позицию

---

¹ Новая философская энциклопедия: В 4-х т. / Редкол.: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. - М.: Мысль, 2010, - Т. 4. - С. 402 - 403.

² Berger, P. L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. - NY: Anchor Books, 1966. – 240 p.

³ Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – С. 38.

реальности повседневной жизни. «Среди множества реальностей существует одна, представляющая собой реальность *par excellence*. Это – реальность повседневной жизни. Ее привилегированное положение дает ей право называться высшей реальностью. Напряженность сознания наиболее высока в повседневной жизни, т. е. последняя накладывается на сознание наиболее сильно, настоятельно и глубоко. Невозможно не заметить и трудно ослабить ее властное присутствие. Следовательно, она вынуждает быть к ней предельно внимательным. Повседневная жизнь воспринимается в состоянии бодрствования. Это бодрствующее состояние существования в реальности повседневной жизни и ее восприятие принимается как нормальное и самоочевидное, т.е. составляет естественную установку». Авторы полагают реальность повседневной жизни как упорядоченную реальность. «Ее феномены уже систематизированы в образцах, которые кажутся независимыми от понимания и которые налагаются на него. Реальность повседневной жизни оказывается уже объективированной, т.е. конституированной порядком объектов, которые были обозначены как объекты до нашего появления на сцене. Язык, используемый в повседневной жизни, постоянно предоставляет необходимые объективации и устанавливает порядок, в рамках которого приобретают смысл и значение и эти объективации, и сама повседневная жизнь»¹.

Согласно мнению Бергера и Лукмана, реальность повседневной жизни организуется вокруг “здесь” моего тела и “сейчас” моего настоящего времени. Это “здесь-и-сейчас” – фокус моего внимания к реальности повседневной жизни. В том, как это “здесь-и-сейчас” дано мне в повседневной жизни, заключается *realissimum* моего сознания. Реальность повседневной жизни, однако, не исчерпывается этим непосредственным присутствием, но охватывает и те феномены, которые не даны “здесь-и-сейчас”. Это означает, что я воспринимаю повседневную жизнь в

---

¹ Там же.- С.41-42.

зависимости от степени пространственной и временной приближенности или удаленности. Ближайшей ко мне является та зона повседневной жизни, которая непосредственно доступна моей физической манипуляции. Эта зона включает мир, находящийся в пределах моей досягаемости, мир, в котором я действую так, чтобы видоизменить его реальность, или мир, в котором я работаю. В этом мире труда мое сознание руководствуется прагматическим мотивом, т.е. мое внимание к этому миру определяется главным образом тем, что я делаю, делал или собираюсь делать в нем. Так что это мой мир *par excellence*¹.

На основании открытий в названной области, сделанных в первой половине XX века и в первые послевоенные десятилетия (50-60-е годы), теория повседневности активно разрабатывается в 70-80-е годы. Издают свои труды философы А. Лефевр «Критика повседневной жизни» (“*The Critique of Everyday Life*”, 1947 -1958, transl. in 1991)², «Повседневность в современном мире» (“*Everyday Life in the Modern World*”, 1968, transl. in 1984) и М. де Серто «Практика повседневной жизни» (“*The Practice of Everyday Life*”, 1980, transl. in 1984)³. Утверждая, что повседневность носит исторический характер, Лефевр выделяет несколько этапов ее становления, которые имеют достаточно выраженные характеристики.

1. Постепенное разделение повседневного и неповседневного (к которому он относит искусство, религию, философию), а также разделение труда и производства, частной и публичной сфер.

2. Угасание стиля, замена его культурой и эстетизмом или «искусством для искусства».

3. Отчуждение человека от природы, чему сопутствует чувство утраты, отсутствие ритма, угасание трагедии.

---

¹ Там же.- С.43.

² Lefebvre, H. *Everyday Life in the Modern World*.- L.: Harper Torchbooks, 1971. - 206 p.

³ De Certeau, M. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press, 1984.- 230 p.

4. Замена знаков на символы.
5. Рассеивание сообществ и подъем индивидуализма.
6. Вытеснение (но не замена) сакрального профанным.
7. Разделение труда до уровня специализации.
8. Общее ощущение бессмысленности, размножение знаков и нехватка смыслов.

Критическое исследование Лефевром повседневной жизни состоит из двух контрастирующих частей. В первой он показывает ее негативную сторону, монотонность выполняемых ежедневно заданий, унижения, которыми полна жизнь рабочего класса, особенно женщин, которым приходится нести на себе все бремя повседневных забот, в особенности связанных с деторождением и уходом за детьми. Вторая часть показывает силу повседневности, ее непрерывность, постоянство жизни, укорененной в почве, адаптацию тела, времени, пространства, желания, непредсказуемой трагедии, которая постоянно маячит в повседневности, власть женщины, сокрушенной, вечного «объекта» истории и общества, но в то же время его «субъекта» и основы. Соотношение этих двух аспектов ставит перед исследователем проблему, которую затрагивают практически все исследования повседневной культуры, - проблему праздника (или карнавала). Игра составляет лишь один аспект праздничного действия. Согласно Лефевру, праздник уходит корнями в крестьянскую среду, а в современном обществе, где повседневность доминирует, происходит одновременно упадок стиля и праздника. Концепции повседневности А. Лефевра посвящена статья Е. Шапинской¹, в которой раскрываются особенности восприятия философом данного вопроса. Согласно Лефевру, «повседневность – это не отделенный временно-пространственный комплекс или четко очерченная сфера, принадлежащая свободе, разуму и находчивости индивидуума, и не место, где разыгрываются человеческие страдания и героизм... Повседневная жизнь

---

¹ Шапинская, Е.Н. Критическая концепция повседневности П. Лефевра // Полигнозис. – 2009. №2(35). - С. 118 – 129.

стала объектом анализа и областью организации, пространственно-временным континуумом произвольной саморегуляции, т. к. правильно организованная, она формирует замкнутый цикл: производство – потребление – производство. Повседневная жизнь в скором времени должна будет стать совершенной системой, которую в настоящее время затмевают другие системы, направленные на систематизацию мысли и структурирование действия, таким образом, она станет главным результатом так называемого «организованного» современного общества с контролируемым потреблением»¹.

В рецензии на книгу М. Серто М.А. Степанов предметом исследования этого философа называет способы действий, которые всякий раз изобретаются и переизобретаются с целью присвоить пространство и выйти за пределы заданных способов потребления²: пользователи, задеиствуя господствующую культурную экономику и находясь внутри нее, «производят» (bricolent) бесчисленные и мельчайшие изменения ее закона, исходя из своих собственных интересов и правил. Мы должны определить процедуры, основания, следствия и возможности этой муравьиной деятельности.³

Е.Н. Шапинская подчеркивает стремление Серто показать, что культура повседневной жизни коренится в «адаптации» или «способе использования навязанных систем». По Серто, ключевыми словами, характеризующими тактику повседневной жизни, являются «адаптация», «манипуляция» и «трюкачество». Люди должны обходиться тем, что они имеют, и повседневная жизнь представляет собой искусство такого удовлетворения запросов. Искусство повседневной жизни – это искусство

---

¹ Lefebvre, H. *Everyday Life in the Modern World*. - L.: Harper Torchbooks, 1971. – P. 72.

² Степанов, М.А. Поэтика изобретения. Рецензия на книгу Мишеля де Серто «Изобретение повседневности» // *Международный журнал исследований культуры*. - 2013. №3(12). - С. 158.

³ Серто, М. де. *Изобретение повседневности*. / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. - СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013.– С.42-43.

находиться «между» производством и потреблением, как речь – это искусство находиться между «их» речевой системой и «нашим» материальным опытом, приготовление пищи – искусство находиться между «их» супермаркетом и «нашим» уникальным блюдом¹.

Л.Н. Пушкарева следующим образом комментирует труд Серто: в «повседневности» М. де Серто можно выявить формы культурных практик, типические для эпохи или этноса и их взаимосвязь со Словом – «великим фабрикатом, источником всякой Власти». В истории повседневности он увидел не столько повторяемость, сколько поле постоянного творчества, в котором рождается будущее. Для него объективное теоретическое знание так же невозможно, как невозможен человек, лишенный свойств. Потому он не старался объективировать собственный анализ, а рассматривал свои собственные субъективные оценки как неотъемлемую часть собственного исследования².

В 1978 году выдающийся немецкий социолог Н. Элиас опубликовал статью «О понятии повседневности». Он изучал различные стороны повседневности человеческой жизни: внешность, манеры поведения, чувства, речь, этикет. Н. Элиас выстраивает несколько пар соотнесения понятия «повседневность» с имплицитно предполагаемыми оппозиционными значениями, чтобы выявить его суть:

1. Повседневность, будничность – Праздник (праздничный день): торжество, празднование, выходной, конец недели, свободное время.
2. Повседневность жизни общества (рутина ежедневных обстоятельств) – Нерутинные, внебудничные, экстраординарные сферы общественного существования.

---

¹ Шапинская, Е.Н. Культура повседневности в современных исследованиях // Культурология. Фундаментальные основания прикладных исследований./ Под ред. И.М. Быховской. - М.: Смысл, 2010.- С. 359.

² Пушкарева, Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований» Специально для сайта «Перспективы» Опубликовано на сайте 16/03/2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280>

3. Повседневность – будни, рабочие, дни (в особенности у трудящихся) – Сферы жизни буржуазии, т. е. людей которые живут доходами, прибылью, живут праздну, в роскоши, не будучи заняты собственно работой или производством.

4. Повседневность как жизнь народа, массы населения – Жизнь высокопоставленных и могущественных персон, символических лиц, фигур – королей, принцев, президентов, членов правительства, членов парламента, народных вождей, демагогов, лидеров экономики и пр.

5. Повседневность, выступающая синонимом событийной сферы ежедневной жизни – Все то, что традиционная политическая историография рассматривает как единственно релевантное для себя, т. е. сфера «великих событий», главных государственных акций и их история.

6. Повседневность как частная, приватная жизнь, наполненная тем, что имеет отношение к досугу, семье, любви, детям – Общественная жизнь, главным образом – профессиональная.

7. Повседневность как сфера естественного, спонтанного, нерелексивного, истинного переживания и мышления – Область релексивного, искусственного, придуманного, неспонтанного переживания и мышления, в особенности научного.

8. Повседневность (повседневное сознание) – синоним идеологически наивного, непродуманного, ложного мышления и переживания – Правильное, истинное, подлинное мышление.¹

Две англоязычные монографии – «Критика повседневности»² канадского социолога Майкла Гардинера и «Повседневность и культурология. Введение»³ английского культуролога Бена Хаймора – в известной степени подведение итогов целого столетия осмысления

---

¹ Элиас, Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. - М.; СПб, 2001. – С. 57-58.

² Gardiner, M. E. Critiques of Everyday Life. - L.-N.Y.: Routledge, 2000. - 242 p.

³ Highmore, B. Everyday Life and Cultural Theory. An Introduction.- L.-N.Y.: Routledge, 2002. – 200 p.

повседневности. По мнению И.В. Кабановой, для обоих авторов “повседневность” – не столько объект позитивистской микросоциологии, эмпирической этнографии, и не пронизывающая социум сфера, в которой конформистские нормы и правила передаются из поколения в поколение, а специфический объект, который появляется и осознается в новейшее время, в эпоху модерна и постмодерна. Выбранные авторы принадлежат к разным дисциплинам, что естественно накладывает на их видение и толкование проблематики повседневности. Гардинер полемизирует с преобладающим в социологии пониманием повседневности как низшей разновидности прагматической деятельности, выступает против «псевдоконкретики» чисто описательных подходов. Он убежден, что анализ повседневности должен вскрывать асимметричность властных отношений, которая существует между любой бюрократической системой и теми, кто в ней живет, с тем, чтобы люди яснее осознавали свое положение и могли предпринимать разумные шаги по его улучшению. Хотя существует вероятность, что укорененные в повседневности сложность, глубина переживаний и межличностных отношений могут со временем обедняться, все же этой сфере присущ потенциал сопротивления гегемонии, здесь возможно преодоление отчуждения и полная “гуманизация” общественной жизни.

Для культуролога Хаймора повседневность – парадоксальное сочетание рационального и иррационального, материального и символического порядков. Хаймор рассматривает практически тот же ряд концепций, что и Гардинер, но в другой перспективе – его интересует, каков вклад каждого ученого в процесс обретения повседневностью своего места и “голоса” в культуре, в формирование “альтернативной эстетики повседневности”, и словом “альтернативная” он, по сути, тоже подчеркивает оппозиционный потенциал повседневности.

И. Кабанова приходит к выводу, что представители двух дисциплин, активно участвовавших в формировании междисциплинарной теории повседневности, проакцентировали разные ее стороны: политический,

освободительный потенциал повседневности вышел на первый план в книге Гардинера, внимание к эстетике повседневности подчеркнул Хаймор¹.

Рубеж XX-XXI веков ознаменовался повышенным интересом к вопросу повседневности в отечественной науке, где обобщаются и конкретизируются достижения в этой области. Российские философы И.Т. Касавин и С.П. Щавелев в обширной работе «Анализ повседневности» рассматривают содержание данного понятия с позиции философии и социально-гуманитарных наук, выделяя два подхода к термину. В соответствии с первым подходом (онтологическим), выделяются такие характеристики повседневности, как безусловная необходимость для каждого человека уделять (большее или меньшее) внимание (тем или иным) повседневным заботам; по сути их безальтернативность для ума и души; неизбежность совершения тех или иных поступков, действий (а, значит, и мыслей, чувств, интенций соответствующего свойства); повторяемость, которая доходит до цикличности, а то и до ритмичности времени и событийного наполнения обыденного существования; частотность, тяготеющая к постоянности; здесь же ритмы природно-общественного времени; замкнутость (оконтуренность) типичных пространств повседневности; нечто, противостоящее публичному, официальному, (строже) институционализированному. Все эти стороны и моменты поведения обывателя (в нейтральном смысле этого слова) образуют тот или иной образ повседневной жизни, стиль обыденного поведения или же просто быт представителя той или иной социальной общности.

Другой, психолого-эпистемологический, подход к определению повседневности отражает субъективные измерения по сути тех же самых её отличительных характеристик: обязательное, неминуемое для каждого из нас – забота о хлебе насущном и прочих условиях бытового выживания входит в состав личного долга человека перед самим собой и его ближними; если же

---

¹ Кабанова, И.В. Век существования теории повседневности: первые итоги // Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы развития в XXI веке. - Воронеж, 2011. - С. 30 - 41.

чувство долга по каким-то причинам слабеет, атрофируется, его страхует и заменяет инстинктивное побуждение к реализации базовых потребностей организма и личности; воспринимаемое по большей части как постоянное, достаточно старое, даже вечное; достижимое, само собой разумеющееся, вполне предсказуемое (в окружающем мире и в сознании человека); сразу узнаваемое, в основном вполне понятное (на уровне здравого смысла и личного опыта)².

Т.Б. Мойсеева еще раз формулирует основные функции повседневности: сохранение, выживание, воспроизводство человека, общества, культуры.³ Исследователь подчеркивает, что именно быт в его обустройстве комфорта, удовольствий и развлечений повседневной жизни является пространством индивидуальной свободы, позволяющим человеку, хотя бы в своих собственных мыслях и занятиях, уйти от тягот жизненных обстоятельств и тем самым проявить свою самость, вести достойное общественное существование⁴.

В.С. Грехнев видит задачу философии в формировании общего поля понимания различных смысловых интерпретаций не только обыденного сознания повседневной жизни людей (особенностей представлений норм, ценностей, правил), но и самих условий повседневности их быта, которые порождают эти ценности и устои сознания и поведения.⁵

Особое внимание повседневности по-прежнему уделяет социология. По мнению Н.Н. Козловой, автора статьи «Социология повседневности: переоценка ценностей», новая социология как бы обретает черты повседневного сознания и уже не основывается на «отдельности», «компоненциальности», гомогенности разума. Соответственно меняются и

---

² Касавин, И.Т., Щавелев, С.П. Анализ повседневности. - М.: Канон+, 2004. - С. 19 - 28.

³ Мойсеева, Т.Б. Повседневность: философско-антропологический аспект // Гуманитарные и социальные науки. - 2008. №2. - С. 27.

⁴ Там же. - С.37.

⁵ Грехнёв, В.С. Социальное пространство быта //Философия и общество. - 2009.№2 . – С. 22-24.

методы, с которыми работает ученый. Они построены на отказе от метанарративов и на приближении к нарративности повседневной жизни: использование этнографических описаний и «кейсстадиз», исследование биографий и человеческих документов. Главное внимание уделяется самоочевидностям и клише деятельности и сознания. Словом, исследователь повседневности вольно или невольно оказывается в оппозиции к идеалам «академического продуктивизма» классической науки⁶.

А.В. Ахутин считает, что особенность человеческого мира повседневности состоит в том, что он является двойственным. Во-первых, это вполне целесообразный мир практической деятельности, где правит здравый смысл. Во-вторых, – фантастический, избыточный мир формул понимания мира, где формулами сначала выступала вовсе не логика, а сама история произвольных человеческих действий, но, будучи адресованной к времени предков, она становится образцом (или формулой понимания). Повседневность изначально содержит и ментальность (формулы), и жизнедеятельность, а вовсе не разделилась на эти сферы. По мнению философа, сфера жизнедеятельности складывается из деятельности общения и общественной трудовой деятельности⁷.

Согласно П.С. Ревко, именно благодаря обращению к повседневности культурология и антропология из абстрактно-теоретических дисциплин превращаются в действенные способы анализа, обретают способность к пониманию и объяснению социальной реальности, оказываются пригодными для антропологической экспертизы общества и терапии индивидуальных человеческих проблем⁸.

---

⁶ Козлова, Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. - 1992. №3. - С. 51-53.

⁷ Ахутин, А.В. Мир повседневности // Теоретическая культурология. - М., Екатеринбург, 2005. - С. 371.

⁸ Ревко, П.С. Искусственные интеллектуальные системы и повседневная жизнь человека. - Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2009. - С. 24 – 25.

Современному этапу изучения повседневности среди других, обозначенных выше, свойственен подход к данному понятию в аспекте эстетических теорий. При этом основное внимание уделяется современной социокультурной ситуации. Как пишет Е.В. Гончаренко, реалии современного мира провоцируют обращение к изучению эстетики повседневной жизни, реалий быта, обыденного сознания, материально-предметной среды, окружающей человека. И поэтому повседневность как фундаментальная философская категория должна все в большей мере становиться естественным предметом эстетического исследования⁹.

Эстетика повседневного мира — это та реальность, в которой живет современный человек. Эстетизируя окружающий мир, человек формирует то культурное пространство, которое становится его повседневным миром. По мнению А.В. Бабаевой, «наша «серая» действительность, существование в мире парадоксов, вместе с тем, несет в себе возможность изменения повседневности. Представления о красоте формируются, в основном, под влиянием повседневной реальности, в которую погружен человек. Сама повседневность несет в себе определенные этические и эстетические смыслы. Процесс социализации, который проходит в повседневном пространстве, формирует эстетические представления, создавая представления о красивом и безобразном¹⁰.

Повседневность становится одной из категорий современной культуры, которая достаточно часто связывается с современными арт-практиками, где повседневность рассматривается как бесконечное поле возможностей для современных арт-практик, неограниченное пространство приложения творческой энергии художника. Любой, произвольно взятый фрагмент

---

⁹ Гончаренко, Е.В. Повседневная жизнь человека в философской и художественной антропологии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Философия. Культурология. Политология. Социология. - 2009. № 2. - Том 22 (61). - С. 61.

¹⁰ Бабаева, А.В. Эстетика в повседневном мире // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Сер. «Symposium». - СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. - Вып. 16. - С. 14.

повседневности изымается из потока повседневности и переносится практически в нетронутом виде в пространство, понимаемое как художественное (выставочного зала, музея, экспозиционной площадки и т.п.). Предметы обычно перемещаются непосредственно, а фрагменты того или иного эпизода повседневности чаще всего в виде документальных фотографий, кино- или видеозаписей, изображений художников-фотореалистов. Смысл акта остается одним и тем же: наделять любой фрагмент повседневности иным, неповседневным, необыденным, неутилитарным значением (или выявить это значение), превратить его в событие художественно-эстетической культуры¹¹.

Перед исследователями встает вопрос: какие именно объекты повседневности выполняют эстетическую функцию, служат украшением обыденности? Российский философ А.Ю. Ашкеров считает, что все формы эстетики повседневного основаны на превращении в произведение искусства любого предмета, которого коснулся творец: литературным произведением становится произвольное сочетание слов (как в экспериментах сюрреалистов), кем-то случайно оброненная фраза (подхваченная на лету современной минималистской поэзии); художественным объектом оказываются готовая серийная вещь (конечно, если она сможет достойно воплотить концепцию ready-made), расцвеченный экранный или фотографический образ (известный настолько, чтобы представленным поп-артом), попавшаяся под руку безделушка (которой нельзя найти применения нигде, кроме как в современном интерьере), и т. д.¹²

---

¹¹Бычков, В. В. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века (автор проекта, ведущий автор, руководитель авторского коллектива, отв. редактор В. Бычков). - М.: РОССПЭН, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://niv.ru/doc/aesthetic/lexicon/213.htm>

¹² Ашкеров, А.Ю. Эстетика возвышенного и эстетика повседневного: миф о первоисточке творчества в контексте наивного искусства / Материал из свободной русской энциклопедии «Традиция» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://traditio.ru.org/wiki/Андрей_Ашкеров:Эстетика_возвышенного_и_эстетика_повседневного

Согласуются с этой мыслью труды, посвященные исследованиям более частного порядка. А.С. Куликова в третьей главе диссертации на тему «Стиль жизни: мода и эстетика повседневности» рассматривает роль дизайна в повседневном стиле жизни и приходит к выводу о том, что современный дизайн эффективно реализует массовую культурно-эстетическую коммуникацию, формируя через объекты дизайнерской деятельности художественные вкусы его потребителей. Важной для дизайна является тесная связь его проявлений с общественными и эстетическими нормами эпохи, а также ценностный характер этих проявлений. Для нас важно здесь напоминание о том, что эстетические отношения являются поэтому универсальным отношением человека к миру, а в эстетическом суждении проявляется вся мера культурной развитости индивидуума, с одной стороны, и культурного развития общества - с другой¹.

Автор фундаментального исследования «Пространство повседневности в европейской культуре» (2002) В.Д. Лелеко ключ к постижению эстетики повседневности обнаруживает в интерпретации эстетического как выразительного. В повседневном обиходе, на уровне здравого смысла эстетическая значимость упорядочивающей, формосозидающей деятельности известна каждому человеку. Ее правилами, часто интуитивно постигнутыми, мы пользуемся в своей повседневной жизни, оформляя определенным образом свою внешность, жилище, приводя в порядок свои мысли, чувства, отношения с другими людьми. Значительным эстетическим потенциалом обладают такие упорядоченные и структурированные формы человеческого общения, как ритуалы, будь-то ритуал похорон или ритуал любовного ухаживания. Они очерчивают рамками более или менее жесткой формы текучую материю человеческих взаимоотношений, “заряжая” их тем самым энергией “эстетического излучения”². Таким образом, круг проблем эстетики

---

¹ Куликова, А.С. Стиль жизни: мода и эстетика повседневности: автореферат дисс. канд. философ. наук. – М., 2010. - С.27 – 30.

² Там же. – С. 91.

эстетики повседневности охватывает как внешне-событийные, предметные, так духовные, ментальные проявления повседневной жизни. Обращаясь к вещам и событиям, эстетика повседневности интересуется тем, как в них воплощены те или иные ментальные установки, ценностные ориентации. Обращаясь к духовному уровню повседневной жизни, она акцентирует внимание на особенностях форм его воплощения. Эстетика повседневности – это мир выразительных форм обыденной жизни. Эстетика повседневности – это "картина" обыденного эстетического сознания и характер его воплощения в вещах и поступках людей¹.

В.Д. Лелеко отмечает, что обращение к понятию "повседневность", включение эстетического в контекст повседневности можно рассматривать как начало интеграции эстетики в общий для гуманитарных наук второй половины XX в. процесс постижения новой реальности — реальности повседневной жизни².

1.2. Повседневность как литературоведческая проблема

Определение категории «повседневность» как феномена литературоведения в отечественной науке формируется на рубеже XX-XXI веков. Исследованию повседневности в литературе посвящены труды Т.Г.Струковой, Е.В.Гончаренко, В.А.Воротынцевой, О.В.Пустовойтовой, Л.С.Яковлева, Т.А. Астафьевой и других авторов.

Особый вклад в данную область вносят конференции, проводимые Воронежским педагогическим университетом («Научно-философский анализ повседневности» -- 2010; «Гуманитарные аспекты повседневности» – 2011-

---

¹ Там же. – С. 96.

² Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. – СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. - С.79.

2014)¹. В материалах этих конференций собраны не только результаты философских, социологических исследований, но и изучения литературных произведений с точки зрения изображения в них реалий повседневного мира. Руководитель этого проекта – доктор филологических наук Т.Г. Струкова. Среди ее научных интересов – изображение повседневности в литературе, о чем свидетельствуют статьи² и монографии³.

В статье «Повседневность как феномен литературы» Т.Г. Струкова объясняет выбор темы желанием разрешить «проблему современной литературы о сути человека XXI века». Автор стремится понять, как условия повседневной жизни влияют на формирование характера, привычек, умонастроений людей, и приводит мнения писателей и философов по проблемам повседневности. Важно отметить, что Струкова специально отмечает: широкое включение эстетизации обыденности в пространство произведения происходит в XIX веке. Повседневность реализует себя в архитектурной стилистике города, в привычках еды, одежды, моде, в особых ритуалах праздников и ежедневной рутине. Массовая культура первой половины XX столетия с ее обилием удовольствий, конвейером вещей привела к тому, что люди забыли о ежедневных радостях будней. Но с течением времени в последние десятилетия XX и начале XXI веков обыденность снова предстает объектом, к которому писатели очень внимательно присматриваются, потому что современный человек живет в стремительно изменяющейся техно и информационной среде обитания, а,

---

¹ Материалы конференций «Научно-философский анализ повседневности» - 2010; «Гуманитарные аспекты повседневности» - 2011-2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vspu.ac.ru/text/povsednevnost>

² Струкова, Т.Г. Повседневность как феномен литературы [Электронный ресурс]. // URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-420624.html>, Струкова, Т. Г. Повседневность и литература // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на Дону, 2010. № 4. - С. 8-20.

³ Научно-философский анализ повседневности: проблемы и перспективы в XXI веке / под общ. ред. Т.Г. Струковой. – Воронеж: ВГПУ, 2010. – 184 с.; Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы в XXI веке / под ред. Т.Г. Струковой. – Воронеж: ВГПУ, 2011. – 174 с.; Струкова, Т. Повседневность как феномен литературы. - Lambert Academic Publishing, 2014. – 72 с.

следовательно, столь же быстро ему необходимо подстроиться к окружающему миру и адаптировать возникающую повседневность под собственные интересы и жизненные ценности.

С изменением мира повседневности преобразуется и главный герой произведений. На смену людям, удовлетворенным своей повседневностью или противостоящим ей, приходит человек, готовый приспособиться к постоянно меняющейся действительности. Такой тип героя Струкова характеризует, используя одновременно терминологию классической и современной филологии: это трикстер, который, является своеобразным фронтирьером, наблюдательным, гибким и творческим. И этот герой – аноним с множеством лиц превращает коллективную обыденность, которая стремится обрести над ним власть, в индивидуальную повседневность, которая позволяет ему избегать подобного диктата, и только эта трансформация, ускользание от доминирующей стратегии общества и переход общего в частное дает ему возможность сохранить самого себя, не утратить свободу выбора и не потерять сакральность жизни в эпоху рыночной рациональности¹.

Автор подчеркивает, что повседневность влияет на формирование личности, не затеяя многогранность ее природы. Важнейшей чертой повседневности Струкова считает невозможность переложить ее на другого человека. В повседневности (привычках, навыках, эмоциях и т.д.) проявляется индивидуальность².

Если говорить об отображении повседневности в литературе, то нужно помнить, что в центре любого произведения – человек. Сфера повседневности охватывает многообразные жизненные аспекты. Повседневность – это целая система кодов, с которой мы соотносим свои

---

¹ Струкова, Т.Г. Повседневность как феномен литературы [Электронный ресурс]. // URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-420624.html>

² Струкова, Т. Г. Повседневность и литература // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на Дону, 2010. №4. - С. 9.

восприятия и переживания и в которой производятся значения, создаются и преобразуются объекты¹. Струкова приводит в пример следующие моменты: во-первых, эпизоды публичной жизни человека, способы и варианты его приспособления к внешнему миру; во-вторых, частная, домашняя, приватная жизнь персонажа, в которую включены бытийность и быт во всех его ипостасях; в-третьих, многообразные эмоциональные проявления, которые спровоцированы обыденными обстоятельствами². Подводя итоги, Струкова дает следующее определение: повседневность – это сложная динамически подвижная система, которая по-своему реализуется в различные исторические и литературные эпохи, внутри эстетических направлений и у разных писателей. Анализируя повседневность в художественном тексте, исследователь предлагает обращать внимание на следующие проблемы:

1. многозначность природы повседневности (объективность / субъективность; рациональность / иррациональность);
2. динамическая подвижность повседневности и ее зависимость от исторического, социального и национального контекста;
3. какие эволюционные стратегии лежат в основе повседневности;
4. как в структурах повседневности реализуются культурные, исторические, психологические, языковые, коммуникативные, властные и др. практики;
5. каким образом в повседневности проявляется идеологическая составляющая эпохи;
6. что является принципом кодирования повседневности;
7. каков статус повседневности в произведении (жизненно фундирующий или разрушающий);
8. какие авторские концепции создания повседневности воплощены в произведении (адаптивные / преобразовательные);

---

¹ Там же. – С. 11.

² Там же. – С. 12.

9. какие качества повседневности эстетически осмыслены в том или ином тексте (охранительные / разрушительные);

10. как она проживается героем или героями (физически, эмоционально, психологически и т.д.)¹.

Очевидно, что представленная таким образом проблематика чрезвычайно широка. Можно сказать, что наше литературоведение демонстрирует обилие подходов к теме, среди которых трудно выбрать наиболее продуктивный. Так, исследователи повседневности анализируют литературные произведения с точки зрения реализации в них практик повседневного бытия. Социолог Л.С. Яковлев в статье «Деконструкция структур повседневности в литературном тексте» ставит перед собой цель уточнить понятие повседневности следующим образом: социокультурным анализом места повседневности в художественном языке, выявлением природы повседневности, определением смыслов социального воздействия продуцируемых при этом образов².

По мнению Е.В. Гончаренко, в литературоведческом дискурсе повседневность выступает специфической нарративной модальностью, маркерами которой на разных уровнях организации текста могут выступать: сюжетная заданность, безальтернативность, повторяемость, цикличность, ритмичность сюжетной конструкции; замкнутость и типичность хронотопа; нарочитая усредненность, как на уровне выбора героя, так и на уровне сюжета – бытовая коллизия; массовидность и обезличенность, которая может стать объектом иронии.³

Небывалому интересу к повседневности в литературоведении начала XXI века в значительной степени способствуют особенности современной

---

¹ Там же. – С. 18 – 19.

² Яковлев, Л.С. Деконструкция структур повседневности в литературном тексте // Актуальні проблеми слов'янської філології. – Бердянськ: БДГУ, 2012. - Вып XXV1. - Частина 1. - С. 7.

³ Гончаренко, Е.В. Проблема определения категории повседневности в литературоведческом дискурсе [Электронный ресурс] — режим доступа: // URL: www.vspu.ac.ru

прозы. Как пишет Т.Н. Маркова, сознание и самоощущение человека формулируется философией, анализируется и объясняется психологией, но открывается в полной мере именно в художественном творчестве. Картиной, ситуацией, житейскими подробностями художник «схватывает» и угадывает больше (глубже), чем аналитическим словом... Человеческая личность таит в себе непредугадываемое и непознанное, сложное соединение противоречивых состояний и возможностей. Подобные психологические феномены исследует, по преимуществу, «новая» проза¹.

Особый угол зрения находит Т. Е. Смыковская в работе «Национальный образ мира в прозе В.И. Белова»². В данном исследовании быт понимается как составная часть национальной картины мира, вещный мир как отображение гармонии национального бытия. Под «вещным миром» (вещный космос, предметный мир) понимаются реалии материальной культуры, окружающие человека. Быт является органичной составляющей вещного космоса. Т.Е. Смыковская цитирует Ю.М. Лотмана, который считал, что быт «прежде всего характеризуется миром вещей», при этом отмечая, что «быт – понятие более глубокое, включающее не только жизнь вещей, но и обычаи, ритуал ежедневного поведения, строй жизни, распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы отдыха»³, т. е. то, что во многом определяет культурную специфику нации.

К.А. Воротынцева в статье «Поэтика повседневности в аспекте действительности героя» ставит перед собой цель пролить свет на это «белое пятно» литературной теории и предложить один из возможных способов исследования поэтики повседневности. Автор проводит анализ категории повседневности в литературоведении, рассматривает различные точки зрения

---

¹ Маркова, Т.Н. Современная проза: конструкция и смысл: монография. – М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2003. – С. 96.

² Смыковская, Т. Е. Национальный образ мира в прозе В.И. Белова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 160 с.

³ Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – н. XIX вв.). - СПб., 1999. - С. 10, 12.

на данный вопрос, отмечает вариативность подходов к определению понятия. По мнению исследователя, под образами повседневности в литературном процессе может подразумеваться совокупность телесных практик, детали быта, интерьера, моды, исторически сложившегося уклада, бытового поведения, частной семейной жизни человека, локусом повседневности называется дом и т.д. Повседневность так же может пониматься как нечто само собой разумеющееся, очевидное на уровне здравого смысла, не требующее терминологических разъяснений. Воротынцева отмечает, что осмысление повседневности в литературном повествовании осуществляется с помощью нескольких бинарных оппозиций: быт – бытие, праздник – будни, «прозаическое» – «поэтическое»¹. В своей статье автор дает описание повседневности через данные оппозиции, подкрепляя суждения трудами других исследователей, анализировавших литературные произведения. Воротынцева выделяет два предела, к которым может стремиться литература: «сакрализованная» повседневность и «профанная» повседневность. Первой свойственна бессобытийность, она характерна для мифов. Вторая нацелена на событийность, в этом качестве выступают нарративы Нового времени.²

Количество защит диссертаций по повседневности, проведенных за последние десятилетия, служат еще одним доказательством, как актуальности данной темы, так и разнообразия подходов к ней, в том числе выбора материала исследования. В 2011 году О.В. Пустовойтова защитила диссертацию на тему «Феномен повседневности в прозе И.А. Бунина», в которой она дает определение данному термину с точки зрения филологических наук. Пустовойтова отмечает, что, несмотря на проработанность проблемы повседневности в ряде гуманитарных наук, в

---

¹ Воротынцева, К.А. Поэтика повседневности в аспекте действительности героя // Критика и семиотика. - М., 2010. - Вып. 14. - С. 276 – 277.

² Там же. – С. 292.

литературоведении вопрос об особенностях художественной повседневности остаётся недостаточно прояснённым¹.

Совеобразным маркером некой теоретической произвольности подходов служит определенная случайность выбора материалов для исследования. Пустойвойтова анализирует творчество И. Бунина, Е.В. Гончаренко в статье «Повседневная жизнь человека в философской и художественной антропологии» исследует художественные средства изображения повседневности в творчестве писателя-постмодерниста Дугласа Коупленда². Э.В. Кузнецова повествует о двух диаметрально противоположных мирах повседневности, в которых живет героиня романа У. Голдинга «Двойной язык»³. И.В. Кабанова исследует исторический роман Хилари Мантел о Томасе Кромвеле «Волчий зал»⁴. Лишь одно из них посвящено представителю английской литературы эпохи викторианства: О.В. Кучеренко в своей диссертации обратилась к рассмотрению образа повседневности в малой прозе Т. Гарди⁵. Подчеркивая связь повседневности с культурной парадигмой эпохи, исследователь обращается к рассмотрению повседневности как универсальной составляющей английской картины мира, а также эстетических позиций Гарди в их отношении к проблеме повседневности. Кучеренко анализирует предпосылки творческого внимания писателя к проблемам английской провинциальной повседневности XIX

---

¹ Там же. – С. 6.

² Гончаренко, Е.В. Повседневная жизнь человека в философской и художественной антропологии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2009. №2. – С. 59.

³ Кузнецова, Э.В. Столкновение повседневностей в романе У. Голдинга «Двойной язык» [Электронный ресурс] — режим доступа: // URL: <http://denetruda.ru/safia/vgpu-voronej-stolknovenie-povsednevnostej-v-romane-u-goldinga/main.html>

⁴ Кабанова, И.В. Повседневность в современном историческом романе: романы Хилари Мантел о Томасе Кромвеле // Материалы конференции «Гуманитарные аспекты повседневности». – 2014. [Электронный ресурс] — режим доступа: // URL: <http://www.vspu.ac.ru/text/povsednevnost>

⁵ Кучеренко, О.В. Проблема повседневности в малой прозе Томаса Гарди: автореферат дисс. канд. филол. наук. – Воронеж, 2013. – 16 с.

века¹. Рассматривая героев рассказов Гарди, Кучеренко показывает значение профессий и ремесел для осмысления образа повседневности, особое место уделяется процессам «хабитуализации» и «преодоления повседневности» как необходимых условий интерпретации повседневности в малой прозе Т. Гарди.² Основными компонентами повседневности в творчестве Гарди автор называет персонажей, хронотоп и образы, представляющие материальную культуру повседневности (предметы быта, костюм, гастрономия). В структуру повседневности включены сферы психологии и парапсихологии, лингвистики и паралингвистики. На основе рассказов Гарди исследует художественные функции образа повседневности. Кучеренко выделяет следующие функции: смысловая многомерность художественного текста, характеристика персонажа через их занятия, речь, детали быта; воссоздание местного колорита; создание необходимой атмосферы, определяющей все этапы сюжета.³

С нашей точки зрения, одним из способов выработки более целенаправленного подхода может стать дальнейшая работа над выявлением эстетического смысла изображения повседневности в искусстве. Наиболее адекватным этому ракурсу исследования представляется следующая дефиниция художественной повседневности: «художественный мир автора, представленный с позиции его эстетического идеала в естественном проявлении жизненных реалий, повторяемых изо дня в день, неизменных, воспринимаемых как безальтернативные»⁴.

В. Бычков, автор статьи о повседневности в «Лексиконе нонклассики» дает определение этой категории в духе общегуманитарных исследований как характеристики обыденной рутинной части (большей по времени) жизни человека, которая в силу своей тривиальности, примитивной утилитарности,

---

¹ Там же. – С. 10.

² Там же. – С. 11.

³ Там же. – С. 13.

⁴ Пустовойтова, О.В. Феномен повседневности в прозе И.А. Бунина: автореферат дисс. канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2011. – С. 4.

серой внесобытийности, монотонности остается практически незамеченной самим человеком (и его окружением), протекает автоматически, как правило, не фиксируется сознанием. Он указывает, что в истории искусства только в Новое время художники стали уделять внимание изображению повседневности наряду с нетривиальными событиями и явлениями. Для нашего исследования важна дальнейшая формулировка: «В романтизме, натурализме, реализме XIX в. изображение повседневности достигает своего апогея. При этом она чаще всего предстает здесь объектом определенного отношения художника: идеализирующего, романтического, критического, гротескного, иронического, эстетизирующего и т. п., которое как бы выводит изображаемый фрагмент повседневности из рутинно-обыденного контекста, включает его в художественно-эстетическое пространство, уравнивая тем самым с другими более высокими в ценностном отношении предметами изображения»¹. В основном здесь объединяются установки уже собственно литературоведческих работ в данной области. При этом обратим внимание на фразу о вершинных достижениях XIX века в области изображения повседневности.

Из всех перечисленных направлений наиболее перспективным для дальнейшей работы представляется реализм в силу практически буквального сходства творческих установок создателей этого художественного метода и результатов той философской, социологической и теоретической рефлексии, которая была отражена в предыдущем разделе. Реалисты сделали объектом изображения человеческую жизнь во всех ее проявлениях. «В их творчестве находит отражение не только идеальная, духовная, но вся конкретная деятельность людей (их служебные, семейные, общественные дела и т. д.). В связи с этим границы литературы широко раздвинулись. В нее мощным потоком хлынула проза жизни. Житейские, бытовые мотивы стали

---

¹ Бычков, В. В. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века (автор проекта, ведущий автор, руководитель авторского коллектива, отв. редактор В. Бычков). - М.: РОССПЭН, 2003.

обязательным спутником реалистических произведений. В повествовательных и даже лирических жанрах главное место заняли обыкновенные заурядные личности, которые пришли на смену необыкновенным романтическим героям, жившим в мире высоких духовных и моральных интересов», - обобщает Н.А. Гуляев в соответствующем разделе «Теории литературы в связи с проблемами эстетики» (1970) и подчеркивает, что «формирование критического реализма сопровождалось пересмотром многих эстетических понятий. В частности, возникла острая необходимость реабилитировать с эстетической точки зрения повседневность, весь тот неяркий жизненный материал, который некоторыми теоретиками романтизма считался негодным для поэтического воплощения» (Подчеркнуто нами – Т. О.).¹

Т.Д. Венедиктова в самом названии статьи «Секрет срединного мира. Культурная сущность реализма XIX века» указывает (при всей многозначности смыслов самой этой работы) на тяготение рассматриваемой части литературного процесса к «срединности»: к герою – представителю «среднего класса», типичности, усредненности и т.д.²

Стремление к жизнеподобию писателей-реалистов является определяющим признаком этого художественного направления, «имеющего целью возможно ближе передавать действительность, стремящееся к максимальному правдоподобию. Реалистическими мы объявляем те произведения, которые представляются нам близко передающими действительность». Это определение дал Р.О. Якобсон в статье «О художественном реализме». «Реализм есть художественное воссоздание

---

¹ Гуляев, Н.А. , Богданов А. Н., Юдкевич Л.Г. Теория литературы в связи с проблемами эстетики [Электронный ресурс] — режим доступа: // URL:

<http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000033/st020.shtml>

² Венедиктова, Т.Д. Секрет срединного мира. Культурная функция реализма XIX века //Зарубежная литература второго тысячелетия . 1000-2000. Под ред. Л.Г. Андреева. - М.: Высшая школа, 2001. - С. 186-220.

истины жизни в формах самой жизни»¹, где понятие «реальность» обозначает данность, свободную от субъективных влияний: «мы исходим из объективной действительности, а не из субъективных представлений о ней»².

В этом плане изображение повседневности в ее подробностях призвано подчеркнуть именно правдоподобие изображаемого. При этом каждый раз писатель стремится в реальной жизни уловить некие закономерности. Венедиктова пишет в цитируемой здесь статье: «генетический» подход к реализму, в рамках которого он определялся как верное изображение социальной действительности, - не механическое, а творческое, улавливающее сквозь дотошно воспроизводимую материальную поверхность, «вещность» (res) жизни, ее «правду», сущностные закономерности»³. Это очень близко по смыслу к поискам «глубинных структур повседневности» в философских, исторических и социологических трудах.

Однако реализм в художественном произведении – это и специфический вид художественной условности, специфический код, манера письма. Продолжим цитату из статьи Т.Д. Бенедиктовой: «Если в рамках генетического подхода писатель-реалист представал как медиум объективной правды жизни, то в рамках подхода формалистического он – искусный мастер слова, работающий в герметическом пространстве текста и посредством определенной совокупности приемов успешно создающий «эффект реальности»⁴. Последнее заставляет думать о теоретической проблеме репрезентации реальности. Писатель создает произведение искусства, т. е. вымышленную реальность, какой бы правдоподобной она не выглядела. Классической работой в этой области стала статья Р. Барта «Эффект

---

¹ Яковсон, Р.О. О художественном реализме//Яковсон Р.О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – С. 389.

² Там же.

³ Венедиктова, Т.Д. Секрет срединного мира. Культурная функция реализма XIX века //Зарубежная литература второго тысячелетия . 1000-2000. Под ред. Л.Г. Андреева. - М.: Высшая школа, 2001. – С. 188.

⁴ Там же

реальности»¹ (1968). Он задает вопрос: все ли в повествовании значимо? Поводом для этого становятся «деталь и описание – незначимые элементы текста или обладающие косвенной функциональной значимостью»². В начале статьи автор рассуждает следующим образом: «Когда Флобер, описывая зал, где проводит время г-жа Обен, хозяйка Фелисите, сообщает нам, что "на стареньком фортепьяно, под барометром, высилась пирамида из коробок и картонок"; когда Мишле, рассказывая о казни Шарлотты Корде, о том, как в тюрьме незадолго до прихода палача ее посетил художник, написавший ее портрет, добавляет, что "часа через полтора у нее за спиной тихонько постучали в небольшую дверцу", - то эти авторы (как и многие другие) вводят здесь в текст особого рода элементы, которыми до сих пор обычно пренебрегает структурный анализ, занятый вычленением и систематизацией крупных повествовательных единиц»³. Отметим здесь тенденцию к определению смысла мельчайших атомов, неделимых единиц текста, к каковым относятся «вещные» и нравоописательные детали в репрезентации социальной реальности.

Уподобление живописному полотну («Отсюда, сверху, весь ландшафт представлялся неподвижным, как на картине») представляется особенно важным Барту, по его мнению, писатель реализует здесь платоновское определение художника как подражателя третьей степени, т. к. он подражает тому, что уже само есть имитация некоей сущности. В то же время с эстетической задачей смешиваются и «реалистические» требования – создается впечатление, что возможность и необходимость описания или (в случае однословных описаний) наименования референта определяются только его точностью, которая стоит выше всех других функций или особняком от них. С одной стороны, эстетическая функция сообщает отрывку

---

¹ Барт, Р. Эффект реальности// Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М.: Прогресс, Универс, 1994. – С. 392-400.

² Там же. - С. 392.

³ Там же.

смысл. С другой стороны, предполагая референт реально существующим, воспроизводя его с деланной покорностью, реалистическое описание избегает соскальзывания в фаназматичность, а это считается необходимым условием «объективности» изложения. «Неделимые остатки, образующиеся при функциональном анализе повествования, отсылают каждый раз к тому, что обычно называют «конкретной реальностью» (мелкие жесты, мимолетные позы, незначительные предметы, избыточные реплики). Вымышленное повествование строится по определению, согласно модели, основная норма которой связана с умопостигаемостью, и «реальность» (разумеется, воплощенная в письме) оказывает весьма незначительное сопротивление структуре»¹.

Проблема вымысла рассматривается и другими теоретиками в свете соотношения текста и реальности, разных типов дискурсов, описывающих реальность. В статье «Литература в поисках реальности» (1986) Л. Гинзбург считает особенно важным указать: «Присущую всем литературным движениям предпосылку обладания истинной моделью мира не следует смешивать с дилеммой воспроизведения действительности. Реальность может предстать как идеальное, дедуктивным способом выведенное из идеальной жизни (например, персонажи эпоса и рыцарского романа или классической трагедии XVII века или страсти и характеры у романтиков). Реальность (картина мира) может предстать как реальное, как индуктивно устанавливаемое жизнеподобие. Следует, таким образом, различать в их взаимных соотношениях: реальность, реальное, реализм»². И далее: «Реальное как эстетическая категория основано на возможности художественного слова возбудить представления, в какой-то мере подобные представлениям, получаемым от соответствующих явлений объективной действительности»³.

---

¹ Там же. – С. 394.

² Гинзбург, Л. Литература в поисках реальности // Вопросы литературы. – 1986. №2. – С. 98-99.

³ Там же.

Н.Т. Пахсарьян в статье «Реальность – текст – литература - реализм» считает, что эта проблема выходит за рамки литературной теории, предстает как метафизическая¹. Здесь цитируется статья Л. Боноли², где последний разграничивает два типа текста: литературный реалистический и научный. Оба типа – репрезентация реальности, желание создать «эффект реальности», разница в формах текстовой коммуникации. У Л. Боноли «реализм» как термин в широком типологическом содержании используется по отношению к особому стилю письма, представляющего литературную репрезентацию «реальности», несущего идею «реального вымысла». Литературный реалистический текст находится в особой позиции: с одной стороны, его художественная функциональная природа предполагает разрыв с реальностью, с другой – его «реалистическое» устремление направлено на преодоление данного разрыва, чтобы дать себя прочесть как описание реальности. Преодоление – на уровне интерпретации, где особая природа читательских предположений обеспечивает возможность возврата к реальности. Речь идет о том, что реалистический вымысел некоторым образом соответствует реальному опыту читателя. В конструированном вымышленном мире читатель узнает опыт своего мира. Систематизированные знания о реальности являют собой материал для выстраиваемого фикционального мира. Реалистический текст базируется на уже сказанном, он определенным образом предвидим. По Боноли, у художественного и научного текстов – два разных «договора чтения»: закрытость реалистического литературного текста требует конструктивной референции, открытость научного текста о реальности – аутентичной презентации этой реальности.

Вышеприведенные суждения относятся к концу XX века, когда эпистемологическая неуверенность ставит под сомнение традиционное

---

¹ Пахсарьян, Н. Реальность – текст – литература – реализм: динамика взаимодействия // Вестник МГУ. - Сер. 9.Филология. - 2006. №2.- С. 66.

² Боноли, Л. Описание реальности / Bonoli L. Ecritures de la realite // . - 2004. №137. - P. 19-33.

представление о репрезентации реальности в художественном произведении, ранее казавшееся очевидным. Проблема репрезентации заставляет при анализе художественной повседневности постоянно ставить вопрос о том, с какой целью автором выбраны те или иные детали реальной жизни: для жизнеподобия или для продвижения какой-то идеи, что в данном случае принципиально важно. Однако вся эта проблема порождена культурным, релятивистским в основе своей, сознанием второй половины XX века. Возможно, именно неуверенность в существовании объективной реальности приводит к очевидному исследовательскому интересу к гораздо более устойчивой повседневности тех, кто жил в XIX веке, нашедшей отражение в викторианском романе.

1.2. Историко-литературный контекст викторианского романа в свете категории «повседневность»

Начало эстетизации повседневной жизни, т. е. последовательное обращение художников к предметам повседневности и превращение их в предметы искусства, относится к эпохе Нового времени, в период становления буржуазности, на новом историческом этапе осмысления личностью своего места в социуме. Для Великобритании эта эпоха начинается на рубеже XVII-XVIII веков, после Славной революции 1688 года. Именно с началом названного исторического периода связан всё возрастающий интерес общественного сознания к личности как таковой в ее конкретном социальном окружении и, соответственно, к обыденной жизни отдельного человека. Подобный интерес очевиден и в философской, и в художественной рефлексии. Достижения мыслителей этого столетия окажутся фундаментально значимыми для последующей эпохи викторианства, найдут отражение и в викторианском романе.

В философии невиданный до того статус личности фиксируется в трудах Джона Локка, сформулировавшего учение о естественном праве. Он

объявляет, что свобода, равенство, неприкосновенность личности и собственности являются естественными, вечными и неотъемлемыми правами человека¹. Для оптимального существования людей в государстве необходим непрерывный процесс морального воспитания личности. Так, в трактате «Мысли о воспитании» Локк предлагает соображения о необходимости умения сочетать свой личный интерес с правилами этикета и общественной пользой.

Этика является необходимым компонентом философии английского Просвещения, в том числе и в эстетических трудах. Главное сочинение Шефтсбери «Характеристики людей, нравов, мнений и времен» (“Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times”, 1711) представляет собой сборник трактатов, посвященных проблемам философии, этики и эстетики. Здесь утверждается мысль о том, что нравственная красота есть наивысшая из форм прекрасного. «В своей моральной философии Шефтсбери исходил из сенсуализма Локка. Он полагал, что наши идеи добра и красоты имеют чувственную основу, они исходят из заложенного в самом человеке нравственного чувства (*moral sense*), – пишет В. Шестаков в своих «Очерках по истории эстетики» и заключает, – Шефтсбери внес большой вклад в развитие эстетической мысли. Он обосновал принципиальную и тесную связь искусства и нравственности»². Автор статьи с показательным названием «Диалектика этики и эстетики в творчестве Шефтсбери: прекрасное как символ моральности» делает очень важное для понимания проблем эстетизации обыденного в английской литературе замечание: «эстетика, или, как сказал бы Кьеркегор, «эстетическая стадия», предоставила случай открыть на английский манер, т. е. посредством живой и нетематизированной

---

¹ Локк, Дж. Избранные философские произведения: В 2 т. – М.: Наука, 1980. - Т. 2. - С. 82.

² Шестаков, В.П. Очерки по истории эстетики. От Сократа до Гегеля. - М.: Мысль, 1979. — С. 223 - 224.

диалектики, этику, окрашенную прирожденной стихийностью, подлинным животворящим индивидуальным духом»³.

При всем различии философских обоснований прекрасное осмысливается как символ моральности у всех английских просветителей. Ф. Хатчесон в первой части своего «Исследования о происхождении наших идей красоты и добродетели» дает определение красоты, а во второй – морали, при этом согласует положение о «предопределенности» чувства прекрасного и моральных чувств с необходимостью просвещения и образования. Д. Юм, рассматривая область эстетического исключительно как область чувств и соответственно анализируя субъективные условия его (эстетического) восприятия, говорит о «смягчении нравов» посредством искусства. Эстетическое удовольствие неотъемлемо от нравственности. Адам Смит, автор не только знаменитого «Исследования о природе и причинах богатства народов», но и «Теории нравственных чувств» выражает мысль о том, что содержательность красоты основана на основе высоких моральных качества.

Таким образом, искусство рассматривается как руководство на пути нравственного самоусовершенствования, эстетическое прямо соотносится с моральным чувством. В книге «Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи» Н.А. Соловьева справедливо рассматривает философию морали как разновидность философии здравого смысла, представленной шотландской школой. Мораль и нравственность формировались в самой практике массового общения социально активной общественной нации⁴.

Особенность эстетики английского Просвещения состоит в том, что она исходит из реального человека того времени. Эта позиция находит всемерное отражение в художественной рефлексии, обратившейся к

---

³ Лартома, Ж.П. Диалектика этики и эстетики в творчестве Шефтсбери: прекрасное как символ моральности // Философия и общество. - 2009. – Вып. №3. - С. 167.

⁴ Соловьева, Н.А. Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи. М.: Формула права, 2008. - С.26.

обыденной жизни англичан. Характерна мысль, высказанная одним из самых значительных мыслителей этого времени, автора первого английского словаря, С. Джонсона: «Правдивое описание жизни реального человека может быть интереснее художественного вымысла: наши страсти...тем сильнее бывают задеты, чем легче нам представить страдания и удовольствия, о которых нам повествуют как своих собственных».⁵ В монографии Е.П. Зыковой «Литературный быт и литературные нравы Англии в XVIII века: искусство жизни в зеркале писем, дневников, мемуаров» (2013) отмечено активное функционирование в названный период документальных жанров: биографий, мемуаров, бытовых документов: дневников, писем. С точки зрения «отражения повседневности» особенный смысл приобретает письмо – бытовой документ, как выразитель определенных моделей поведения, складывающихся у тех или иных слоев общества⁶. В письмах культивируется эпистолярный стиль – «письменный аналог салонной беседы, дружеской, непринужденной, остроумной, легко переходящей от бытовых мелочей к серьезным проблемам политики или искусства, обогащающей человека и новыми сведениями, и новыми идеями, и более глубоким проникновением в духовный мир собеседника». Таковы дневники в письмах «Дневник для Стелы» Свифта, переписка А. Поупа и многие другие.

Подобное наблюдение делает и Н.А. Соловьева: «Эпистолярная форма романа, соседствующая с дневником, продиктована необходимостью пишущей нации, она отражает первоначальную фазу развития жанровой формы, но весьма существенную. Движения от факта к вымыслу начинается именно с записи событий и происшествий. Мастерство здесь проявляется в

---

⁵ Johnson, S. The Rambler. In 2 vol. London, 1820. Vol. 1, N 60 (13), p. 317 [Цит. по: Зыкова Е.П. Литературный быт и литературные нравы Англии в XVIII века: искусство жизни в зеркале писем, дневников, мемуаров, М.:ИМЛИ РАН, 2013. – С.11]

⁶ Зыкова, Е.П. Литературный быт и литературные нравы Англии в XVIII века: искусство жизни в зеркале писем, дневников, мемуаров, М.: ИМЛИ РАН, 2013. – 232 с.

расширении возможностей отразить впечатления, жесты говорящего, его костюм, нахождение в пространстве комнаты»⁷.

Стремление отобразить повседневную жизнь во всех подробностях отражается в очерках, представляющих своеобразный мейнстрим литературной жизни. В XVIII веке появляются журналы «Болтун» (“The Taller”, 1709-1711) и «Зритель» (“The Spectator”, 1711-1712) Аддисона и Стиля, «Рассеянный» (“The Rambler”, 1750-52) и «Досужий» (“The Idler”, 1758-1760) доктора С. Джонсона, журнал «Свет» (“The World”, 1753-1756), вокруг которого объединяются лорд Честерфилд, Хорейс Уолпол и другие авторы. Общую моральную установку отражают слова Аддисона – «Зрителя» о том, что «если бы ему пришлось выбирать религию и правление, под которым он хотел бы жить, то он без малейшего колебания отдал бы предпочтение той форме религии и правления, которые установлены в его стране»⁸. Стиль идейно возглавляет группу авторов эссе, воспевающих семейные добродетели, разумность, естественность и благопристойность.

До этого времени жизни учили священники, т. к. в центре общественного сознания были религиозные авторитеты, было характерно восприятие идеальной жизни как религиозного служения. Теперь писатель становится «учителем жизни». К.Д. Ливис рассматривает английский роман как явление протестантской культуры. Его основными качествами она считает «изначальную моральность», реализм, понимание основ человеческого бытия с его нравственно-психологическими проблемами, неограниченную, «открытую» способность к изображению действительности⁹.

---

⁷ Соловьева, Н.А. Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи. - М.: Формула права, 2008.- С.46.

⁸ Аддисон, Д. Зритель. [Цит. по: Зыкова Е.П. Литературный быт и литературные нравы Англии в XVIII века: искусство жизни в зеркале писем, дневников, мемуаров. -М.: ИМЛИ РАН, 2013.]

⁹ Leavis, Q. D. The «Englishness of the English novel» («Английская специфика английского романа», 1983) [Цит. по Красавченко, Т.Н. Английская литературная критика XX века. - М.: ИНИОН РАН, 1994.- 282 с.]

Исследователи пишут о темах очерков, морально-наставительных и бытовых: «о нравах театрального Лондона, об азартных играх, дамских туалетах и лекарях-шарлатанах, о посещении усыпальницы выдающихся людей в Вестминстерском аббатстве», и т. д., их жанровом разнообразии: бытовая сценка, сказка, аллегория, сновидение, пародия, жизнеописание¹⁰.

И. Шайтанов утверждает, что «преимущество английского романа состояло в том, что почва для него была подготовлена и в философии Локка, и в малых жанрах документальной прозы – эссе и памфлетах. В них вырабатывается интерес к современности, вкус к подлинному факту. Документальность решительно меняет повествовательный стиль, небывало приближая его к речевому слову, что способствует изображению характеров в их индивидуальном своеобразии».¹¹

Следует специально отметить, что журналы стали своеобразным центром литературной жизни еще и по причине культа искусства публичного общения, характеризующего английское Просвещение. Это был век «читателя публичных библиотек» и стремления к обмену мыслями, который «происходил на разных уровнях – письменном (журналы и пресса в целом, столь многочисленные и разнообразные в Англии) и устном (в кофейнях, пабах и интеллектуальных сообществах)»¹². Е.П. Зыкова указывает на развитие культуры устного общения. Это распространялось прежде всего на людей, связанных с писательским трудом: «В жизни литератора, как и всякого культурного человека XVIII столетия, большую роль приобретало искусство беседы». Она ссылается на Шефстбери, который «в воспитании просвещенного человека первостепенную роль отводил навыкам свободной дискуссии, искусству непринужденной беседы: ни трактаты ученых мужей, ни разговоры людей красноречивых не способны сами по себе научить

---

¹⁰ Ингер, А.Г. Голдсмит-эссеист и английская журналистика XVIII века. Голдсмит Оливер. Гражданин мира. Серия «Литературные памятники». - М., 1974. – С.6.

¹¹ Шайтанов, И.О. Роман эпохи Просвещения. // Литература. 2001. № 28. - С.6.

¹² Соловьева, Н.А. Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи. - М.: Формула права, 2008. – С.9.

пользоваться разумом. И только привычка рассуждать может воспитать разум человека. Но нет ничего более благоприятного для того, чтобы рассуждения сделались привычкой, как такой разговор, от которого люди получают удовольствие»¹³. Таким образом, не только литераторы заново осваивали искусство беседы. Оно стало необходимой частью освоения нового для себя культурного пространства для поднимающегося среднего класса. Общение становится важнейшим смысловым центром повседневной жизни для последующего английского романа.

Правда, роман, открывающий литературу Нового времени, «Робинзон Крузо» (“The Life And Strange Surprizing Adventures Of Robinson Crusoe Of York Mariner”, 1719) Д. Дефо был построен на истории человека, на долгие годы лишенного в силу обстоятельств общения с другими людьми. Но он обнаруживает все качества вполне искушенного в искусстве рассуждений человека. Этот первый в истории «эпос жизни частного человека», рассказ о победе над обстоятельствами, которую одерживает индивид, обладающий жестким нравственным стержнем, позволяющим не погибнуть духовно в экстремальной ситуации. Содержание романа, по сути, составляет последовательное, день за днем, описание повседневной жизни Робинзона Крузо, первого представителя среднего класса. «Главной особенностью этого романа является достоверность, которая достигается с помощью таких художественных приемов, как элементы мемуарного и дневникового жанров, нарочитых погрешностей в изложении подробностей и детальном описании», – справедливо указывает исследователь¹⁴.

Г. Филдинг в «Джозефе Эндрюсе» (“The History of the Adventures of Joseph Andrews and his Friend, Mr. Abraham Abrams”, 1742) и «Томе Джонсе» (“The History of Tom Jones, a Foundling”, 1749) обнаруживает очевидное

---

¹³ Зыкова, Е.П. Литературный быт и литературные нравы Англии в XVIII века: искусство жизни в зеркале писем, дневников, мемуаров. - М.: ИМЛИ РАН, 2013. – С. 19.

¹⁴ Громова, И.А. Среда и личность в романах Даниэля Дефо: автореферат дисс. канд. филол. наук. – Н.Новгород, 2005. - С.19.

стремление «следовать правилам правдоподобия (probability)» и погружает читателя в атмосферу повседневной жизни английских сквайров. Отныне английский роман будет всемерно дополняться подробностями обыденной жизни и описанием нравов. Это касается всех жанровых разновидностей при всем их отличии друг от друга. Авторы эпистолярных романов как в наиболее известных образцах «Памела, или Вознагражденная добродетель» (“Pamela; or, Virtue Rewarded”, 1740), «Кларисса» (“Clarissa; or, the History of a Young Lady”, 1747–48), «История сэра Чарльза Грандисона» (“The History of Sir Charles Grandison”, 1754) С. Ричардсона, «Путешествие Хамфри Клинкера» (“The Expedition of Humphry Clinker”, 1771) Т. Б. Смоллетта, так и десятках подражаний созданному ими канону, якобинского романа Р. Бейджа «Хермспронг, или Человек, каких нет» (“Hernsprong, or Man as he is not”, 1796), даже готических романов А. Радклиф, Уолпола, где «преобладала сила воображения, доставляющая читателя утонченное удовольствие» в совокупности достигают несомненного писательского мастерства в достоверности изображения быта, в достоверности подробностей. В предисловии к очередному изданию романа Х. Уолпола «Замок Отранто» (“The Castle Of Otranto”, 1820) В. Скотт пишет, что особенно ценит намерение «посредством тщательно продуманного сюжета и заботливо воспроизведенного исторического колорита тех времен вызвать в сознании читателя сходные ассоциации и подготовить его к восприятию чудес, конгениальных верованиям и чувствам самих персонажей повествования»¹⁵. Уроки автора готического романа оказались полезными самому В. Скотту, став одним из источников его мастерски создаваемого «местного колорита», служащего для создания неповторимого ощущения уникальности каждой из изображаемых исторических эпох.

К началу XIX века складывается устойчивая традиция, отмеченная многими литературоведами: «Английский быто- и нравоописательный роман

---

¹⁵ Скотт, В. О «Замке Отранто» Уолпола [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.by/bookreader.php/52610/Skott_-_O_Zamke_Otranto_Uolpola.html

обрастает массой подробностей, деталей... Расширение функций бытовых деталей и подробностей было обусловлено направленностью сентиментального романа, ставившего своей целью проиллюстрировать союз чувствительности с истинной добродетелью»¹⁶.

На примере каждого из вышеназванных произведений можно было изучать искусство повседневности, однако наибольших результатов достигли писатели XIX века в силу того обстоятельства, что их творческим методом стал реализм. Викторианские реалисты, стремившимися к максимальной достоверности в изображении своих героев в контакте со средой и временем достигают максимального правдоподобия изображаемого именно за счет введения в создаваемый ими художественный мир множества деталей повседневной жизни, социального микромира своих персонажей. И в этом смысле можно говорить о том, что исследование повседневности в подобных романах позволяет расширить представление о репрезентации реальности в реалистическом романе.

Реализм английской литературы викторианской эпохи, имевший своим непосредственным предшественником английский роман XVIII века, тогда же определенный как «картина реальной жизни и современных нравов»¹⁷, демонстрирует очевидный интерес к социальной проблематике. Это подтверждается в жанровой специфике тех произведений, которые получили жанровое определение «роман проблемы», роман «condition of England», и в общем определении направления как социального реализма.

А. Кеттл полагает, что «важнейшим критерием в оценке романа этого периода, сохранившимся и позднее, является его верность жизни. Писатель - это судья действительности. Общественная функция произведения искусства, неизбежно пропагандирующего те или иные идеи, становится ведущим

---

¹⁶ Соловьева, Н.А. Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи. - М.: Формула права, 2008. - С.47.

¹⁷ Цит. по: The Victorian Age : An Anthology of Sources and Documents / ed. by J. M. Guy. London : Routledge Literature, 1998. – P. 22

критерием в его оценке»¹⁸. Иная позиция была у Дж. Сэйтсбери, который хронологически первым исследовал последовательно историю английского викторианского романа в объемных работах «История литературы XIX в., 1780-1895» (1896), «Английский роман» (1913). В главах «Английского романа», посвященных викторианским авторам, Сэйтсбери рассматривает их произведения в контексте исторических изменений, но пытается абстрагировать роман от социально-политической жизни общества: «Роман не имеет ничего общего ни с какими верованиями и убеждениями <.>. Его сущностью всегда должна быть жизнь». Характерно, что Дж. Сэйтсбери считал важнейшим центром романа описание личного опыта жизни как универсального.

Именно личный жизненный опыт персонажей романов является содержанием викторианского романа. Авторы внимательны к социальному статусу своих героев, тщательно прорисовывая в деталях повседневную жизнь разных общественных классов: аристократов, главным образом, джентри, как по традиции называли среднее и мелкое поместное дворянство, джентльменов («странный, чисто английский гибрид феодального господина и буржуа»)¹⁹, представителей средних классов разного достатка и ранга, пролетариев, простолюдинов, и т. д. В частности, Дж. Чайлдерс в работе «Возможности романа. Литература и формирование ранней викторианской культуры» (“Novel Possibilities: Fiction and the Formation of Early Victorian Culture”, 1995) анализирует романы Б. Дизраэли «Конингсби» (“Coningsby, or the New Generation”, 1844), Э. Гаскелл «Мэри Бартон» и Ч. Кингсли «Элтон Локк» (“Alton Locke”, 1850) и замечает модель повествования с энциклопедическим описанием бедности. Чайлдерс с уверенностью утверждает, что «романы не только попытались описать "действительность"

---

¹⁸ Кеттл, А. Введение в историю английского романа. - М.: Прогресс, 1966. - С. 27.

¹⁹ Beard M. A. History of the Business Man. N.Y.: Macmillan, 1938. – С. 568

раннего Викторианского мира, они также участвовали в формировании того мира»¹.

По поводу романа Энн Бронте Н. Михальская пишет: «В описании жизни провинциального дворянства проявляется не только опыт самой Бронте, но и литературная традиция, прекрасное знакомство писательницы с романами XVIII – начала XIX в., в которых переданы атмосфера среды, ощущение времени, своеобразие деталей быта определенной эпохи, звучание речи, строение диалогов. Это то неуловимо-определенное, что впоследствии будет воспроизведено и запечатлено как викторианское»².

Писатели-викторианцы создают свою энциклопедию английского общества в тот момент его развития, когда государство все более обретало признаки гигантской колониальной державы. Одним из самых значимых разделов этой энциклопедии становится семья как средоточие жизни человека и дом как место её обитания. Главным автором для современников и последующих поколений читателей в этой связи становится Ч. Диккенс с его идеалом домашнего очага. К этому идеалу можно отнести и иронически, как это делает впоследствии Д. Оруэлл: «Диккенс никогда не писал о сельском хозяйстве, зато без конца писал о разных яствах. Он был кокни, а Лондон – центр мира, точно так же как чрево – центр тела. Это город потребителей, людей глубоко цивилизованных, но никчемных»³. Идеал, за который сражаются герои Диккенса, по Оруэллу, «на поверку оказывается приблизительно таким: сто тысяч фунтов, старый дом причудливой конструкции, обросший плющом, красивая милая жена, куча деток и праздность. Все надежно, приятно, спокойно и самое главное – уютно»⁴. В то

---

¹ Childers, J. W. *Novel Possibilities: Fiction and the Formation of Early Victorian Culture*. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. –P.71.

² Михальская, Н.П. Третья сестра Бронте (Энн Бронте) // Бронте Э. Агнес Грей: Роман; Незнакомка из Уайлдфелл-Холла: Роман; Стихотворения: Пер. с англ. / Вступ. статья Н. Михальской; Сост. стихотворного раздела Е.Гениевой; Ил. Ю.Игнатьева. - М.: Художественная литература, 1990. - С. 38.

³ Оруэлл, Дж. Эссе. Статьи. Рецензии. — СССР, Пермь: КАПИК. - 1992. - Том II. - С. 228.

⁴ Там же. – С. 229.

то же время следует признать, что сосредоточенность Диккенса на чувстве внутреннего покоя и удовлетворенности своей судьбой человека, счастливого в созданной им семье и кругу друзей, отражает саму основу викторианства. Совместно со многими другими авторами он основывается на идее упорядоченности мира, основанного на прочных нравственных основаниях. С точки зрения изображения повседневности важно отметить, что стремление искать романтику обыденного (the romantic side of familiar things) становится особенностью английского романа в XIX веке.

Индексы исследований викторианского романа состоят из многих десятков и даже сотен наименований. В большинстве из них прямо или косвенно отмечаются художественные формы, методы, средства, связанные с изображением повседневной жизни современной писателям страны. Например, свою книгу «Роман в викторианской культуре» (“The Novel in the Victorian Age: a modern introduction”, 1986)¹ Р. Гилмор начинает, обосновывая социальную и установленную структуру, в которой развивалась интеллектуальная и культурная жизнь названного времени. Он оценивает викторианскую религию, науку и политику с точки зрения среднего класса традиционализму. Такие темы, как Оксфордское движение и дарвинизм, открываются заново и наряду с прочими рассматриваются в связи с викторианским агностицизмом, политикой пола, «английскостью» и фотографией. Можно сказать, что само по себе объединение столь разнородных явлений продиктовано современным стремлением к смысловому уравниванию всех элементов повседневной жизни, рассмотрению, в том числе фактов научного знания, и технических открытий, и гендерных проблем, и прочих в контексте единого национального ментального образа.

Из более близких нам по времени особенный интерес в контексте названной проблемы изображения представляет книга С. Кин

---

¹ Gilmour, R. The Novel in the Victorian Age: a modern introduction. - L.: Edward Arnold, 1986. – 221 p.

«Викторианское обновление романа: приложения к повествованию и границы репрезентации» (“Victorian Renovations of the Novel: Narrative Annexes and the Boundaries of Representation”, 1998), в которой предложено новое прочтение романов Ш. Бронте, Ч. Диккенса, Б. Дизраели, Т. Харди, Э. Троллопа и Г. Уэллса. Она предлагает термин «Narrative annexes», который мы перевели как «приложение к повествованию». «Приложения рассказа, как я называю их, позволяют появляться неожиданным характерам, непозволительным предметам и развивающим сюжет событиям в пределах вымышленных миров, которые, как можно было бы ожидать, напротив, исключают их»¹. С. Кин имеет в виду, что традиционное представление о викторианском романе заставляет представлять ухоженные дома и сады, в то время как в нем существуют некие дополнительные пространства и идеи: «В то время как бесчисленные викторианские романы раскрывают свои сюжеты на знакомых территориях гостиной, скамейки, танцзала, и парка, я проявляю внимание к исключениям. Страхи перед болезнью, перед рабочими, нищими, темнокожими «другими», бедными, которые трудятся и голодают в непосредственной близости к домам приходского священника, домам, клубам, и окруженными садами викторианского самовосхищения, увлекают нас вниз через узкие переулки, через тернистые преграды, через пустынные пустоши в приложения повествования»². Книга С. Кин – одно из многих свидетельств того, что культ названной эпохи в литературной критике не ослабевает до сегодняшнего дня. Ученые многих стран мира находят все новые и новые грани одного из самых известных в мире литературы явлений.

Но то же можно сказать и о викторианстве в целом. Исследования о повседневной жизни этой эпохи появляются в контексте современной тяги к разнообразным сведениям о повседневности. В издательстве «Молодая гвардия» с 1999 года существует книжная серия «Живая история:

---

¹ Keen, S. Victorian Renovations of the Novel: Narrative Annexes and the Boundaries of Representation. – NY: Cambridge UP, 1998. - P. 9.

² Ibid. - P. 41.

Повседневная жизнь человечества»,¹ в которую вошли уже более 120 исторических романа, проливающие свет на детали быта, моды, нравы людей разных эпох, поколений, профессий. В большинстве книг о повседневности, написанных британцами, описывается обыденная жизнь людей разных стран и разных эпох. Примером могут послужить работы Марджори и Чарльза Генриха Борн Квеннеллов, созданные для детей. «Повседневная жизнь в Англии» состоит из четырех томов (“A History of Everyday Things in England”, 1948)². В них описывается история страны с 1066 по 1914 г.г. В изображении каждого исторического периода можно найти обширную справку о следующих объектах повседневного мира: общеисторические условия, костюм, средства передвижения, архитектура, домашняя утварь, досуг. Благодаря следованию этому плану, у читателя появляется возможность сравнить быт людей каждого этапа по изменяющимся деталям. В первой половине XX столетия, когда история фокусировалась на политических силах и их лидерах, изменивших мир, эти книги о повседневной жизни обычных людей опередили свое время. В 2002 году вышла книга на русском языке, объединившая перевод первого тома и труда, посвященного повседневности англосаксов, викингов и норманнов: Квеннел М., Квеннел Ч.Г.Б «Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов»³. Так же перу супругов принадлежат описания жизни в первобытном обществе, римской Британии и в Греции⁴, в том числе

---

¹ Книжная серия «Живая история: Повседневная жизнь человечества». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gvardiya.ru/shop/books/povsednevnaya_zhizn_chelovechestva

² Quennell, M. & C. H. B. A History of Everyday Things in England. Done in four parts of which this is the fourth, The age of production, 1851-1948. – L.:B. T. Batsford Ltd, 1948.

³ Квеннел, М., Квеннел, Ч.Г.Б. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. - СПб.: Евразия, 2002. — 420 с., с илл.

⁴ Quennell, M. & C. H. B. A History of Everyday life in Anglo-Saxon, Viking, and Norman times, in Roman Britain, in Prehistoric Times (vol. 1 The Old Stone Age, vol. 2 The New Stone Age). - L.:B. T. Batsford Ltd, 1921-1926; Quennell, M. & C. H. B. Everyday things in Greece. - L: B. T. Batsford Ltd, 1929-1932.

переведенные на русский язык «Гомеровская Греция. Быт, религия, культура», «Первобытные люди: Быт религия культура»¹.

В 2005 году в России опубликована книга Э. Бартон «Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира» (“The daily lives of Englishmen in the age of Shakespeare”, 1958)². Автор, повествуя о жизни людей елизаветинской эпохи, переплетает исторические события с описанием быта. На страницах романа можно найти информацию о типичных домах бедняков и знати, садах и парках, служащих гордостью англичан, организации праздников, составе блюд, ювелирных пристрастиях, болезнях и попытках их излечить. Эта книга представляет интерес в случае попытки представить более глубокий генезис основных элементов национальной обыденной жизни.

Профессор Оксфордского университета Майкл Шерингам в монографии «Повседневность: теории и практики от сюрреализма до настоящего времени» (“Everyday Life: Theories and Practices from Surrealism to the Present”, 2006)³ дает обширный аналитический обзор разных подходов к повседневности. В книге приведена историческая перспектива с выделением общепринятых суждений и придерживающегося других взглядов сюрреализма. Шерингам рассматривает учения Лефевра, де Серто, Ролана Барта и Жоржа Перека. Автор анализирует работы, посвященные повседневности в различных жанрах, таких как художественная литература, эссе, поэзия, кино, изобразительное искусство. Шерингам старается ответить на следующие вопросы: наполнена ли повседневность конкретным содержимым или лучше рассматривать ее с точки зрения ритма, повторяемости, обыденности, очевидности, данности? Существуют ли

---

¹ Квеннелл, М., Квеннелл, Ч. Гомеровская Греция. Быт, религия, культура / Пер. с англ. И.А. Емец. – М.: Центрполиграф, 2005. – 190 с.; «Первобытные люди: Быт религия культура». – М.: Литагент «Центрполиграф», 2005. – 238 с.

² Бартон, Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 256 с. Barton, E. The daily lives of Englishmen in the age of Shakespeare, 1958. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pdf-boooks.org/wr/elizabeth_barton

³ Sheringham, M. Everyday Life: Theories and Practices from Surrealism to the Present. – Oxford: Oxford UP, 2006. – 448 p.

события и деяния, которые однозначно повседневные или ежедневность – это лишь способ вычленения действий, относящихся к категории «здесь и сейчас» в отличие от явлений, отсроченных во времени? Какие методы и жанры наилучшим образом передают смысл повседневности? Книга исследует эти вопросы, сравнивая и обобщая мнения многочисленных писателей и художников, включая Андре Бретона, Раймона Кено, Мишеля Фуко, Софи Калле и др.

Лайза Пикард, адвокат по образованию, занялась изучением родного ей Лондона, что вылилось в написание четырех книг, посвященных повседневной жизни столицы: «Восстановление Лондона: повседневная жизнь в 1660-х» (“Restoration London: Everyday Life in the 1660s”, 2003); «Лондон Елизаветской эпохи: повседневная жизнь в Лондоне Елизаветы» (“Elizabeth's London: Everyday Life in Elizabethan London”, 2003); «Лондон доктора Джонсона» (“Dr. Johnson's London”, 2001); «Викторианский Лондон. Жизнь города» (“Victorian London: The Tale of a City 1840-1870”, 2006)¹. В них можно найти обширную справку о домах и улицах, садах и парках, приготовлении еды, одежде и украшениях, косметики, прическах, работе по дому, медицине, образовании, досуге, этикете, законах, религии и общепринятых убеждениях, типичных для того или иного периода времени. На русский язык переведена книга о периоде правления королевы Виктории².

Тема викторианской Англии привлекла внимание писательницы и журналиста Джудит Фландерс. Одна из ее книг «Внутри викторианского дома: портрет домашней жизни в викторианской Англии» (“Inside the

---

¹ Picard, L. Restoration London: Everyday Life in the 1660s. – L.: Phoenix, 2003, - 330 p.; Picard, L. Elizabeth's London: Everyday Life in Elizabethan London. – L.: George Weidenfeld & Nicholson, 2003. - 342 p.; Picard, L. Dr. Johnson's London. – L.: Phoenix House, 2001. - 362 p.; Picard, L. Victorian London: The Tale of a City 1840-1870. – L.: Phoenix House, 2006. - 496 p.

² Пикард, Л. Викторианский Лондон. Жизнь города / Пер. М. Бурмистровой. - М.: Издательство Ольги Морозовой, 2011. – 528 с.

Victorian Home: A Portrait of Domestic Life in Victorian England”, 2005)¹ рассказывает о повседневной жизни викторианцев среднего класса. Фландерс дает подробное описание типичного для того времени дома, переплетая его с событиями, происходящими в комнатах от рождения до смерти хозяина. При составлении автор использовал дневники, книги рекомендаций и художественную литературу. Другую книгу Фландерс посвящает повседневной жизни Лондона времен Чарльза Диккенса (“The Victorian City: Everyday Life in Dickens' London”, 2012)². Чтобы достоверно показать столицу викторианской эпохи во всем ее многообразии, динамике и убогости, Фландерс описывает реки, переулки, рынки, трущобы, транспорт, канализацию, кладбища, развлекательные заведения.

Марк Жируад в книге «Жизнь в английском загородном доме: социальная и архитектурная история» (“Life in the English Country House: A Social and Architectural History”, 1994)³ показывает, как перемены в жизни представителей высших слоев общества отражались на их домах, начиная со средневековья, заканчивая началом XX столетия. Описывая архитектуру, внутреннее убранство, автор использует письма и дневники для изображения ежедневные занятия гостей, хозяев и слуг.

Английский историк, специалист по истории России, Доменик Ливен в 1992 году написал книгу «Аристократия в Европе: 1815-1914» (“The Aristocracy in Europe: 1815-1914”, 1992)⁴, которая была переведена на русский язык в 2000 году⁵. В ней автор описывает поворотный момент в истории европейской цивилизации, останавливаясь на судьбах аристократических семей трех государств: России, Великобритании и

---

¹ Flanders, J. Inside the Victorian Home: A Portrait of Domestic Life in Victorian England. – NY: W. W. Norton & Company, 2005. - 499 p.

² Flanders, J. The Victorian City: Everyday Life in Dickens' London. – L.: Atlantic Books, 2012. - 525 p.

³ Girouard, M. Life in the English Country House: A Social and Architectural History. – Connecticut: Yale UP, 1994. - 352 p.

⁴ Lieven, D. The Aristocracy in Europe: 1815-1914. – L.: Macmillan Press, 1992.

⁵ Ливен, Д. Аристократия в Европе: 1815-1914 / Пер. с англ. под ред. М. А. Шерешевской. – М.: Академический проект, 2000. - 364 с.

Германии. Помимо исторических и политических аспектов, Ливен изображает и повседневную жизнь героев, давая возможность сравнить этикет, нравы, культуру, образование представителей высших слоев общества в разных странах.

В России самым заметным трудом по рассматриваемой в этой работе проблематике является исследование Е.И. Зброжек «Викторианство в контексте культуры повседневности»¹, в котором автору удалось обобщить основные теоретические ракурсы проблемы и фундаментальные категории викторианского менталитета и быта.

В 2007 году выходит книга Т.В. Диттрич «Повседневная жизнь викторианской Англии»². Подробно описывая детали быта викторианцев, Диттрич показывает огромную разницу между условиями жизни англичан разных социальных классов. Автора интересует как ежедневные заботы и потребности людей, включая жилище, одежду, еду, здоровье, семейные отношения и многое другое, так и изменения, произошедшие в XIX веке, связанные с индустриализацией и развитием науки. Диттрич подчеркивает их значимость в дальнейшей жизни человечества.

Подводя итоги в этой главе, можно сделать следующие выводы. Под повседневностью в философском смысле термина следует понимать целостный социокультурный жизненный мир, микромир среды обитания, особую форму социальности. Главными составляющими этой категории являются самоочевидность существования, целостность и упорядоченность, фактичность, пространственно-временная локализация. Категория актуализируется в XX веке в силу общего феноменологического поворота, заставляющего обратиться к первичному опыту познающего сознания, жизненному миру, т.е. единственно подлинной реальности личности,

---

¹ Зброжек, Е.В. Викторианство в контексте культуры повседневности / Е.В. Зброжек // Известия Уральского государственного университета. — 2005. №35.- С. 28-44.

² Диттрич, Т.В. Повседневная жизнь викторианской Англии. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 382 с.

«верховой реальности», которая оказывается наиболее полной формой человеческого восприятия мира, соответствующей деятельной природе человека. Уже в первой половине XX века повседневность рассматривается как самостоятельная реальность, имеющая фундаментальное значение для поиска когнитивного смысла существования человека. Последствия феноменологического поворота особенно ощутимы в последние десятилетия XX века, в философии постмодерна, где эпистемологическая неуверенность заставляет искать характеристики самой возможности устойчивости реальности. Знание о повседневности достигается эмпирическим путем, но уже на уровне обыденного сознания является «самым надежным», свидетельствующим о специфике ментальности, национальной картины мира. Функции повседневности – сохранение, выживание, воспроизводство человека, общества, культуры. Теоретическая же рефлексия позволила выявить некий оппозиционный характер повседневной жизни, которая противопоставлена властным отношениям, любым социальным несовершенствам, сама по себе стимулирует критическое восприятие реальности. Одновременно в противопоставлении внешней упорядоченности рационального знания повседневность стимулирует раскрытия творческого потенциала личности.

В контексте указанных мировоззренческих позиций под эстетикой повседневности следует понимать совокупность представлений обыденного эстетического сознания, выразительные формы повседневной жизни, в которых воплощены ментальные, в том числе ценностные установки. Под эстетизацией повседневности в общекультурном плане понимают превращение повседневной жизни в эстетический проект, в том числе, реализацию массово-культурной коммуникации в дизайнерской деятельности, арт-практики, превращающие утилитарные объекты в произведения искусства.

Художественная повседневность – художественный мир автора, представленный с позиции его эстетического идеала в естественном

проявлении повторяющихся изо дня в день жизненных реалий. Основные характеристики повседневности как категории гуманитарного знания во многом совпадают с теми значениями, которое литературоведение вкладывает в термин «социальный реализм». Писатели этого направления стремились показать человека в микросреде, в то же время анализируя и влияния макросреды, социального окружения. Именно подробное изображение повседневности героев позволило этим авторам достичь того практически полного совпадения вымышленного и реального мира, которое стало классическим образцом в художественном произведении для последующих поколений писателей.

В реалистическом романе XIX века повседневность персонажей играет важную роль. Детали повседневного мира не только служат средством создания «эффекта реальности», но помогают раскрыть национальную идентичность людей, их взгляды, представления о мире, сформированные под влиянием условий быта, особенностей семейного уклада, традиций, национального менталитета, то есть показывают то, что в повседневности настойчиво ищут философы и социологи.

Поворот к миру обычного человека раньше, чем в других европейских странах, произошел в Великобритании в XVIII веке. Поэтому исследование принципов и эстетического смысла изображения повседневности необходимо связывать с той устойчивой традицией, которая тогда была заложена. Это нерасторжимое единство трех составляющих: социально-критичного изображения нравов, сложившейся в государстве иерархии нравственных ценностей и, соответственно, мощного дидактического начала, представления о прекрасном и возвышенном. В том же предшествующем викторианству веке получили развитие и жанры, свидетельствующие о тяготении к правдивому описанию обычной жизни обычного человека: письма, дневники, мемуары, и оформились структурообразующие принципы романа, главного жанра нового типа реализма.

В процессе создания совокупного художественного мира викторианского романа все более раскрывается как критический пафос, так и эстетический потенциал изображения повседневной жизни человека.

ГЛАВА 2.

ЦЕНТРЫ ВИКТОРИАНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РОМАНАХ ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

2.1. Социальные воззрения Э. Гаскелл

Литературоведческая традиция прочно связывает творчество Э. Гаскелл с историей английского социального романа. В. Ивашева называет ее «автором романов о важнейших социальных конфликтах середины века»¹.

Э. Райт в своей книге о Гаскелл в специально выделенном разделе «Общество и социология» говорит о внимании автора к социальным вопросам в связи с обусловленностью поведения ее героев принадлежностью к социальным группам и подчеркивает, что «госпожа Гаскелл прекрасно ориентируется в социальном диапазоне».² Д. Чайлдерс в книге «Возможности романа: литература и ранняя викторианская культура» (“Novel Possibilities: Fiction and the Formation of Early Victorian Culture”, 1995) одну из глав называет «Мэри Бартон» и общество страдания». Он пишет, что «читатель, так же хорошо знакомый с работой Ф. Энгельса «Условия рабочего класса в Англии», как и с романом «Мэри Бартон» Э. Гаскелл, может быть сразу поражен совпадением содержания вводных страниц этих двух важных социальных текстов середины XIX столетия. Энгельс начинает с «Исторического введения», в котором упоминает об интеллектуальном и моральном состоянии рабочих в эпоху до парового двигателя и машин для обработки и плетения хлопка. Так же у Гаскелл богобоязненные, честные, сильные люди не были интеллектуально развиты и прозябали счастливо в идиллической жизни. Они были немногим лучше животных, но и большим, чем просто человеческие машины для обслуживания аристократов. Промышленная революция превратила рабочих «полностью в машины»,

---

¹ Ивашева, В. «Век нынешний и век минувший...». Английский роман XIX века в его современном звучании. - М.: Художественная литература, 1990. – С. 302.

² Wright, E. Mrs. Gaskell: The Basis for Reassessment. - L.: Oxford UP, 1965. -P. 120.

лишила их остатков независимой деятельности, однако заставила думать о своем праве на полноту жизни. Начало романа посвящено воспоминаниям о допромышленной идиллии, ассоциации с которой вызваны изображением праздника в апрельский день»³. М. Фрикстед свою обширную работу о творчестве Гаскелл открывает главой «Социальный фон: Манчестер Элизабет Гаскелл»⁴. Писательница, по ее мнению, не подвергает анализу или критике «социальные силы», формирующие или изменяющие общественную ситуацию в целом, но является достаточно внимательным наблюдателем, чтобы понять, что такие силы должны неизбежно вызвать изменения.

В контексте рассматриваемой здесь проблематики повседневности важны и факты биографии писательницы. Мировоззрение, взгляды, убеждения Элизабет Гаскелл формировались под влиянием происхождения, воспитания, образования, окружающей культурной среды и собственного опыта. Элизабет Стивенсон родилась в Лондоне в унитарной семье. Рано оставшись без матери, Элизабет была воспитана в семье дяди-врача в провинциальном Натсфорде, послужившим прототипом Крэнфорда («Крэнфорд») и Холлингфорда («Жены и дочери»). Детство и юность будущей писательницы прошли в тихой спокойной атмосфере этого захолустного городка, лишь иногда Элизабет навещала отца. Унитаряне считали образование для девочек таким же необходимым, как и для мальчиков. Поэтому после домашнего обучения французскому и танцам Элизабет определили в школу сестер Бирли. Там она провела пять лет, изучая разные дисциплины, включая латынь, французский и итальянский языки.

Выйдя замуж, миссис Гаскелл обосновалась в Манчестере – индустриальном сердце Англии. Таким образом, Гаскелл была прекрасно

---

³ Childers, J. W. *Novel Possibilities: Fiction and the Formation of Early Victorian Culture*. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. – P. 158.

⁴ Fryckstedt, M. *Elizabeth Gaskell's Mary Barton and Ruth: A challenge to Christian England*. - UUUpsala: Uppsala universitet, 1982. – P. 17 - 45.

знакома с жизнью Лондона, Манчестера и Натсфорда, которые кардинально отличались друг от друга. Гаскелл много путешествовала. Она была гораздо ближе знакома с нравами викторианского общества, чем ее современницы сестры Бронте, жившие в изоляции. Кроме того, статус жены и матери четырех дочерей отличал ее от остальных женщин-писательниц XIX столетия. Писательница и подписывала свои работы привычной формой обращения: «миссис Гаскелл», более столетия читатели воспринимали ее в первую очередь как хранительницу семейного очага и только потом как романистку. Как отмечает Пэтси Стоунмэн, нет никаких сомнений, что бездетные Бронте или Элиот более остро чувствовали отсутствие цели и возможностей в жизни женщин и в своих работах более горячо восставали против этого. Тогда как для Гаскелл материнство – это главная обязанность для женщины, в ее произведениях незамужние женщины чаще занимаются чужими детьми, чем выбирают интеллектуальные или политические карьеры, а наличие таланта, даже такого, как у Шарлотты Бронте, не освобождает от домашних обязанностей⁵.

Всю свою сознательную жизнь миссис Гаскелл старалась совместить повседневные хлопоты, связанные с ведением хозяйства, воспитанием детей, помощью мужу в его трудах, и творчество. Как писала она сама: «Одно из моих «я», - настоящая христианка – (только люди называют его социалистом и коммунистом), другое мое «я» – это жена и мать... Я полагаю это моя социальная сущность. Затем третье «я», преисполненное чувства прекрасного... Как мне примирить все эти враждующие начала?»⁶ Этот самоанализ помогает понять, какой разносторонней личностью она была, и как ей удалось заслужить уважение и дружбу людей самых разных слоев

---

⁵ Stoneman, P. Gaskell, gender, and the family// The Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell ed. by Jill L.Matus: Cambridge UP, 2007. - P. 132.

⁶ Chapple, J.B.V. Pollard, A. The Letters of Mrs. Gaskell. - Manchester: Manchester UP, 1966. – 1010 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books/about/The_letters_of_Mrs_Gaskell.html?hl=ru&id=9wsJAQAAIAAJ

общества. Но он же позволяет приступить к изображению повседневности в произведениях Элизабет Гаскелл непременно с учетом синтеза ее социальных устремлений, осознанием ею христианского и гражданского долга и отчетливого понимания чувства прекрасного.

Эдгар Райт называет Гаскелл «социологом – любителем» за то, что она обладала искренним любопытством, не связанным ни с какими скрытыми мотивами, она просто любила обмениваться информацией. Она, как и все женщины, любила сплетни, но осознавала, какой вред они могут принести. Отражение этого мы находим в «Крэнфорде» и «Женах и дочерях»⁷.

В своих произведениях Элизабет Гаскелл выражала стремление преобразовать общество. В ее работах уживаются два противоположных пути к переменам: с одной стороны - резкий и даже жестокий, с другой – медленный постепенный. Резкие перемены включают себя открытое противостояние тирании, несправедливости. Примером может послужить участие Фредерика Хейла в мятеже на корабле («Север и Юг»). Постепенные неотвратимые эволюционные перемены общественного уклада особенно чувствуются в таких романах, как «Крэнфорд», «Жены и дочери». Гаскелл волновало влияние социальных перемен на отдельных конкретных людей, так и наоборот воздействие человека на общество в целом. Персонажи книг Гаскелл совершают по-настоящему героические поступки, требующие мужества, отваги, бескорыстия. Примером этому может послужить спасение людей из пожара Джемом Уилсоном в романе «Мэри Бартон», попытки Маргарет Хейл защитить от разбушевавшейся толпы мистера Торнтон в «Севере и Юге», в «Руфи» главная героиня умирает, ухаживая за больными тифом. С другой стороны, в произведениях Гаскелл мы встречаем персонажей, в жизни которых, казалось бы, нет места для подвигов, но при этом их поведение, отношение к окружающим является олицетворением истинной христианской морали, проявлением «повседневного» героизма.

---

⁷ Wright, E. Mrs Gaskell. The Basis for Reassessment. – L.: Oxford UP, 1965. – P. 125.

Именно забота мистера и мисс Бенсон, их великодушие, принятие Руфи с ее достоинствами и недостатками помогли героине выстоять, удержали от морального падения, которое считалось неминуемой участью девушек в ее положении. Миссис Гаскелл искренне верила в то, что художественная литература - это надежный инструмент, способный пробудить совесть нации. Книги, по Гаскелл, должны служить достижению различных целей, не только отражать действительность, но и побуждать общество к переменам к лучшему. Они хранят информацию о прошлом, объясняют причины и последствия перемен, а также освещают проблемы, имеющиеся в обществе, знакомят читателей с жизнями тех, кто находится вне поля их зрения. Гаскелл насыщает сюжеты своих романов деталями быта и реалиями того времени, отражающими технологические и научные инновации. Писательница задается фундаментальными философскими вопросами: когда насильственное сопротивление тирании оправдано? Являются ли изменения в английском обществе свидетельством прогресса?

Сосуществование идей эволюционных и революционных перемен в творчестве Гаскелл поднимает вопрос о ее политических пристрастиях. Судя по тому, как Гаскелл в поисках пути к примирению пытается найти баланс между интересами рабочих и работодателей в романе «Север и Юг», писательница относится с пониманием к обеим сторонам. Политические противоречия характеризуют как жизнь, так и творчество Гаскелл. В ее произведениях сочетаются консервативный страх перед революцией, свойственный XIX столетию, и стремление к либеральным реформам. Двойственность ее взглядов на общественные перемены нашла отражение в теме эмиграции в Британские колонии, как решение проблемы нищеты, унижения и в целом недовольства своей страной. В романе «Мэри Бартон» главные герои переезжают в Канаду в надежде на лучшую жизнь. Мы находим следующее высказывание одного из персонажей, миссис Уилсон: «Оно, конечно, Америка, она очень далеко отсюда, наверно намного дальше Лондона и совсем за границей. Да только Англия мне разонравилась с тех

пор, как они как дураки схватили такого честного человека, как ты, и упрятали его в тюрьму. Может, в этих индейских странах уважают порядочных людей»⁸.

Кроме того, Гаскелл считала эмиграцию единственным путем спасения для «падших» женщин. Известно, что в 1850 году она помогла эмигрировать в Австралию оступившейся девушке. Это происшествие нашло свое отражение в судьбах героинь в рассказе «Лизи Лей» (“Lizzie Leigh”, 1850), Эстер в «Мэри Бартон» и Руфи в одноименном романе, хотя ни одна из героинь не эмигрировала. Писательница стремилась изменить отношение викторианского общества к таким женщинам, предложить другие пути решения данной проблемы. Именно этой теме посвящен один из лучших романов писательницы – «Руфь».

Миссис Гаскелл придерживалась унитарных гуманистических взглядов на общественную справедливость. Она симпатизировала христианским социалистам и рабочим беднякам. При этом Гаскелл не могла определиться со своими политическими убеждениями. В 1848 году она написала Кэтрин Винкворт: «Я никогда не смогу решить, на чьей стороне я в политике, я мечусь между крайне правыми и крайне левыми». Она часто чувствовала, что недостаточно знает о проблеме, чтобы высказываться о ней. В 1851 году в письме своей дочери Мэриан, которая поддержала свободную торговлю, Гаскелл побуждает ее глубже изучить эту тему: «А если серьезно, дорогая, ты не должна становиться партизаном в политике». Гаскелл предупреждала ее не придерживаться популярного в то время мнения, что женщины не должны «лезть в политику». «У тебя должно быть столько разнообразных увлечений и интересов, сколько тебе хочется, но никогда не выражай свое мнение на тему, о которой в данный момент ты ничего не

---

⁸ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 531.

знаешь»⁹. Этому правилу Гаскелл старалась следовать, что очевидно из ее писем, в которых отразилось ее стремление узнать больше о сложных вопросах, и из ее произведений, в которых подчеркиваются беспристрастность, объективность, справедливость, терпимость и сочувствие как главные качества, ведущие к социальному прогрессу. Революция никогда не рассматривалась Гаскелл как путь решения вопроса богатых и бедных. По ее мнению, общество целиком строится на порядке и иерархии, и его членам следует взаимно уважать как положение, так и индивидуальные качества друг друга. Как пишет Эдгар Райт, весь роман «Жены и дочери» пронизан одобрением классовых разграничений, как основы успешного функционирования общества¹⁰.

Одним из путей социальных преобразований Гаскелл видела в том, что на смену изнеженным благопристойным слабым леди появятся сильные образованные женщины, обладающие знаниями и готовые самостоятельно принимать решения и действовать. В предисловии к «Мэри Бартон» Гаскелл утверждает, что она «ничего не смыслит в политической экономии промышленного производства»¹¹. При этом «Мэри Бартон» и позднее «Север и Юг» отражают ее понимание торговых и трудовых отношений. Произведения Гаскелл наглядно показывают, что те, кто не разбираются в денежных вопросах, находятся в зоне риска в современном обществе. Мисс Мэтти ничего не знает об акциях банка, которые она унаследовала от сестры, теряет свои сбережения, когда банк разоряется. Добрый доверчивый пастор, мистер Бенсон, обманут расточительным Ричардом Брэдшоу, который продает его акции страховой компании без ведома владельца. В противовес этим добродушным, но наивным людям – трезвомыслящая рассудительная

---

⁹ Chapple, J.B.V. Pollard, A. The Letters of Mrs. Gaskell. - Manchester: Manchester UP, 1966. – 1010 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://books.google.ru/books/about/The_letters_of_Mrs_Gaskell.html?hl=ru&id=9wsJAQAAIAAJ

¹⁰ Wright, E. Mrs Gaskell. The Basis for Reassessment. - L.: Oxford UP, 1965. – P. 122.

¹¹ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 6.

Маргарет, инвестирующая свои сбережения в фабрику Торнтон. Ее предложение звучит очень по-деловому: «если вы возьмете мои деньги, восемнадцать тысяч пятьдесят семь фунтов, которые лежат сейчас в банке без всякой пользы и приносят мне только два с половиной процента... вы смогли бы заплатить куда больший процент и продолжили бы руководить фабрикой Мальборо»¹².

Кроме капиталиста нового времени, мистера Торнтон, Гаскелл показала прогрессивно мыслящего ученого – Роджера Хэмли, чьи склонности и поступки направлены на освоение новых знаний, с целью добиться для Англии достойного места в современном мире, где понимание идет в ногу с наукой, освоением технологий. Будучи дальней родственницей Чарльза Дарвина, Гаскелл была знакома с его исследованиями и осознавала, какое огромное влияние оказало «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» (“On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life”, 1859) на научное сообщество. То, что она жила в эпоху великих перемен и открытий, было для Гаскелл неоспоримым фактом. Как и все викторианцы, писательница гордилась учеными, первооткрывателями, исследователями своей родины, почитала их. Ее суждения выражает леди Камнор, которая, упоминая Роджера, называет его «знаменитым путешественником, который занимается наукой».¹³ Она просит мистера Гибсона убедить Роджера присутствовать на их приеме, при этом она готова поступиться своей гордыней: «вы достаточно хорошо меня знаете, чтобы понять, что я – не тот человек, а Тауэрс – не тот дом, чтобы умолять кого-то приехать к нам в гости. Однако в данном случае я склоняю

---

¹² Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 537.

¹³ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 735.

голову: люди высокого ранга обязаны первыми оказать почести тем, кто отличился на поприще наук или искусств»¹⁴.

Переходный период, в котором сосуществуют старые суеверия и новые воззрения, стал фоном для последнего незаконченного романа Гаскелл «Жены и дочери». Современники, мыслящие по-разному, часто не понимали друг друга. Гаскелл показала людей противоположных взглядов на примере разговора миссис Гибсон с мужем: «Какая жалость, что я родилась слишком рано! Хотелось бы мне принадлежать к нынешнему поколению!» «Я иногда тоже об этом жалею, - откликнулся ее муж. – В науке открылось столько новых направлений – мне было бы отрадно, будь это возможно, дожить до тех дней, когда их право на существование будет подтверждено и станет ясно, куда они ведут». Но у миссис Гибсон совершенно другие переживания: «В нынешнем поколении куда больше богатых молодых людей, чем было в моем».¹⁵

Гаскелл большое значение придавало образованию, что отразилось на всех ее произведениях и видно из следующего ее письма Нортону о женитьбе их общего знакомого, в котором она мягко упрекает его за незнание тонкостей нравов: «И ты не понимаешь, что такое «наши аристократические чувства», когда извиняешься за его женитьбу на гувернантке. Это ни в коей мере нас не задевает, вот если бы он выбрал необразованную девушку – дочь богатого торговца».¹⁶

В конце 1850-х годов Гаскелл начала интересоваться политической обстановкой в США. В 1857 году в Риме она познакомилась с американцем Чарльзом Элиотом Нортон, с тех пор они поддерживали дружеские отношения и вели переписку. Когда началась гражданская война в Америке

---

¹⁴ Там же. – С. 736.

¹⁵ Там же. – С. 786.

¹⁶ Chapple J.B.V. and Pollard A. The Letters of Mrs. Gaskell. Manchester: Manchester UP, 1966. – 1010 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books/about/The_letters_of_Mrs_Gaskell.html?hl=ru&id=9wsJAQAAIAAJ

(1861-1865), Гаскелл осознавала ее значимость. Будучи настроенной против рабства, она написала Нортону в 1861 году: «Я всегда верила в северян, но теперь, как мне кажется, я не только симпатизирую им, но и полностью понимаю». При этом Гаскелл искренне сожалела об объявленной Линкольном блокаде портов, т. к. сырье юга было необходимо для хлопчатобумажной промышленности Англии. Она говорила своему издателю Джорджу Смиту в 1862 году: «Я хочу, чтобы Север и Юг помирились и разрешили нам ввозить хлопок, а наши бедняки получили бы работу».¹⁷

Живя в период перемен, Гаскелл, как и многие ее современники, чувствовала тоску по уходящему в прошлое укладу жизни. Писательница известна своим стремлением запечатлеть переход от аграрного общества к промышленному. В своем рассказе «Последнее поколение в Англии» (кратком предшественнике «Крэнфорда»), опубликованном в 1849 году, Гаскелл открыто заявила, что написала его, чтобы «изобразить детали жизни маленького городка, наблюдаемые мной самой или моими старшими родственниками; показать, что даже в таких городках, не сильно отличающихся от деревни, аспекты общественной жизни сильно меняются; и вскоре нам будет казаться странным то, что происходило с непосредственно предшествующем нам поколением». Качество, которое, по мнению Гаскелл, было утеряно – индивидуальность: «Конечно, в то время было больше индивидуальности характера, чем сейчас». В своих последующих работах она создавала персонажей с сильными независимыми характерами так, чтобы социальные перемены были видны по тому, как они отражаются на их жизни. Упадок землевладельческого строя и рассвет капиталистического класса привели к изменениям ценностей, корыстным коммерческим отношениям и переменам в повседневной жизни людей.

По мнению преподавателя Бингемтонского университета (штат Нью-Йорк), Нэнси Генри, основным вкладом Гаскелл в преобразование

---

¹⁷ Ibid.

викторианского общества являются ее произведения и сочувствие, которое они вызывают у представителей среднего класса к менее просвещенным и менее удачливым соотечественникам. В своих работах Гаскелл, как и ее современники Элиот и Диккенс, показывает социальные перемены, при этом они воздействуют на конкретных персонажей ее книг, что вызывает отклик в сердцах читателей.¹⁸ Первый роман Элизабет Гаскелл «Мэри Бартон» был написан в 1848 году.¹⁹ Действие романа происходит в промышленном сердце Англии – Манчестере в «голодные сороковые» XIX века. В центре повествования семья Бартонов: отец и дочь, олицетворяющие две сюжетные линии: отношения между богатыми промышленниками и нищими работниками, и любовные перипетии. Джон Бартон – ярый поборник справедливости, представитель рабочего класса, чартист. Изначально именно он был центральным персонажем романа, известно, что Гаскелл намеревалась назвать книгу его именем. Но вмешались издатели, и писательница была вынуждена уделить больше внимания любовной интриге романа.

Ужасающие условия жизни манчестерских рабочих: нищета, антисанитария, постоянная угроза безработицы, означающая медленную голодную смерть, все это найдет косвенное отражение и в других произведениях Э. Гаскелл. Так в повести «Три эры Либби Марш» (“*Libbie Marsh’s Three Eras*”, 1848) она писала, что ее жизнь «слилась с уродливым, деловитым Манчестером, дорогим Манчестером, серьезным, благородным, трудящимся городом».²⁰

«Мэри Бартон» была воспринята не как роман, а как документ. Ее правдивость, справедливость ее социального назидания были подчеркнуты

---

¹⁸ Henry, N. Elizabeth Gaskell and social transformation// *The Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell* ed. by Jill L.Matus. – Cambridge: Cambridge UP, 2007. - P. 162.

¹⁹ Gaskell, E. *Mary Barton*. – L.: Penguin Group, 1994. – 372 p. Переведен на русский язык Т. Кудрявцевой (Гаскелл Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. - 544 с.).

²⁰ Цит по : Ивашева И. «Век нынешний и век минувший...». Английский роман в его современном звучании. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 305.

автором, и хотя Гаскелл заявляла о своем неведении теории, она заставила политэкономов посмотреть на нее как на свою ученицу».²¹

Безнадежное положение, безработица и голод рабочих воспринимаются еще острее после прочтения книги «Крэнфорд», в которой Гаскелл, как бы ища приюта от бурь общественной жизни, создает идиллию из жизни глухой провинции. Лучшие традиции нравоописательной национальной прозы нашли отражение в этом романе. В некоторых аспектах Элизабет Гаскелл идет по стопам Джейн Остен, но есть и кардинальные отличия. Нет привычной увлекательности интриги, занимательного сюжета, романтической любви, авантюрной линии, сверхъестественных происшествий. Люди живут, умирают, ссорятся, сплетничают, оказывают помощь друг другу, сопереживают в беде. Мелочи жизни и большие по внутреннему смыслу события оказываются в равной степени достойными внимания.²² Жанру нравоописательного романа свойственна фиксация неизменяющихся характеров, стереотипов обстоятельств, быта и нравов статичного общества. Всему перечисленному соответствуют простота, традиционность, консервативность патриархального доиндустриального общества. Именно оно является идеальным в представлении англичан.

Творчество Гаскелл отличают мотивы проповедничества. Миссис Гаскелл придавала много больше значения этическим принципам и мотивам поступков, чем религиозной догме и букве. И Гаскелл, в особенности в зрелые годы творчества (1850-1865) была убежденной сторонницей того, что Райт очень точно назвал *the heart's piety*, т. е. религией сердца.²³ Неслучайно Д. Биллингтон сопоставляет ее творчество с произведениями Л. Толстого, основываясь не только на сходстве реалистического метода, но и на их взглядах на религиозную веру. Автор пишет, что в их творчестве

---

²¹ Tillotson, K. *Novels of the Eighteen Forties*. – L.: Oxford UP, 1954. – P. 206.

²² Соловьева, Н.А. Элизабет Гаскелл // История зарубежной литературы XIX века. Учеб. пособие / Под ред. Н.А. Соловьевой. – М.: Высшая школа, 2007. – С. 274 – 275.

²³ Цит по : Ивашева И. «Век нынешний и век минувший...». Английский роман в его современном звучании. – М.: Худож. Литература, 1990. – С.310.

реалистический роман не является «чрезвычайно светской формой – эпопеей мира, оставленного Богом (по выражению Г. Лукача)». Э. Гаскелл в таком случае – автор, смысл романов которого значительно шире, чем отражение социополитических или провинциальных, или чисто женских проблем²⁴

2.2 Синтез эстетического и этического в пространстве дома

В литературном процессе исторически последовательно складываются образы повседневности, к которым относятся детали быта, интерьера, моды, исторически сложившегося уклада, бытового поведения, совокупность телесных практик, приватная частная семейная жизнь человека. При этом локусом пространства повседневности, «необходимым атрибутом повседневности личности» исследователи называют дом.²⁵ «Дом» – необычайно емкое по смыслу понятие, выражающее соединение вечных ценностей и мира человека²⁶.

Анализируя работы отечественных исследователей по данной тематике, Е.А. Потураева и Е.А. Шерина формулируют следующее определение: «культурный объект – дом (созданный для функционирования в качестве жилища человека, характеризующийся материальными признаками, отражающими отделение пространства повседневной жизни человека от пространства окружающего мира, имеющий членение внутреннего пространства дома в связи с социальными, гендерными и

---

²⁴ Billington, J. Faithful Realism: Elizabeth Gaskell and Leo Tolstoy: A Comparative Study. – Lewisburg: Bucknell UP, 2002. – P. 9.

²⁵ Воротынцева, К.А. Поэтика повседневности в аспекте действительности героя // Критика и семиотика. - Новосибирск: НГУ, 2010.- Вып. 14. - С. 276. Полякова, И.П. Дом как пространство повседневности // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: м-лы III Международной науч.-практич. конф., посвященной 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного ун-та в Самарском крае / Под ред. Г.Ю. Карпенко. - Самара: Изд-во «СНЦ РАН», 2010. - С.27.

²⁶ Зброжек, Е. В. Викторианство в контексте культуры повседневности // Известия Уральского государственного университета. — 2005. №35. — С. 40.

хозяйственными установками населяющих дом людей) приобретает символическое толкование, которое проистекает из материальных параметров и преобладает над ними, возводя материальный объект – дом в ранг одного из наиболее значимых символов культуры»²⁷.

Дом важен в жизни любого человека, но когда речь идет об англичанах, можно говорить о культе дома и частной собственности. Здесь любовь к своему жилищу, неприкосновенность личного пространства являются чертами национального характера. По мнению исследователя викторианской литературы Б.М. Проскурнина, дом наряду с садом, здравым смыслом, практицизмом, монархией, долгом выступает одним из доминантных концептов национальной концептосферы английской национальной культуры, процесс формирования которой завершается в XIX веке.²⁸

Любовь к своему жилищу, неприкосновенность личного пространства являются чертами национального характера. Дом вызывает у англичан прилив нежных чувств, умиление: home, sweet home. Он же служит опорой и защитой: my house is my castle. В своем доме англичанин чувствует себя королем маленького государства: every dog is a lion at home. Лучше, чем дома нигде быть не может: east or west, home is best; there is no place like home.

В статье «Викторианство в контексте культуры повседневности» Е.В. Зброжек указывает, что дом как материальная реальность и символическое воплощение семейных ценностей приобретает особое значение в викторианскую эпоху на всех уровнях общества. Важно было, как люди строили дома и как располагали их относительно друг друга.²⁹ К середине XIX века упоминания о доме и обо всем, что под ним

---

²⁷ Потураева, Е.А., Шерина, Е.А. Концепт «дом» в гуманитарных науках: анализ понятийного, ценностного и образного компонентов // Современные проблемы науки и образования. – 2014. №6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16663> (дата обращения: 11.02.2016).

²⁸ Проскурнин, Б.М. О новых подходах к викторианству как социокультурному прецеденту // Вестник Пермского университета. Иностранные языки и литература. - Пермь: Пермский университет, 2004. - Вып. 4. - С. 7.

²⁹ Зброжек, Е. В. Викторианство в контексте культуры повседневности // Известия Уральского государственного университета. - 2005. №35. - С. 40.

подразумевается, встречались повсюду: в журналах, художественной литературе, учебниках, рекламе, письмах и дневниках. Чего стоят названия периодических изданий, пестрящих словом «дом»: The Home Circle, The Home Friend, Household Miscellany, Home Thoughts, The Home Magazine, The Home Companion. Промышленная революция затронула все стороны профессиональной жизни, а семья и вместе с ней дом выступили щитом от встрясок и перемен. Викторианцы разделяли свой мир на общественный – сфера коммерции и торговли и личный – семейный очаг, домашний уют. Как пишет в своей монографии Джудит Фландерс, «викторианский дом стал определяться как убежище от коммерческой жизни; в отличие от ее корыстных грязных правил, там есть этика и принципы, благодаря которым можно спасти душу».³⁰

Изучая английскую языковую картину мира, М.В. Цветкова обращает внимание на значимость в ней концептов “home”, “privacy”³¹. Ту же мысль предлагает в своей диссертационной работе Р.Е. Богачев. Исследователи обнаруживают, что английский дом представляет собой микромодель острова, глухой забор, отгораживающий от внешнего мира, и кусок любовно возделываемой земли – маленький, ухоженный, окультуренный. В основе английского концепта “home” нетрудно разглядеть обусловленную географическим положением страны идею обособленности, отделенности от всего остального мира и замкнутости в своем небольшом уютно обустроенном пространстве. Не случайно англичане так привязаны к своим домам. Предпринятая в 60-е годы XX века попытка внедрить в Великобритании многоквартирные дома провалилась, и застроенные

---

³⁰Flanders, J. Inside the Victorian Home: A Portrait of Domestic Life in Victorian England. - NY: W. W. Norton & Company, 2004. - P. 4-5.

³¹ Цветкова, М.В. Английское // Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. - Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2001. - С. 158–182.

подобными строениями кварталы быстро превратились в трущобы.³² Исследователь подчеркивает, что концепт "privacy" крепко сцеплен с концептом "home". В то же время "privacy" вплотную подводит нас и к пониманию английской сдержанности, которая является стремлением сохранить комфортную обстановку общения, нежеланием смутить собеседника. Англичанин, скованный рамками этикета, по замечанию писателя и публициста Дж. Б. Пристли, стремится домой, чтобы там, наконец, расслабиться в приватной обстановке³³.

Значимость данного концепта в исследованиях произведений английских авторов подчеркивают диссертации А.А. Подкопаевой «Вербализация художественного концепта "Home/House" в произведениях английских писателей XIX-XX вв.» (2010)³⁴, С.М. Богатовой «Концепт "дом" как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф» (2006)³⁵, а также работы с показательным совпадающим названием: «Поэтика английского дома и художественная рефлексия повседневности в романе Агаты Кристи «Убийство Роджера Экройда» А.Н.Чекановой³⁶, «Дом как сфера повседневности в романе Джона Фаулза «Дэниел Мартин» З. Р.

---

³² Богачёв, Р.Е. Отражение английской языковой картины мира в концептах "home", "freedom", "privacy", "common sense": автореферат дисс. канд. филол. наук. - Белгород, 2007. – С.13.

³³ Там же.– С.15.

³⁴ Подкопаева, А.А. Вербализация художественного концепта "Home/House" в произведениях английских писателей XIX-XX вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Подкопаева Анна Александровна; КубГУ. – Краснодар, 2010. - 234 с.

³⁵ Богатова, С.М. Концепт "дом" как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Богатова С.М.; Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2006. – 176 с.

³⁶ Чуканова, А.Н. Поэтика английского дома и художественная рефлексия повседневности в романе Агаты Кристи «Убийство Роджера Экройда» // Филологическая регионалистика. – 2011.№1. – С. 56 - 58.

Зиннатуллиной³⁷, «Концепт «дом» (“home / house”) в романах Дж. Макдональда» А.И. Черемисиной.³⁸

Детальное изображение внешнего облика и внутреннего убранства домов того времени, информацию о расположении комнат, функциональном назначении мебели, способах украшения интерьера можно найти в романах писателей – современников королевы Виктории. Подробное описание домов служит характеристикой не только отдельных персонажей, но и эпохи в целом. Элементы ежедневной рутины, происходящие в той или иной комнате, воссоздают обычаи, устои, ритуалы, присущие XIX столетию. Одним из ярких представителей авторов викторианских романов является Элизабет Гаскелл. В своих книгах писательница изобразила дома разного социального уровня: от бедняков до лордов, каждое из их жилищ отображает мир повседневности, свойственный тому или иному классу.

Викторианскую эпоху обычно называют «эрой среднего класса». Он оказывал сильнейшее влияние на проведение внутренней и внешней политики, по сути, определял экономическое развитие страны. В нем можно было выделить низшую (мелкие лавочники, торговцы, мелкие производители), среднюю (в меру успешные промышленники и торговцы, представители свободных профессий) и высшую (крупные банкиры, промышленники, коммерсанты) группы.³⁹ В своих произведениях Э. Гаскелл в той или иной мере отражает повседневную жизнь самых разных сфер социума, неизменно уделяя внимание представлениям своих героев о комфорте и красоте их жилищ.

---

³⁷ Зиннатуллина, З.Р. Дом как сфера повседневности в романе Джона Фаулза «Дэниел Мартин» // Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы перспективы развития в XXI веке: материалы II Всероссийской научно-практической интернет-конференции.– Воронеж: Воронеж. ГПУ, 2011. – С. 106 - 111.

³⁸ Черемисина, А.И. Концепт «дом» (“home / house”) в романах Дж. Макдональда // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2015. №2(2). – С. 285 - 289.

³⁹ Крючкова, Н. Женщина из среднего класса в викторианскую эпоху // Знание - сила. - 2013. №8. - С. 54.

Первым жилищем, описанным Э. Гаскелл в ее дебютном романе «Мэри Бартон», стал дом рабочего, живущего в одном из крупнейших индустриальных центров страны. В своих произведениях Гаскелл одной из первых обратилась к теме тяжелой жизни бедняков. Она затронула не только политические противоречия между рабочими и их хозяевами, но и описала повседневную рутину. Живя в промышленном центре Англии, Манчестере, Элизабет Гаскелл активно занималась филантропией. Пытаясь улучшить условия жизни трудящихся, она часто посещала их дома. В книгах писательница отразила накопленный опыт и полученные знания о быте рабочих, в том числе изобразила их жилища. Там обычно была одна комната на первом этаже и одна на втором. В доходных домах целые семьи ютились в одной комнате. Из мебели – самое необходимое: стол с деревянными стульями, несколько крючков на стене и маленький жестяной или деревянный сундук для одежды, одна кровать для родителей и одна для всех детей. Из кухонной утвари – чайник и две – три кастрюли плюс несколько ножей, вилок, ложек и тарелок, хранящихся на полке над камином.¹

Само по себе введение этого мало знакомого английскому читателю жизненного пространства бедняков в художественный мир романа было, бесспорно, художественным открытием. Но заслуживает внимания и скрупулезность в подборе деталей, делающая этот мир достоверным. Уже в своем первом романе Э. Гаскелл создает особую поэтику вещного мира. Можно согласиться с утверждением А.П. Чудакова: «Список предметов уже может служить первоначальным индикатором при анализе <...>. Каждый вещный прототип <...> определённым образом изображается – в него вкладывается авторское мироощущение, рождаемое ситуацией, фабулой, личностью героя, и, главное, авторское видение предмета»². В данном случае

---

¹ Mitchell, S. Daily Life in Victorian England. - Westport, Connecticut: Greenwood press, 2009. – P. 115.

² Чудаков, А.П. Слово — вещь — мир. От Пушкина до Толстого. - М.: Современный писатель, 1992. – С. 27.

случае это мироощущение социального реалиста. Детали не только создают «эффект реальности», но в совокупности отражают представления Гаскелл о современном ей устройстве общества. Предметный мир характеризует систему ценностей писательницы, ее мировидение. В начале романа подробнейшим образом описан сначала дом рабочего Джона Бартона и его семьи: «Напротив входной двери и окна была лестница и две двери; одна из них (та, что ближе к очагу) вела в чуланчик, предназначенный для мытья посуды и всякой грязной работы и увешанный полками, а потому служивший одновременно кладовой и буфетной. Другая дверь, более низенькая, открывалась прямо в угольную яму, помещавшуюся под лестницей; от этой двери к очагу тянулась дорожка из яркой клеенки. Комната была положительно забита мебелью (верный признак того, что фабрики работают на полный ход). Под окном стоял комод с тремя вместительными ящиками. Перед очагом – стол, который я могла бы принять за пемброкский, не будь он еловым, – я не знаю, делаются ли такие столы из столь скромного материала... В углу напротив буфета стоял круглый столик на одной ножке, служивший обеденным. Теперь добавьте к этому стены, оклеенные бледными, но с четким рисунком обоями, и вы получите представление о жилище Джона Бартона»¹.

Техника детализации включает в себя в данном случае и сочетание красок, создающих определенный колорит представленной картины. На столе перед очагом «красовался прислоненный к стенке ярко-зеленый лаковый поднос, посредине которого обнимались двое влюбленных в алых костюмах. Отсветы пламени весело плясали по лаковой поверхности, и поднос (если отбросить все возражения по части вкуса, с которыми мог бы не согласиться разве ребенок), право же, оживлял яркостью красок эту часть

---

¹ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 19.

комнаты. Под парю ему была еще малиновая чайница, тоже лакированная».¹ Описание дома старой Элис, которая жила в коморке в подвальном помещении, следует вслед за домом Бартона и является существенно необходимым дополнением для создания полного впечатления об образе жизни этой социальной группы: «Жилище ее отличалось образцовой чистотой; в углу стояла скромная постель с клетчатой занавеской в головах, упирившаяся противоположным концом в выбеленную известкой стену. Кирпичный пол был тщательно выскоблен, хоть и блестел от сырости, так что казалось, будто его совсем недавно мыли и он еще не высох. Поскольку окошко подвала выходило на улицу и мальчишки могли случайно попасть камнем в стекло, его защищали ставни; оно было увешано гирляндами растений, которые произрастают в полях, вдоль изгородей и канав, – мы привыкли считать их сорняками, а на самом деле они могут принести как большой вред, так и большую пользу, и бедняки поэтому часто прибегают к их помощи. Комната была завалена, завешана и затемнена пучками сушившихся трав, издававших не слишком приятный аромат. В одном углу примостился небольшой висячий шкаф, сбитый из старых досок, где Элис держала остальное свое имущество ...вся имевшаяся в ее хозяйстве глиняная посуда умещалась на каминной полке, где стоял, кроме того, подсвечник, а также лежали спички. В нижнем отделении маленького кухонного столика хранились... сковородка, чайник и жестяная кастрюлька».²

Несмотря на откровенную бедность этих домов, сочетание их элементов, их вещный мир создает ощущение душевного покоя. Пожалуй, впервые в английской литературе гармония национального бытия ассоциируется с домом пролетария, с бытом тех, кто находится на самой низшей ступени социальной иерархии. Разрушение этого дома вследствие нужды, отсутствия заработка у главы семьи, болезней, иных бедствий,

---

¹ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 20-21.

² Там же. - С. 22-23.

обрушившихся на членов семьи, так же тщательно фиксируется по мере развития действия романа.

Приведем лишь один пример, где заслуживает внимания сама тщательность в проработке деталей: «Двери, мимо которых проходили Бартон и Уилсон, то и дело открывались, и хозяйки выливали в канаву всевозможные помои, которые стекали в ближайшую выбоину и гнили там, наполняя воздух зловонием... у ступенек, ведущих к небольшой площадке, расположенной на такой глубине, что голова человека, стоящего на ней, находилась на фут ниже уровня улицы, и такой узкой, что он мог, не делая ни одного шага, дотронуться до окошка подвала и до его грязной сырой стены. Но из этого колодца надо было спуститься еще на ступеньку, чтобы попасть в подвал, где жила целая семья. Внутри царил мрак. Большинство стекол в оконных переплетах было разбито, и дыры заткнуты тряпьем, так что свет даже днем не проникал сюда. Познакомившись с описанием улицы, читатель не удивится, что воздух в подвале, где жили Дейвенпорты, отличался крайним зловонием, и наши приятели едва не задохнулись, переступив порог. Однако это было им не внове, а потому они быстро оправились и, привыкнув к темноте, разглядели трех или четырех детишек, возившихся на сыром – нет, просто на мокром – кирпичном полу, мокром от проникавшей с улицы вонючей жижи; пустой очаг был черен и холоден; жена хозяина сидела на постели мужа и тоскливо всхлипывала¹.

Подобное разрушение дома оказывается значимым, с точки зрения автора, именно для всей национальной гармонии.

Во втором романе Э. Гаскелл – «Крэнфорде» – автор создает по-своему уникальный образ маленького города как единого дома для его обитателей. Прелесть Крэнфорда в изображении Гаскелл состоит именно в том, что этот маленький старозаветный городок кажется выключенным из орбиты индустриального капиталистического развития Англии. Крэнфорд –

---

¹ Там же. - С. 80 – 82.

воплощение тишины и покоя, с зелеными садами, травой, гусями, неспешной жизнью обитателей: старых дев, мелких чиновников, отставных капитанов, вдов: «За время моего отсутствия там никто не родился, никто не умер и никто не сочетался браком. Все жили в прежних своих жилищах, и почти все носили те же отлично сохраненные старомодные платья».¹ Казалось бы, Крэнфорд ничем не примечателен, но в сравнении с Манчестером, «грязным и вонючим», или похожим на него Драмблом, стоящим неподалеку, он – патриархальный оазис, некий райский уголок «доброй Англии» былых времен.² Все в нем – и старые дома, и дедовская мебель, и фамильные сувениры, и пожелтевшие семейные письма дышит XVIII веком. При этом есть точные отсылки к современности, например, чтение последнего номера «Записок Пиквикского клуба» Диккенса.

Писательница стремилась воспроизвести на книжных страницах обстановку и атмосферу далекую от социальных потрясений, спокойную и размеренную жизнь провинциального Натсфорда, в котором прошло ее детство. Ее рисунок поразительно точен (современники узнавали в каждом из персонажей знакомых им по Натсфорду людей). К своим персонажам автор относится с глубокой симпатией и теплым юмором. Леди Крэнфорда «знают все обо всех», но при этом безразличны к мнению «всех и вся»: «Хотя каждая крэнфордская дама знает о делах своих приятельниц все, мнение этих приятельниц ее совершенно не трогает ... Платья их ничуть не зависят от моды. «Что за важность, – говорят они, - как мы одеты в Крэнфорде, где нас все знают?» А если они уезжают куда-нибудь еще, этот довод остается столь же веским: «Что за важность, как мы одеты здесь, где нас никто не знает?»³. Рисуя вдов и старых дев, вынужденных считать гроши и поддерживать

---

¹ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. - С.42.

² Соловьева, Н.А. Элизабет Гаскелл // История зарубежной литературы XIX века. Учеб. пособие / Под ред. Н.А. Соловьевой. - М.: Высшая школа, 2007. – С. 274.

³ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. - С.22.

респектабельность ценой отказа себе в самом необходимом, Теккерей безжалостно подчеркнул бы их нелепый снобизм, их воспринятые от отцов и матерей кастовые предрассудки и представления.¹ Гаскелл видит и даже показывает эти недостатки, но ее рисунок мягок и полон доброты: «Визиты наносились и отдавались согласно со строгими правилами и установлениями, и молодым девицам, гостившим в городке, эти правила возвещались с той же торжественностью, с какой древние законы острова Мэн раз в год читались вслух на горе Тинуолд... визиты полагается отдавать не позже, чем через три дня, оставаться дольше пятнадцати минут не следует... т. к. все твердо помнили это правило, то ни о чем интересном, разумеется, никто никогда не разговаривал. Мы обменивались короткими фразами на общепринятые темы и вставали, чтобы проститься, ровно через пятнадцать минут».² Мисс Дженкинс и ее сестра Матильда, капитан Браун и его две дочери, мисс Пул и миссис Форестер – все живут в Крэнфорде по необходимости очень скромной, но в целом привычной и вполне счастливой жизнью со своими маленькими радостями и невзгодами: «Званные вечера в Крэнфорде всегда были весьма торжественными, и дамы, сидя друг возле друга в парадных туалетах, испытывали умиротворенную радость».³ Леди Гленмайр в их глазах непревзойденное божество, а доктор Хоггинс – предмет всеобщего неодобрения, ибо одна – титулованная особа, а другой – коммонер («разночинец»), слишком демократичный в обращении...⁴

Обитатели Крэнфорда со своими старомодными привычками и причудами, оставшиеся в стороне от современной жизни, напоминают чудаков Диккенса, и Гаскелл явственно сознавала это сходство, ведя повествование в ключе тонкой, едва заметной иронии, придающей

---

¹ Ивашева, В.В. «Век нынешний и век минувший...»: Английский роман XIX века в его современном звучании. - М.: Художественная литература, 1990. - С. 327.

² Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. - С. 23.

³ Там же. - С. 31.

⁴ Ивашева, В.В. «Век нынешний и век минувший...»: Английский роман XIX века в его современном звучании. - М.: Художественная литература, 1990. - С. 327.

нарисованным ею картинам ощущение нереальности, своего рода сна наяву.¹ В книге множество таких описаний. Например, эпизод с детским мячом, показывающий нелепые страхи мисс Мэтти: «С самого детства, ложась спать, она боялась, что кто-то, спрятавшись под кроватью, схватит ее за ту ногу, которая еще стоит на полу... Теперь она каждый вечер бросает мячик под кровать: если он свободно выкатывается с другой стороны, то можно ни о чем не думать, если же нет... она не забывает при этом держаться за сонетку, словно ожидая, что на ее звонок явятся дюжие лакеи»². Или церемония, сопровождаемая появлением на столе апельсинов³, привычка беречь свечи и «сумерничать»⁴, делая все при свете камина.

Два принципа, на основе которых строится поведение в Крэнфорде – приличия и человечность. Именно эти патриархальные устои в корне отличают Крэнфорд от Манчестера и подобного ему Драмбла, который упоминается лишь для того, чтобы показать существование другой действительности, противоположной нравам этого идеализированного общества.

В художественном пространстве последующих романов Э. Гаскелл пространства домов ее героев будут занимать все более значительное место. Эстетизация этих пространств будет становиться все более очевидной, все более изощренной в плане используемых изобразительных средств, все более значимой в выполнении авторского замысла.

В этой связи начнем с организации рабочего места главной героини одноименного романа швеи Руфи: «Место Руфи было самое холодное и темное в мастерской, но оно ей нравилось. Она инстинктивно выбрала его, чтобы сидеть напротив стены, на которой еще виднелись следы прежних

---

¹ Сидорченко, Л.В. Элизабет Гаскелл // История западноевропейской литературы XIX века: Англия. Учеб. пособие / Л.В. Сидорченко, И.И. Бурова, А.А. Аствацатуров и др. – СПб.: СПбГУ, 2004. - С. 267.

² Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 178.

³ Там же. – С. 61.

⁴ Там же. – С. 86.

украшений старинной гостиной, некогда великолепной, судя по уцелевшим полинялым остаткам. Стена была поделена на четырехугольники, выкрашенные в светло-зеленый, белый и золотой цвета. Художник украсил эти панели прелестными гирляндами цветов, необыкновенно ярких и роскошных. Он нарисовал их так мастерски, что казалось, можно было почувствовать и их запах, и легкий южный ветерок, нежно пробегающий по пунцовым розам, по веткам лиловой и белой сирени, по раскидистым золотистым ветвям раkitника. Тут была и стройная белая лилия — символ Богоматери, и розовый алтей, и ясенец, и акониты, и незабудки, и примулы. Одним словом, вся роскошная флора старинных деревенских садов, но не в том беспорядке, в каком я все это перечислила. Снизу тянулась гирлянда остролистника, украшенная английским плющом, омелой и зимним аконитом. С обеих сторон симметрично смешивались гирлянды осенних и весенних цветов, а над ними возвышались великолепные мускусные розы и яркие июньские и июльские цветы. Художник — вероятно, Моннойе или какой-нибудь другой давно умерший творец этих украшений, — скорее всего, порадовался бы, узнав, что его уже полустертая картина доставляет такое облегчение сердцу бедной девушки. Она напоминала ей другие цветы, которые росли, цвели и увядали в прежнем ее доме».¹ Обращаем внимание на способы эстетизации рабочего места простой швеи, достойные пера и кисти прерафаэлитов, но созданные задолго до них.

Несмотря на то, что средний класс стал ведущей социальной группой, образ жизни старой земельной аристократии остался идеалом, к которому стремился каждый викторианец. Особое значение в представлениях современников о «достойном» образе жизни начинают играть загородный дом и присущий ему культурный бытовой уклад². Исследователь

---

¹ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 12 – 13.

² Якубовская, И.В. Историко-культурный текст викторианской эпохи: коттедж в образе жизни англичан XIX в. // Фигуры истории, или "общие места" историографии. Вторые

культурного текста викторианства И.В. Якубовская подчеркивает, что собственный замок, особняк или коттедж были символом приверженности определенному «образу жизни», который можно назвать «типично викторианским». Загородный дом обрел статус не только материальной, но и жизненной ценности в образе жизни самых различных социальных групп индустриализированного британского общества. Коттедж играл важную роль в трансляции кода культурного текста Британии второй половины XIX в.. В символическом воображении людей викторианской эпохи сельский дом стал эталоном желаемого образа жизни, выступая, тем самым и источником ценностной предметности, и одной из основных детерминант поведения британцев в течение всего историко-культурного периода¹.

В этом контексте становится понятным изумление главной героини романа Элизабет Гаскелл «Север и Юг» при виде дома богатого промышленника Торнтона: «Дверь сторожки напоминала обычную садовую калитку. Рядом находились огромные закрытые ворота для телег и фургонов. Сторож впустил их в большой продолговатый двор, с одной стороны которого были конторы, а с другой – огромное фабричное здание с множеством окон, откуда доносился монотонный лязг машин и долгий протяжный рев парового двигателя, такой громкий, что оглушал живущих по соседству. В глубине двора стоял прекрасный каменный дом, местами кладка почернела от дыма, но окна и ступени были тщательно вычищены. Вероятно, этот дом был построен пятьдесят или шестьдесят лет назад. Множество длинных, узких окон, пролеты лестницы с обеих сторон от входной двери, огражденные перилами, – все свидетельствовало об этой дате постройки. Маргарет только удивлялась, почему люди, которые могли позволить себе жить в таком хорошем доме и содержать его в таком порядке, не предпочли поселиться в коттедже в деревне, или даже в пригороде, где не было слышно

санкт-петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. - СПб.: Северная звезда, 2005. – С. 452.

¹ Там же. – С. 454.

шума фабрики. Непривычная к такому шуму, Маргарет едва различала голос отца, стоя на ступеньках у входа и ожидая, когда откроют дверь. Двор, огороженный глухой стеной с огромными воротами – такой мрачный пейзаж открывался из окон гостиной»¹.

Даниэл Пул в своей книге о викторианской повседневности «Что ела Джейн Остен, и знал Чарльз Диккенс» (“What Jane Austen ate and Charles Dickens knew: from fox hunting to whist – the facts of daily life in 19th-century England”, 1994)² обращается к типовым названиям, таким как парк, холл, двор, грэндж в аспекте отображения в них характера постройки, привычек хозяев и их положения в обществе. Например, «грэндж» означало зернохранилище, иногда присоединенное к большому монастырю. Также это слово использовалось для описания обособленного фермерского подворья.³ Данная интерпретация соотносится с изображением Милхэм-Грэндж – родительского дома Руфи в одноименном романе Гаскелл. Родители героини были фермерами, бравшими дом в наем. «Дом весь состоял из пристроек: каждый из сменявшихся владельцев считал своим долгом прибавить к дому какое-нибудь помещение, так что он превратился, наконец, в неправильное живописное нагромождение светлых и темных пятен. Все вместе эти пятна вполне олицетворяли собой идею «дома»⁴.

Слово «холл» в названии строения означало строение, в центре которого располагалась огромная зала, использовавшаяся для развлечений, обедов и церемоний, как в феодальные времена⁵. Подобный дом мы встречаем в романе «Жены и дочери»: «Они обедали за маленьким столиком в огромной столовой. Мебели было так мало, а сама комната была так

---

¹ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С.138.

² Pool, D. What Jane Austen ate and Charles Dickens knew: from fox hunting to whist – the facts of daily life in 19th-century England. - NY: Touchstone, 1994. – 416 p.

³ Ibid. – P. 194.

⁴ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С.51.

⁵ Pool, D. What Jane Austen ate and Charles Dickens knew: from fox hunting to whist – the facts of daily life in 19th-century England. - NY: Touchstone, 1994. – P. 195.

велика, что Молли затосковала по уюту домашней столовой и даже, надо признаться, еще до того, как завершился церемонный обед в Хэмли-холле, ей взгрустнулось ...о непринужденности манер родного дома»¹. «Холл» объединяет в себе величие и старинную архитектуру, ассоциирующуюся с древнейшими фамилиями. «Так, сколько Холлингфорд себя помнил, Хэмли всегда жили в Хэмли. «Еще со времен Гептархии», – говорил викарий. «Нет, отвечала мисс Браунинг. – Я слышала, что Хэмли из Хэмли были здесь еще до римлян»... «Я с малолетства слышала, – заявила миссис Гудинаф с неспешной авторитетностью старейшей жительницы города, – что Хэмли из Хэмли были здесь еще до язычников»².

Дома аристократов и джентри передавались по наследству. Большинство же домов в викторианский период снимались в наем на три, пять или семь лет. Арендатор сам занимался отделкой и меблировкой. (Об этом см. подробно в исследовании Салли Митчелл).³ В романе «Север и Юг» Хейлы, переезжая из сельского Хелстона в промышленный Милтон, ищут дом для съема. Интерьер нового жилища шокирует утонченную дочь священника, что еще раз подчеркивает различие между жителями юга и севера: «мама, к слову о грубости и пошлости: ты должна подготовиться, чтобы увидеть наши обои в гостиной. Розовые и голубые розы с желтыми листьями! И очень тяжелый карниз по всей комнате!»⁴ Первое, что делают Хейлы в доме – это меняют «ужасные» обои, что «немного примиряет их с Милтоном»⁵.

Еще одним доказательством любви и преданности англичан их домам – название их звучными именами вместо сухих цифр. Персонажи книг

---

¹ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 81.

² Там же. – С. 49.

³ Mitchell, S. Daily Life in Victorian England. - Westport, Connecticut: Greenwood press, 2009. – P. 111.

⁴ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 80.

⁵ Там же. – С. 81.

викторианских писателей владеют такими домами. Граф и графиня Камнор из романа «Жены и дочери» живут «в огромном фамильном доме, стоявшем в аристократическом уединении посреди обширного парка, одна из сторожек которого была обращена в сторону городка»¹. По мнению главной героини, дочери врача, Молли, «нигде, кроме как в доме у короля, не могло быть ничего роскошнее и великолепнее». У этого здания было два названия: со стороны задней двери он назывался «Домом», а с парадного фасада – «Тауэрс»². Это величественное название вызывало трепет и уважение у жителей провинциального городка.

С точки зрения теории повседневности важны детали организации пространства дома. Наряду с одеждой, едой, образованием интерьер домов и мебель в викторианскую эпоху отличались в зависимости от класса и дохода человека. Количество комнат и их использование соответствовало достатку хозяев и по мере возможности отвечало их потребностям. В.Д. Лелеко считает, что основное функциональное предназначение внутреннего пространства жилища – это создание, обеспечение условий повседневной жизни человека, ежедневного удовлетворения его основных потребностей, существенную часть которых составляют первичные, витальные потребности в пище, питье, сне, отправлении естественных надобностей, продолжении рода (сексуальные потребности). Удовлетворение перечисленных потребностей осуществляется, как правило, в определенном месте жилища, приобретающем значение функциональной зоны его внутреннего пространства. Такие зоны обычно определенным образом маркируются, отделяются друг от друга перегородками или стенами, обозначаются каким-то предметом, вещью или комплексами вещей, а также словом: именуются, номинируются (кухня, столовая, туалет, спальня и т.п.). Для удовлетворения

---

¹ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 9.

² Там же. – С. 12.

духовных потребностей могут существовать специально выделенные для этого зоны: гостиная, библиотека, бильярдная и т. п.¹

В доме зажиточной семьи среднего класса с детьми должно было быть как минимум десять комнат: кухня, столовая, гостиная, библиотека, три спальни, детская (которая становилась классной комнатой, когда дети подрастали) и две комнаты для слуг. Книга по домоводству, опубликованная в 1881 году, изобиловала советами по подбору мебели и украшений. В прихожей должен был быть каменный пол, покрытый восточными половиками, подставка для зонтов и один или два простых стула со спинками. В столовой – круглый или овальный стол с ножкой в центре, чтобы каждому было удобно за ним сидеть. Предпочтение отдавалось кожаной обивке стульев, т. к. бархат скапливает пыль и липнет к изысканным обеденным платьям. В буфете должны красоваться серебро и фарфор и иметься закрытая полка для ликера.²

Как и жизнь в целом, свое жилище викторианец делил на две части: для приема посетителей и для личного пользования семьи. В повести «Кузина Филлис» в доме преподобного Холмана два входа: «передняя дверь» – как описывает ее хозяин, «красивая, парадная, на показ», называется «пастор» (rector), ей практически не пользуются. Вторая задняя дверь – «викарий» (curate) – всегда открыта³.

Пространство дома строго подразделялось на комнаты для детей, их родителей и слуг. У каждой комнаты было свое предназначение, что отражалось на выборе и расстановке мебели. В романе «Жены и дочери» мы встречаем уверенное заявление мисс Браунинг: «спальни – для того, чтобы в них спать, гостиные – для того, чтобы в них сидеть. У всего свое

---

¹ Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре/ В.Д. Лелеко; С.-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. – СПб.: СПбГУКИ, 2002. – С. 167 - 168.

² Mitchell, S. Daily Life in Victorian England. - Westport, Connecticut: Greenwood press, 2009. – P. 113.

³ Gaskell, E. Cousin Phillis. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/4268/4268-h/4268-h.htm> (дата обращения 15.09.2015)
Здесь и далее, где имя переводчика не указано, перевод наш – О.Т.

назначение... Да наша мать задала бы нам хорошую взбучку, если бы застала нас днем в спальне. Мы хранили свою одежду в чулане внизу, и там было опрятное место, где можно вымыть руки, – а что еще нужно в дневное время?»¹ Основными комнатами частного пространства дома были спальни с гардеробными, рабочие кабинеты и гостиные. Дети спали в детской до тех пор, пока они не становились достаточно взрослыми, чтобы иметь свои спальни, которые обычно располагались над спальнями их родителей. В верхней части дома выделялась классная комната, где старших детей обучала гувернантка или учителя. Кроме обязательной столовой у обеспеченной семьи могла быть отдельная комната для завтрака, а также утренняя комната, напоминающая современный зал. В них семья собиралась для непринужденной беседы или чтения. У хозяйки мог быть свой будуар, где она разбирала корреспонденцию и решала вопросы, связанные с ведением домашнего хозяйства. Для подобных целей у мужчины был кабинет, офис или библиотека². Эта комната была личным пространством мужчины. Там он занимался делами и мог отвлечься от домашней суеты. Так, викарий мистер Хейл, не найдя поддержки жены в заботах, связанных со школой и приходом, «обрел утешение в философских и богословских трактатах, читая их в своем крохотном кабинете в те вечера, которые проводил дома»³. Кабинет мистера Бенсона, диссентерского пастора в романе «Руфь», «был расположен на первом этаже и выходил на улицу. Сюда многие приходили за помощью... К тому же мистер Бенсон мог впускать сюда своих посетителей без ведома домашних»⁴. Часто сельский джентльмен принимал здесь арендаторов, встречался с работниками. Крэнфордский фермер, мистер

---

¹ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 182.

² Pool, D. What Jane Austen ate and Charles Dickens knew: from fox hunting to whist – the facts of daily life in 19th-century England. - NY: Touchstone, 1994. – P. 191 – 192.

³ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 25.

⁴ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 143.

Холбрук, называл кабинет «конторой, тут он еженедельно выдавал жалованье своим батракам, сидя за большим письменным столом»¹. Каждый уважающий себя джентльмен имел личный кабинет, если даже он не использовался по назначению. Как, например, в Хэмли-Холле «было принято называть комнату, где сквайр хранил свои сюртуки, а также ружье и удочки, «кабинетом». Там стояло бюро и глубокое кресло, но не видно было никаких книг»².

Самая эффектная комната в доме – гостиная. Там хозяйка принимала визитеров, там же гости собирались перед обедом и туда удалялись после, чтобы дать джентльменам выпить по рюмочке портвейна в столовой. Если позволяло пространство и доход, то кроме гостиной на втором этаже могли находиться музыкальная комната, галерея или оранжерея³. В более бедных домах самая большая комната называлась салоном (по определению Даниэла Пула, салон (parlour)– это парадная комната в доме бедняка, альтернатива гостиной).⁴ В романе «Руфь» есть своего рода иллюстрация к этому: «Общую комнату называли по старинке салоном. Шторы в салоне были опущены, здесь пылал в очаге яркий огонь. Повсюду в хозяйстве царила удивительная чистота: сквозь отворенную дверь, ведущую в кухню, видно было, что пол чисто вымыт, а кастрюли блестят на полках, отражая красные всполохи огня. Руфь сидела так, что могла наблюдать всякое движение Салли. И хотя она специально ни за чем не следила, поскольку тело ее было утомлено, а мысли заняты совсем другим, но эта сцена отпечатавалась у нее в памяти так прочно, что вспоминалась в точности спустя многие годы. Теплый свет наполнял все уголки кухни, контрастируя с полутьмой салона, освещенного единственной

---

¹ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 71.

² Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 85.

³ Mitchell, S. Daily Life in Victorian England. - Westport, Connecticut: Greenwood press, 2009. – P. 112.

⁴ Pool, D. What Jane Austen ate and Charles Dickens knew: from fox hunting to whist – the facts of daily life in 19th-century England. - NY: Touchstone, 1994. – P. 191.

свечой, свет от которой пропадал в тяжелых складках штор, в темных пятнах ковра и мебели».¹

Т. к. гостиная была первой комнатой, которую видел посетитель, ее описание встречается практически в каждом романе того времени. Она была призвана поразить пришедших и никогда не использовалась для семейных нужд, поэтому гостиную наполняли красивые безделушки, расположенные таким образом, чтобы гости могли ими любоваться. В гостиной фабриканта Торнтон «казалось, что каждый угол заполняли украшения, так что глаза уставали от этого многообразия».² В романе «Жены и дочери» мы застаем Молли в гостиной помещичьего дома, увлеченно рассматривающую «хранящиеся там редкости. Среди прочего там был шкафчик в стиле Людовика Четырнадцатого, с очаровательными эмалевыми миниатюрами, вставленными в изысканные резные рамки».³

В «Крэнфорде» «гостиная миссис Джеймисон выглядела очень уютно... Лакированный столик был посвящен литературе... Еще один, квадратный столик был отведен под изящные искусства, и на нем нашли приют калейдоскоп, карточки для игры в разговоры, карты-головоломки (нанизанные на выцветшую атласную ленту, которая в свое время была розовой) и шкатулка, старательно расписанная по образцу чайных ящичков». При этом рассказчица отмечает, «что красивые стулья не располагали сидящего к непринужденной позе»⁴. При описании гостиной Гаскелл часто иронизирует над чрезмерным стремлением хозяев вызвать восхищение пришедших.

---

¹ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 142 – 143.

² Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 198.

³ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 187.

⁴ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 141 - 142.

Гаскелл – типичная представительница среднего класса XIX века. Пространство дома в ее произведениях эстетизируется в соответствии с общими представлениями о красоте повседневности, свойственным викторианцам. Викторианцы любили украшать свои дома, но при этом всего должно было быть в меру. Они стремились быть высоконравственными, добродетельными. То, что нравственно, то и красиво. Поэтому при обстановке жилища необходимо было следовать нравственным принципам, присущим данному социальному классу: здравый смысл, экономность, хозяйственность и практичность. В произведениях Гаскелл чувствуется стремление к естественности, простоте, отсутствию формальности. По ее мнению, «все, что парадно, то не может быть ни приятным, ни удобным, ни уютным».¹ В «Кухне Филлис» Пол Мэнинг, от имени которого ведется повествование, был приглашен на чаепитие в дом дальних родственников Холманов. Принимали его в салоне, «выражая, таким образом, уважение, за что Мэнинг пытался быть благодарным. При этом он был рад, что все последующие встречи проходили в столовой, которая была гораздо более удобная и приветливая».²

Благодаря детальному изображению гостиной Торнтонов и впечатлению, вызванному ей у Маргарет, чувствуется негативное отношение Гаскелл к ненужному расточительству, кричащей роскоши, отсутствию собственного вкуса и следованию моде в ущерб удобству. Дом должен быть местом семейного уюта, отражать интересы хозяев, а не быть музейной реликвией, к которой страшно прикоснуться. «Сверкающая, блестящая, очень пестрая комната неприятно поразила Маргарет... все свидетельствовало о заботе и труде, но не для удобства, не ради мирных домашних занятий, а исключительно для того, чтобы оберегать дорогие

---

¹ Там же. – С. 72.

² Gaskell, E. Cousin Phillis. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/4268/4268-h/4268-h.htm> (дата обращения 15.09.2015)

украшения от пыли и копоти».¹ В итоге, как отмечает сам Торнтон, «маленькая гостиная (Хейлов), обставленная весьма скромно, ... в два ... нет, в двадцать раз прекрасней, чем любая комната в доме Торнтонов, и намного удобнее».² Комнату наполняли милые мелочи, а не бесполезные украшения. Таким образом, в представлении Гаскелл, гостиная промышленника проигрывает комнатам менее состоятельных англичан. Даже картина салона в доме мистера Бенсона выглядит гораздо более привлекательно – «это уютная, хорошенькая, старомодная комнатка. Как в ней светло, спокойно и чисто!»³

В своих произведениях Гаскелл подчеркивает, что при выборе элементов декора нужны не столько деньги, сколько наличие вкуса и умеренность. Писательница выступает против нагромождения бессмысленных побрякушек, каждая вещь должна иметь определенное значение. Люди, обладающие чувством стиля, творческим видением, могут украсить свой дом так, чтобы вызвать эстетическое удовольствие у домочадцев и посетителей. Мистер Карсон в романе «Мэри Бартон» «жил в хорошем, богато обставленном доме. Впрочем, своим убранством дом был обязан не только деньгам, но и вкусу, и многие вещи отличались изяществом и красотой».⁴ Попав в гостиную сквайра Хэмли, Молли заметила, что ковер протерся, а обивка стен старая, но «подставки с растениями, огромные кувшины с цветами, старинный индийский фарфор и настенные шкафчики придавали комнате приятный вид. Тому же способствовали и пять высоких, удлиненных окон, выходящие на красивейший в имении цветник – по крайней мере, считавшийся таковым: яркие, геометрических форм клумбы,

---

¹ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 139.

² Там же. – С.98.

³ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 147.

⁴ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 91.

сходившиеся к солнечным часам в центре».¹ Таким образом, правильно расставленные акценты отвлекают внимание от недостатков интерьера, помогают комнате выглядеть гармонично. Примечательно то, как Гаскелл, описывая гостиную Хейлов в Милтоне, создала атмосферу покоя, комфорта, домашнего уюта, какие языковые средства использовала, чтобы подчеркнуть умение викторианцев эстетизировать повседневную рутину деталями: “**Pretty** baskets of work stood about in different places: and books, not cared for on account of their binding solely, lay on one table, as if recently put down. Behind the door was another table, decked out for tea, with a white tablecloth, on which **flourished** the cocoa-nut cakes, and a basket piled with oranges and **ruddy** American apples, heaped on leaves”² (выделено нами - Т.О.) («Прелестные корзинки для рукоделья стояли у кресел, на столе в совершенном беспорядке лежало несколько книг, как будто их только что сюда положили. За приоткрытой дверью можно было увидеть другой стол, накрытый к чаю белой скатертью, на ней красовались вазочка с кокосовыми пирожными и корзина, наполненная апельсинами и румяными американскими яблоками на подстилке из зеленых листьев»)³ Такая обстановка характеризует отношения в семье как близкие, дружеские. Кроме того, мистер Торнтон уверен, что к этим мелочам «приложила руку Маргарет».⁴ В этом эпизоде раскрывается одна из основных ролей женщины как хранительницы семейного очага, именно ей предназначено создавать уют в доме, в котором приятно находиться и куда хочется возвращаться. После смерти матери Осборн Хэмли остро чувствовал отсутствие женщины в доме. Сравнивая Хэмли-Холл с домом Гибсонов, он отмечал огромную разницу «между гостиной, полной цветов и знаков женского присутствия, где все стулья удобны, а на

---

¹ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 80.

² Gaskell, E. North and South. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.online-literature.com/elizabeth_gaskell/north-south/ (дата обращения 25.09.2015)

³ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 98.

⁴ Там же.

всех столах находилось место для разных очаровательных вещей, и парадной гостиной в доме, где все занавеси обветшали, все сиденья отличались неудобством и где дух женской заботы более не придавал изящества строгой расстановке мебели».¹

Предмет интерьера, к которому викторианцы питали нежные чувства, – камин. В первую очередь, это связано с отсутствием центрального отопления. Даже самые богатые дома того времени не были достаточно теплыми. Пул приводит статистику, из которой следует, что «в усадьбе с тридцатью спальнями на севере Англии тратили тонну угля за день».² Огонь в камине старательно поддерживался и вызывал гамму положительных эмоций. В произведениях XIX века очаг или камин занимает важное место, один его вид согревает и душу, и тело англичанина. Огонь в камине делает красивым и приветливым даже самое бедное жилище. Упоминания огонь, Гаскелл использовала украшающие выразительные эпитеты, чтобы подчеркнуть его благотворное влияние на настроение и самочувствие людей: “the effect (of fire) instantly produced was **warm and glowing light** in every corner of the room...the fire-light **danced merrily**”³ («тотчас запыхал огонь, залил теплым, ярким светом все уголки комнаты... Отсветы пламени весело плясали»)⁴ “Very little round table, put just before the fire, which by this time was **blazing merrily**”⁵ («Маленький, совсем крохотный круглый столик был придвинут к самому огню, который к этому времени уже весело пылал»)⁶ “А

---

¹ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 370.

² Pool, D. What Jane Austen ate and Charles Dickens knew: from fox hunting to whist – the facts of daily life in 19th-century England. - NY: Touchstone, 1994. – P. 193.

³ Gaskell, E. Mary Barton. – L.: Penguin Group, 1994. – P. 12- 13.

⁴ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 20, 21.

⁵ Gaskell, E. Mary Barton. – L.: Penguin Group, 1994. – P. 27.

⁶ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 41.

great merry wood-fire crackling and blazing away every evening”¹ («Каждый вечер здесь весело трещали дрова в камине, который топили даже летом»)²

Важной характерной чертой в описании домов в романах Гаскелл является их чистота, особенно у положительных героев. Обладая безгрешной благородной душой, стремясь быть добропорядочными, люди создавали вокруг себя безукоризненную чистоту. В романе «Руфь» Гаскелл изобразила дом брата и сестры Бенсонов: «повсюду в хозяйстве царила удивительная чистота: сквозь отворенную дверь, ведущую в кухню, видно было, что пол чисто вымыт, а кастрюли блестят на полках, отражая красные всполохи огня».³ Именно здесь произошло становление характера главной героини: в не богатом, но кристально чистом доме среди его добросердечных отзывчивых хозяев.

Несколько обветшалое жилище сквайра Хэмли так же сияло чистотой, характеризуя своих хозяев с положительной стороны: «все было старомодно, из хорошего материала и безупречно чисто».⁴ Возвышенная натура преподобного Холмана не могла не сказаться на его доме: «все, что должно было быть черным и отполированным в этой комнате, было черным и отполированным...то, что должно было быть белым и чистым, было просто безупречно чистым».⁵ Данная составляющая выступает элементом эстетизации повседневности.

Несмотря на лишения и нужду, бедняки, как и все викторианцы, старались приукрасить свое жилище, гордились им. В описании дома Джона Бартона в сравнительно благополучные времена, до начала голода и забастовок, мы встречаем «голубые в белую клеточку занавески, два пышных

---

¹ Gaskell, E. Ruth. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.online-literature.com/elizabeth_gaskell/ruth/4/ (дата обращения 1.10.2015)

² Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 53.

³ Там же. - С. 143.

⁴ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 77.

⁵ Gaskell, E. Cousin Phillis. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/4268/4268-h/4268-h.htm> (дата обращения 15.09.2015)

куста герани и мудреные предметы посуды, которые вряд ли могли пригодиться в этом доме, вроде, например, стеклянных подставок, служивших для того, чтобы ножи и вилки для разрезания жаркого не пачкали скатерть». При этом миссис Бартон явно гордилась своей глиняной и стеклянной посудой, ибо, «окинув присутствующих многозначительным взглядом, она распахнула настежь дверцы буфета и оставила их открытыми».¹

Дом для викторианцев - это не только стены и крыша, не богато обставленные комнаты, а место, где человек чувствует себя спокойно, где его ждут и любят, где у него есть занятия и куда он стремится попасть. В психологии англичанина дом – смысловой центр, часть бытия. Жизнь человека немислима без личного пространства. Придерживаясь этих взглядов, писательница выражает их через мысли главной героини «Севера и Юга», которая так и не привыкнув к великолепному дому своей тети, «чувствовала, что хелстонский домик, нет, даже бедный маленький дом в Милтоне, с беспокойным отцом и больной матерью, со всеми незначительными домашними заботами, более соответствует ее представлению о доме... В сердце и жизни Маргарет образовалась странная пустота...»² Будучи окруженной роскошью и достатком, Маргарет несчастна, т. к. потеряла свой дом, а для викторианца это настоящая трагедия. Именно поэтому при возникновении угрозы лишиться дома мисс Мэтти пришлось на помощь все крэнфордское общество, а сама дама снизошла «до столь плебейского занятия, как торговля».³

---

¹ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 20.

² Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 458 – 459.

³ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 234.

2.3 Эстетизация сада

Садовая культура на протяжении многих веков является неотъемлемой частью национальной культуры и общественного самосознания Англии. Особое отношение к природе, пейзажу, саду является важнейшей характеристикой «englishness» и влияет на ее формирование. Два основных вектора значения сада для души англичанина определяют мыслители прошлого. В XVII столетии английский философ сэр Фрэнсис Бэкон писал: «Господь всемогущий сначала посадил сад; и действительно, это самое высокое из всех человеческих наслаждений».¹ В XVIII веке А. Поуп сказал: «Душа – возделанный сад»².

Садоводство для англичан – это не только знания о растениях, но и – об образе жизни, деньгах, и классах. Чарльз Квест-Ритсон в книге «Английский сад: социальная история» (“The English Garden: A Social History”, 2001) пишет: «Среди богатых сады - символы социально-экономического успеха; среди бедных они - помощь выживанию. Большинство историков сконцентрировалось на развитии стилей сада и мод, но история сада не может быть рассказана независимо от социально-экономических условий»³. Квест-Ритсон показывает, как стили садов менялись от поколения к поколению, прямо отвечая на изменения в английском обществе. Викторианские романисты и садоводы совместно участвовали в сложной имперской культуре. Как отметила Р. Престон, «любовь к садоводству была отмечена как свидетельство очень цивилизованного и патриотического общества»⁴.

---

¹ Бэкон, Ф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aforizmov.net/search.html>. (дата обращения 20.11.2014).

² Поуп, А. Цитаты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/author/300670/quotes>

³ Quest-Ritson, C. The English Garden: A Social History. - Viking Press. 2001. – P. 2.

⁴ Ibid.

Лин Воскул в статье «Викторианский роман и садоводство» пишет: «Во многих викторианских романах есть сцены, связанные с садом. Но они являются не просто дополняющим элементом в произведении. Методы садоводов и романистов объединяет стремление к идеалу, усовершенствованию, к неким обязательствам авторов, которые связывают викторианское пристрастие к жанру романа воспитания и веру викторианцев в улучшающую мистику садов. И то, и другое – моральные действия с потенциалом улучшения перспектив души, точно такими же действиями полагались умение видеть красоту пейзажа или чтение романа»¹. Сады в романах позволяли показать не только "estate" (состояние), т. е. психологию героя и его стиль жизни, но и стремление к их "improvement" (усовершенствованию). Все это характерно не только для образцов высокой литературы, но и для огромного ряда произведений, написанных для самого широкого круга читателя.

Повседневная жизнь англичан была тесно связана с пространством сада. Англичане называют викторианский период кратко: "victorianism" и считают, что в эстетике он означал торжество прагматизма и материализма. Это возвращает нас к проблеме, которую исследователь взаимоотношений сада и литературы Англии в эпоху средневековья обозначил как дилемму: «Сад – средство кормления или эстетический объект»². Викторианский сад всегда практичен. Запах роз, смешивающийся с ароматом свинарника, это вполне естественное сочетание. Практикующий садовод и журналист Уильям Робинсон посвятил свою книгу «Дикий сад» ("The Wild Garden", 1870) натуралистическим взглядам на садоводство. Цветы и овощи бок о бок выращивались в английских садах со времен средневековья. Но только во второй половине XIX века сформировался стиль – «английский сельский сад» (cottage garden). Его особенность – гармоничное сочетание цветов и

---

¹ Voskuil, L. The Victorian Novel and Horticulture // The Oxford Handbook of the Victorian Novel – Oxford: Oxford UP, 2013. – P. 569.

² Цит. по: Waters, Michael, The Garden in Victorian Literature. Aldershot: Scolar, 1988

огородных культур. Такое описание мы встречаем в романе «Мэри Бартон»: «У крыльца разросся розовый куст, а в садике полно самых разных трав и цветов, посаженных здесь в незапамятные времена, когда садик этот был единственной аптекой на всю округу; с тех ничто не стесняло их буйного роста, и розы, лаванда, шалфей, бальзам (для заварки), розмарин, гвоздика, лук и жасмин привольно произрастают там в самом демократическом соседстве»¹.

Популяризаторы этого стиля черпали идеи и вдохновение из приусадебных участков в английских деревнях. Селяне традиционно вели небольшое подсобное хозяйство, в котором был не только огород, но и пасека, а часто и свинарник. А в оставшиеся свободными уголки сажали цветочные растения. Идеализированная версия этих садов и легла в основу концепции сельского сада. Только предназначался он уже не для селян, а для представителей английского среднего класса. В этой поэтизированной версии, естественно, не было места свинарнику, но главный принцип традиционного сельского сада – кажущиеся беспорядочными и произвольными совместные посадки цветочных и огородных культур – был сохранен. Правда, акцент все же сместился в пользу цветов. «Огород, заросший (захваченный) цветами» – так можно вкратце охарактеризовать этот принцип². Так описывает Гаскелл подобный сад Мистера Холбрука в «Крэнфорде»: «Дом стоял среди старомодного сада, где розы росли вперемежку со смородиной, а перистые листья спаржи служили прелестным фоном для гвоздик и левкоев»³. Такая картина помогает читателю представить образ хозяина, сумевшего сохранить эстетическое восприятие природы, романтическое видение мира, еще до встречи с ним.

---

¹ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 8.

²Городнянский, А. Английские сады [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.greeninfo.ru/landscape/garden_style.html/Article/_aID/3193 (дата обращения 20.11.2014).

³ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 70.

Характерно в плане смешения прагматичного и прекрасного описание пространства сада в «Кузине Филлис»: «Когда я пришел, «викарий» был открыт, впуская нежный сентябрьский воздух, настолько согретый солнцем, что снаружи дома было теплее, чем внутри, хотя в камине догорали дрова. Виноградные листья за окном имели ярко желтый оттенок с обгоревшими коричневыми краями... Куры гуляли по двору, молочные фляги ярко блестели на солнце. Двор был положительно заполнен цветами, они покрывали и стену, и лошадиную гору, можно было даже обнаружить цветы на газоне, который граничил с тропой, ведущей к задней части дома. Мне казалось, что даже несколько дней спустя моя воскресная одежда пахла кустами шиповника и ясенцом, которые наполняли воздух своим ароматом».¹

Специфика английского сада заключается в его естественности, что определяет слияние сада и пейзажа. В этом синтезе важной составляющей является живописность, означающая не столько некую естественную «красивость», сколько особый стиль жизни и, шире, особую философию слияния с миром. Вершины эта философия достигла в эпоху романтизма, поэтому основные символы живописности пейзажа, пейзажного парка – сада связаны в английском национальном сознании с литературой этой эпохи. Законы живописности в широком смысле слова закладывались одновременно в философии, живописи, литературе, ландшафтном дизайне, садоводстве в XVIII веке, делая все эти составляющие вполне равноценными явлениями культуры (некоторые аспекты этой проблемы освещены в статье Х. Мёлленброк «Английскость» английского пейзажного сада и генетическая роль литературы: переосмысление»²). К тому же факты истории свидетельствуют о том, что частью национального сознания сад стал еще раньше. Все это привело к тому, что садовая культура стала важнейшей

---

¹ Gaskell, E. Cousin Phillis. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/4268/4268-h/4268-h.htm> (дата обращения 1.11.2014)

² Müllenbrock, H.-J. The 'Englishness' of the English landscape garden and the genetic role of literature: a reassessment // The Journal of Garden History, 1988. – Vol. 8, Issue 4. - P. 97–103.

частью национального менталитета. Англия считается родиной европейского пейзажного стиля, подчеркивающего красоту естественной природы. В английских пейзажных садах деревья и кустарники располагаются свободными живописными группами, дорожки следуют очертаниям рельефа, а вода оживляет пейзаж плавным течением рек и водной гладью прудов.¹

Собственно викторианский сад как стиль в садовом искусстве появился в 1840-е годы. Специалисты много говорят о его эклектичности по сравнению с чистотой стиля предшествующих тюдоровского, стюартовского и особенного георгианского типов садов. Естественно, ведь викторианский сад пожинает плоды, объединяет уже созданное. Однако последствия синтеза множества культурных традиций, создавших викторианский сад, этим не ограничивается. Глубину этому понятию в широком культурном смысле придают и те интеллектуальные и эстетические поиски, которые непосредственно предшествовали названному периоду. Прежде всего, это касается представления о живописном. Влияние идей Гилпина, предложившего определение живописного как красоты, которая приятна на картине, приводит к теории соответствующей организации природного пространства. Оно должно предоставлять передний план, второй план и фон. В сельской местности это сочетание сельскохозяйственных угодий (второй план) и естественных парков (фон). Чтобы быть предметом для живописи, перспектива должна представить острые, поразительные точки зрения или исключительные формы. Нечто похожее должно быть и в прекрасном пейзаже в реальности. Идеи Гилпина, развитые в трактатах У. Найта «Пейзаж» и Ю. Прайса «Эссе о живописном» в те же 90-е годы XVIII века, было так велико, что к концу XIX века ландшафт Англии был искусственно обустроен именно таким способом и сегодня воспринимается как национальное достояние страны. Понятия живописного преобразили

---

¹ Городнянский, А. Английские сады [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.greeninfo.ru/landscape/garden_style.html/Article/_/aID/3193 (дата обращения 20.11.2014).

сельскую местность, поскольку английские аристократы, вкладывая немалые средства, перемещали деревни, создавали новые озера и рощи, дабы окружающий мир соответствовал живописному идеалу.¹

Парк в Камнор-Тауэрс в романе «Жены и дочери» служит примером живописного преобразования пейзажа: «все общество отправилось прогуляться по прекрасному поместью, подобного которому она и вообразить не могла. Лужайки зеленого бархата, купающиеся в солнечном свете, тянулись во все стороны, уходя к деревьям искусно разбитого парка; если и были изгороди и разделительные каналы между напоенными солнцем мягкими коврами зеленой травы и густым сумраком лесных деревьев за ними, Молли они были не видны, а незаметный переход тщательно возделанной красоты в лесное буйство имел для нее неизъяснимое очарование. Около дома были различные стены и изгороди, но их сплошь покрывали вьющиеся розы, жимолость и другие ползучие растения, как раз начинавшие буйно цвести. Были цветочные клумбы – алые, малиновые, голубые, оранжевые россыпи цветов на зелени газонов. ... Молли, как и подобало ее возрасту и положению, не говорила ни слова, но время от времени глубоко вздыхала от всего переполненного сердца. Они подошли к длинному, сверкающему стеклами ряду оранжерей и теплиц, где их ожидал помощник садовника»².

Сад для викторианцев не просто участок земли у дома, это место единения человека и природы. Культ природы в викторианской Англии вылился в стремлении окружить себя чем-то первозданным, нерукотворным. Природа воспринимается как естественная среда обитания человека, и любое препятствие на пути их общения считается губительным. Описывая жизнь бедной швеи Руфи, Гаскелл выступает против ежедневного труда без права

---

¹ Новикова, В.Г. Код «живописного» в современном английском романе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. №2 (3). – С. 114.

² Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 17.

выйти на улицу. Руфь льнет к окну, «как птичка прижимается к решеткам клетки».¹ Желание избавиться от этой западни становится одним из мотивов ее побега. Не зря, пусть и греховная, жизнь с мистером Беллингамом проходит на фоне живописных пейзажей, резко контрастирующих с ее прежним жилищем.

Хотя именно благодаря городам, их фабрикам и заводам Англия в викторианскую эпоху стала одним из ведущих государств на мировой арене того времени, ее жителей привлекала простая, не обремененная городской суматохой, сельская жизнь. Дом за городом остается пределом мечтаний англичан, а близость к природе, пусть и лишенной ярких красок, видится совершенной, наполненной неизменной радостью и покоем. «Несмотря на то что луга эти расположены в низине и что их не украшает ни одна роща, в них есть какое-то очарование, осязаемое даже для обитателя горных краев, который не может не увидеть и не почувствовать разницы между этими ничем непримечательными, но доподлинно сельскими местами и шумной суетой промышленного города».²

Сельская, или, точнее сказать, загородная, Англия помогает понять сущность национального характера, суть подхода к жизни, природе, соотношению естественного и искусственного. Англичанам не свойственно совершать излишнее насилие над природой, чрезмерно подчинять ее воле человека, навязывать ей геометрическую правильность форм.³ В романе «Руфь» Гаскелл высказывает сожаление по поводу нарушения естественного роста растений: «Бедная лиственница! Когда-то она стояла среди прекрасной лужайки и мягкая трава ласкала ее ствол. Теперь лужайку разделили на дворы и задворки, а лиственницу огородили со всех сторон каменными

---

¹ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 10.

² Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 7.

³ Овчинников, В. Корни дуба. М.: Мысль, 1980. – С. 67.

плитами...И над всем этим поруганным величием алело неизменно великолепное пурпурное небо!»¹

В своих очерках «Корни дуба» Всеволод Овчинников приводит очень тонкие наблюдения: «природа Англии помогает понять одну из ключевых черт английского характера: недосказанность. В ней нет ничего нарочито броского, грандиозного, захватывающего дух. Не патетическая страстность, а затаенный лиризм - вот тональность английского пейзажа, которая чем-то роднит его с природой средней полосы России. Природа Англии столь же не склонна к крайностям, как и ее продукт - англичанин. Отсутствие резких контрастов, т. е. опять-таки умеренность, - вот ключевая характеристика не только английского ландшафта, но и английского климата. Зрительный образ Англии - страны зеленых лугов - впечатляет прежде всего сочетанием ухоженности и безлюдья».²

Мы согласны с этим наблюдением отечественного публициста, сделанным в середине прошлого века, и приводим его, чтобы подчеркнуть еще один смысл пейзажных и садовых сцен в романах не только Э. Гаскелл, но и ее современников. Любой сад воспринимался как часть общего с естественной природой пространства. Именно этот аспект имеет особое влияние на литературу. Сама атмосфера природы, сада, парка, пейзажа, тесно связана в сознании и авторов, и их героев с чувством Возвышенного, культивирующегося именно в таком контексте английскими романтиками. Это позволяет нарушать привычку «недосказанного» и обнаружить и обозначить самые высокие чувства и выходящий за пределы сдержанности образ мысли:

“It was most true enjoyment to Ruth. It was opening a new sense; vast ideas of beauty and grandeur filled her mind at the sight of the mountains now first beheld in full majesty. She was almost overpowered by the vague and solemn

---

¹ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 11.

² Овчинников, В. Корни дуба. М.: Мысль, 1980. – С. 61.

delight; but by-and-by her love for them equalled her awe, and in the night-time she would softly rise, and steal to the window to see the white moonlight, which gave a new aspect to the everlasting hills that girdle the mountain village... for the grandeur of this beautiful earth absorbed all idea of separate and individual existence. Even rain was a pleasure to her”.¹ («Для Руфи это было истинное наслаждение. Ей открывался новый мир. При виде гор, которые впервые предстали перед ней во всей красоте, душа Руфи поражалась прекрасному и величественному. Ее поглощало чувство какого-то смутного благоговейного восторга, но мало-помалу она полюбила горы так же сильно, как прежде благоговела перед ними. И по ночам она потихоньку вставала и украдкой пробиралась к окну полюбоваться на бледный лунный свет, придававший новый вид вечным горам, окружавшим деревню... величие роскошной природы поглощало в ней всякую мысль об отдельном индивидуальном существовании. Даже дождь доставлял ей удовольствие»)².

Реалистический английский роман XIX столетия славится подробными описаниями природы, в них чувствуется неподдельное любовное и восхищенное отношение к пейзажам Англии. И даже вид из окна может предстать перед взором читателя картиной, вызывающей эстетическое благоговение. Характерным примером служит следующий отрывок из романа Элизабет Гаскелл «Жены и дочери»: «Внизу, прямо под окном, был цветник, за ним – луг с вызревшей травой, меняющий цвет длинными полосами под легким дуновением ветерка, немного в стороне – огромные старые деревья, а за ними, примерно в четверти мили, ...виднелось серебристое мерцание озера».³

---

¹ Gaskell, E. Ruth. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.online-literature.com/elizabeth_gaskell/ruth/4/ (дата обращения 1.10.2015)

² Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 70 – 71.

³ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 76.

Э. Гаскелл тонко чувствует возможности выразительности пейзажа, о чем свидетельствуют особые ракурсы его видения. Так, в романе «Руфь» последовательно представлены следующие сцены. «Руфь не удержалась от восклицания при виде чудной картины, представившейся ее глазам: заходящее солнце обливало всю окрестность нежным светом, а все еще темный ближний лес на фоне золотого тумана и дымки заката отливал почти металлическим блеском. Весь луг кругом простирался не более чем на три четверти мили, однако же, молодые люди ухитрились идти через него целый час»¹. В этом описании находит отражение лишь один из нюансов английского представления о «picturesque», так же как однозначный перевод этого слова как «живописность» не отражает всех оттенков смыслов. Само слово «picturesque» трактуется оксфордским словарем не только как *charming or quaint* (очаровательный или странный), но и *strikingly graphic or vivid* (поражающе наглядный), *having pleasing or interesting qualities* (имеющий доставляющие удовольствия или интересные качества)². Английскость живописности заложена в синтезе линии красоты, естественности и неожиданности поворота. О подобном представлении живописного свидетельствует следующий отрывок: «Взойдя на самый верх холма, Руфь замерла в безмолвном восторге, любуясь развернувшимся видом»³. Здесь важна позиция наблюдателя – вершина холма, т. к. именно при занятии этой позиции наблюдатель может «неожиданно увидеть» какой-то ландшафт. Этому и учил Гилпин – умению «увидеть красоту», найти точку, позволяющую «увидеть». Далее в тексте о том, что было увидено: «Дорога спускалась с холма на равнину, тянувшуюся не меньше чем на двенадцать миль. Вблизи группа темных сосен резко рисовалась на светлом

---

¹ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 45.

² Новикова, В.Г. Код «живописного» в современном английском романе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. №2 (3). – С. 116.

³ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 58.

фоне закатного неба. Нежная весенняя зелень придавала чудный колорит лесистой равнине, расстилавшейся внизу. Все деревья уже покрылись листвой, за исключением остролистого ясеня, который накладывал местами мягкий сероватый оттенок на всю картину. Вдали виднелись остроконечные крыши и пруды скрытых за деревьями ферм. Тонкие струйки голубоватого дыма тянулись по золотистому воздуху. На горизонте виднелись холмы, облитые пурпурным светом заходящего солнца».¹ В данном случае излюбленное англичанами сочетание элементов ландшафта «увидено» в особом колорите, где оттенки зеленого – от темного цвета сосен до нежного весенней зелени, оттененные сероватым оттенком ясеня – поданы на фоне закатного неба, золотистого воздуха и т.д.

В том же романе: «Они стояли на вершине крутого холма. Вершина эта тянулась гладкой, ровной лужайкой на расстоянии шестидесяти или семидесяти ярдов. Высокий колючий утесник покрывал ее роскошным золотистым цветом и наполнял воздух чудным благоуханием». Здесь новая вершина позволяет увидеть не только цвет, но и насыщенность живого мира: «Справа лужайка заканчивалась светлым прозрачным прудом, в котором отражались утесы песчаника на крутом противоположном берегу. Сотни птиц кружились над уединенным водоемом, трясогузки сидели по краям его, коноплянки разместились по самым высоким кустам. Эти и другие, незримые певцы оглашали просторы вечерними песнями».² Кроме того, в пейзаже появляется такое прозаическое место, как постоялый двор. Но подано это место в неповторимой атмосфере, синтезирующей одновременно искусство непритязательного сельского архитектора, историю и традицию, прелесть пейзажа и аромат самого воздуха: «На конце зеленой лужайки, у дороги, в очень выгодном месте для проезжающих и лошадей, уставших взбираться на горку, был выстроен постоялый двор, походивший больше на ферму, чем на трактир, — длинное низкое здание с большим количеством слуховых окон с

---

¹ Там же.

² Там же. – С. 57.

наветренной стороны, необходимых для открыто стоящего дома, и со множеством странных выступов и непривычно смотрящихся карнизов. На лицевую сторону его выходил навес с гостеприимными скамейками, на которых могли устроиться, наслаждаясь ароматным воздухом, до дюжины посетителей. Перед самым домом красовался стройный платан, тоже окруженный скамейками. Вывеска со стершимся изображением качалась на одной из его ветвей, тянущейся к дороге».¹ Сцена заканчивается словами, которые подчеркивает смысл использования автором этого пейзажа: «Руфь и мистер Беллингем стояли, глубоко вдыхая свежий воздух и наслаждаясь чудной картиной»². Эта чудная картина – символ самой страны, лучшего из миров, предназначенного для человека.

То же стремление «видеть» очевидно и в эпизоде из романа «Жены и дочери». Героиня направляется «к скамье, почти скрытой ниспадающими ветвями плакучего ясеня, скамье на длинной и широкой прогулочной террасе по другую сторону леса, откуда открывался прекрасный вид на луговой склон. Терраса, должно быть, для того и сооружалась, чтобы с нее наблюдать мирный, залитый солнцем пейзаж с деревьями и церковным шпилем, несколькими старыми домиками под красной черепицей и лиловой вершиной холма в отдалении».³

Таково же описание Абермаута в романе «Руфь»: «Это был большой дом на вершине, нависавшей над берегом скалы, называвшейся Орлиной. Извилистые тропинки вели с вершины к морю. Изнеженному или пожилому человеку дом показался бы открытым всем ветрам, и нынешний владелец хотел от него избавиться. Однако временные жильцы находили особую прелесть именно в этой открытости. Из любого окна был виден горизонт, где собирались и строились в боевые порядки грозные тучи. Затем они

---

¹ Там же. – С. 58.

² Там же. – С. 59.

³ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 136.

отправлялись в поход, и все бескрайнее небо затягивалось чернотой, так что воздух над зеленой землей отливал пурпуром, отчего и сама гроза казалась прекрасной. Постепенно полосы дождя окутывали дом на скале, и уже нельзя было различить ни неба, ни моря, ни земли. А затем буря внезапно прекращалась, и только тяжелые капли блестели под солнцем на листьях и траве, и «птички пели на рассвете, птички пели на закате», и слышался приятный звук стекающей в море воды».¹

Свои эстетические чувства, полученные от созерцания красот природы, викторианцы передавали через живопись. Рисование пейзажей – вид досуга, за которым молодые леди проводили дни напролет. В своем романе «Север и Юг» Гаскелл описывает, как Маргарет, дождавшись хорошей погоды, торопится изобразить красоту леса в эскизах²; как весело и беззаботно она проводит время за рисованием с мистером Ленноксом.³

В своей диссертации на тему «Концепт “пейзаж” в структуре англоязычного прозаического текста» Р.С. Луценко обращает наше внимание на то, что «использование пейзажа при описании чувств литературного героя, либо в гармонии, либо в контрасте с ними является аксиомой литературно-художественного текста».⁴ Это справедливо и для романов Э. Гаскелл. Образ жизни и характер хозяйки Хэмли-Холла становятся кристально ясными из одного абзаца, буквально «наполненного» цветами: «... четыре больших окна смотрели на лужайку с разбросанными по ней цветниками, переходящую в небольшой лесок, в центре которого находился пруд, покрытый водяными лилиями. Про этот спрятавшийся в тени пруд миссис Хэмли написала много прелестных четырехстрочных стихотворений с тех пор, как лежала на своем

---

¹ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 270 - 271.

² Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 27.

³ Там же. – С. 31.

⁴ Луценко, Р.С. Концепт «пейзаж» в структуре англоязычного прозаического текста: автореферат дис. ... канд. филол. наук. / Р.С. Луценко. - Иваново: Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева, 2007. - С. 3.

диване, попеременно читая и сочиняя стихи. Сбоку стоял столик, на котором лежали новейшие книги стихов и прозы, карандаш и книжка промокательной бумаги с вложенными в нее листами чистой бумаги, и стояла ваза с цветами, которые всегда, зимой и летом, собирал для нее муж, так что каждый день у нее появлялся свежий душистый букет».¹

Перемены в жизни Маргарет Хейл, связанные с переездом из сельского юга в город на севере, приносят ей страдания. Будучи гордой независимой личностью, Маргарет может позволить себе выплеснуть эмоции только в одиночестве. Она идет в свое любимое место – сад, который тоже изменился, став отражением обуревающих ее волнений: «она бродит в сумерках по сырому и унылому саду, где листья опадают, вянут и превращаются в прах».²

Переживания Молли писательница тоже изображает на лоне природы: «она бросилась на землю— этот природный трон для неистовой печали— и прижалась к старой, поросшей мхом скамье; она то закрывала лицо ладонями, то изо всех сил стискивала руки, пытаясь болью тесно переплетенных пальцев заглушить душевное страдание»³.

Гаскелл умело сочетает описание природы с общим ходом событий, пейзажные зарисовки делают произведения более живыми и красочными, помогают передать настроение героев. В романе «Руфь» Гаскелл изображает прогулку влюбленных, вплетая в повествование окружающий их пейзаж. «Они шли, взявшись за руки, то стараясь избежать уколов разросшегося терна, то увязая в песке, то наступая на мягкий вереск, то приминая дикий тмин и другие душистые травы, и их веселый смех оглушал окрестности».⁴ Читатель чувствует легкость, молодость, энергию и счастье Руфи и мистера

---

¹ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 53 – 54.

² Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 67.

³ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 137.

⁴ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 58.

Беллингама. В романе «Север и Юг» главная героиня связывает воспоминания с растениями любимого ей сада. Это придает особое своеобразие сцене признания в любви. «Здесь, у клумбы тимьяна, он начал говорить, он хотел бы, чтобы она не так сильно любила Хелстон... Ее взгляд тогда остановился на поздно расцветшей розе, будто в ней она пыталась найти ответ. Потом Маргарет залюбовалась перистыми листьями моркови, рассеяно слушая его речь».¹ По этому отрывку можно судить, насколько значимое место отводилось природе в мировосприятии викторианцев: в один из ключевых моментов жизни (предложения руки и сердца) девушка восторгается красотами сада.

Главный герой романа «Жены и дочери» Роджер Хэмли «был так влюблен в природу, что не задумываясь об этом, просто в силу привычки, избегал наступать без необходимости на любое растение»². Эти строки передают общий настрой англичан того времени.

В произведениях Элизабет Гаскелл можно почувствовать веру в способность природы оказывать благотворное влияние на духовное состояние человека. «Маргарет вернулась домой в конце июля. Деревья в лесу оделись в темную, густую зелень, а папоротник под ними купался в косых солнечных лучах. Дни стояли знойные и душные. Маргарет много гуляла, сминая папоротник с жестоким весельем, чувствуя, как он поддается под ее легкими ступнями и испускает ему одному присущий аромат. Она забредала на пустоши, купавшиеся в теплом благоуханном свете, видела множество диких, свободных, живых существ – зверьков и насекомых, наслаждающихся солнечным светом, травы и цветы, согретые солнцем.

---

¹ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 67.

² Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 137.

Жизнь и особенно эти прогулки в полной мере оправдали ожидания Маргарет. Она гордилась своей лесной деревней»¹.

Окружающий мир помогает забыть невзгоды, набраться сил для преодоления трудностей. Так с наступлением солнечных дней семейные переживания Маргарет Хейл «унеслись, как пушинки чертополоха, и она не думала ни о чем, кроме красоты леса»². Ее отец мистер Хейл отправляется в сад, чтобы отвлечься от терзающих его душу мыслей. Он, «намеренный со вкусом насладиться редкими и счастливыми мгновениями, украденными им у собственного беспокойства, выбрал самый лакомый и зрелый фрукт и уселся на садовую скамейку»³. В один из трагичных моментов жизни Руфи приходит мысль о самоубийстве, но она отступает при осознании величия природы. «Взглянув на столь великолепный вид, Руфь забыла о себе. Она приподнялась и долго смотрела на него, и слезы высохали на ее щеках... Закат успокоил ее больше, чем могли бы утешить самые мудрые и нежные слова. Он даже придал ей сил и мужества: Руфь не знала как и почему, но это было так»⁴.

Природа в целом и сад в частности в произведениях викторианского периода служат не только фоном разворачивающихся событий, но и местом одного из немногочисленных видов деятельности, доступных для женщин. Наряду с рукоделием, рисованием и музицированием садоводство являлось общепризнанным достойным занятием молодых мисс. «Вы много работаете в саду? По-моему, это подходящее занятие для юных леди в деревне»⁵, – интересуется мистер Леннокс, живущий в столичном Лондоне, у приехавшей из провинциального Хелстона, Маргарет. Главная героиня произведения

---

¹ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 22.

² Там же. – С. 27.

³ Там же. – С. 35.

⁴ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 319.

⁵ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 17.

«Кузина Филлис», будучи дочерью фермера, проводит много времени в огороде. Мы застаем ее летом – собирающей горох, осенью – с полными корзинами яблок.¹

Что касается девушек из высших кругов общества, садоводством им можно было заниматься в определенных рамках: обязательно требовалась помощь «обычного труженика». Неслучайно в книгах о цветах, популярных в то время, обращение «леди» было не простым выражением вежливости. Женщинам советовали гулять по саду, парку или лесу с супругом, чтобы избежать каких-либо опасностей. Муж должен нести мольберт и складной табурет, т. к. нет ничего хуже для леди, чем переутомление.² Молли Гибсон занимается садоводством в соответствии с принятыми стандартами аристократии, у представителей которых она гостит: «Молли порхала около нее (миссис Хэмли), ухаживая под ее руководством за садом: подвязывая голубоватые стебли полураскрытых ярких гвоздик, срезая увядшие цветы на розовых кустах»³.

Учение о растениях пользовалась успехом в кругу образованных англичан. Мнение о том, что ботаника – подходящая наука для женщин была унаследована викторианцами от романтиков. Среди естественнонаучных книг, опубликованных с 1801 по 1900, женщины написали большее количество именно о растениях. В книге для молодых леди (“The Young Lady’s Book: a Manual of Elegant Recreations, Exercises and Pursuits”, 1829) дается следующее определение ботанике: «элегантное интересное развлечение, которому молодая леди может посвятить свой досуг... она получает удовольствие от цветов, которое кажется вполне естественным для представительниц ее возраста и пола...есть какая-то особая женская

---

¹ Gaskell, E. Cousin Phillis. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/4268/4268-h/4268-h.htm> (дата обращения 1.11.2014)

² Jackson-Houlston, C. ‘Queen Lilies’? The Interpenetration of Scientific, Religious and Gender Discourses in Victorian Representations of Plants // Journal of Victorian Culture, 2006. №1. – Vol.11. – P. 89.

³ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 92.

нежность в уходе за растениями. Ботаника для леди духовно и физически навязывала женщинам пространство дома и сада»¹.

Женщины из высших классов публиковали и иллюстрировали книги по ботанике. Например, жена известного теоретика садового искусства Дж.К. Лоудона Джейн Лоудон написала четыре иллюстрированные книги о садовых цветах и выражала желание, чтобы эта наука преподавалась в женских пансионах наряду с французским языком и музыкой.² Женщины, разбирающиеся в ботанике, выращивали редкие экзотические растения в теплицах и оранжереях. Леди Агнес в романе «Жены и дочери» имея научный склад ума, демонстрировала гостям праздника свои цветы, «она так долго и подробно повествовала о том, как редко встречается это растение или каких методов культивации требует то растение, что Молли почувствовала... дурноту»³.

К 40-м годам XIX века увлечение ботаникой приняло среди представителей разраставшегося среднего класса поистине массовый характер. Это обстоятельство находит отражение, например в диалоге: «Он (мистер Гибсон) навестил свою пациентку... а затем отправился, неся в руке редкий полевой цветок, на поиски одной из молодых дам Трэнмир в сад, – как он ожидал и рассчитывал – оказалась и леди Камнор. Она попеременно пересказывала дочери содержание только что вскрытого письма, и давала садовнику указания относительно высаживания в грунт растений.

- Я приехал проведать Нэнни и воспользовался случаем, чтобы привести леди Агнес растение, которое, как я ей говорил, растет на Камнорском болоте.

---

¹ Jackson-Houlston, C. 'Queen Lilies'? The Interpenetration of Scientific, Religious and Gender Discourses in Victorian Representations of Plants // Journal of Victorian Culture, 2006. №1. – Vol.11. – P. 87.

² Ibid. - P. 90.

³ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 17.

- Я вам очень благодарна, мистер Гибсон. Мама, взгляните! Это та самая *Drosera rotundifolia*, которую я так долго хотела найти»¹.

Знание ботаники и основ садоводства приводит к типичному для викторианского романа стремлению насытить художественное пространство перечнем конкретных растений. Таково описание сада Бенсонов в романе «Руфь»: «Длинные ветки жасмина своими белыми звездочками почти врывались в дом. Маленький квадратный садик, окруженный серой каменной стеной, сверкал богатыми и мягкими осенними красками, от малиновых штокроз до янтаря и золота настурций, — все эти оттенки смешивались в чистом и нежном воздухе. Было так тихо, что волокнистая паутина, пропитанная росой, не только не дрожала, но даже и не шевелилась. Солнце притягивало к себе нежный запах цветов, и весь салон был наполнен запахами резеды и левкоя»². И символом приобщения Руфи к новому образу жизни становятся обретенные ею знания: «Уже около года жила она у Бенсонов. Иногда ей казалось, что она приехала к ним только вчера, а иногда — что с тех пор прошел целый век. Руфь помнила, как осенним утром после приезда вошла в освещенную солнцем гостиную и увидела в саду множество цветов. Теперь эти цветы дали новые бутоны. Желтый жасмин, тогда чуть видный от земли, пустил крепкие корни и дал хорошие ростки. Желтофиоли, которые мисс Бенсон посадила дня через два после появления Руфи в доме, теперь наполняли воздух своим ароматом. Руфь знала уже все растения»³. Перечни цветов позднее становятся фирменным знаком английского романа, даже в мужской прозе, что потребовало и отдельного исследования, каковым стала работа Эми Кинг «Цветение: ботанический жаргон в английском романе» (“Bloom: The Botanical Vernacular in the English Novel”, 2003)⁴.

---

¹ Там же. – С. 12.

² Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 147.

³ Там же. – С. 199.

⁴ King, A.M. Bloom: The Botanical Vernacular in the English Novel. – Oxford: Oxford UP, 2003. – 265 p.

Восхищение природой вдохновляло мужчин при выборе подарка дамам. Английский джентльмен знал гораздо больше названий цветов, чем его зарубежный современник. Букет являлся не только приятным знаком внимания, но и мог иметь особый смысл. В зависимости от того, какие посылались цветы, каковы их размеры или как эти цветы сгруппированы в букет они служили безмолвными сообщениями и могли рассказать о том, о чём человек не посмел бы сказать вслух. Каждый мог освоить язык цветов – с этой целью создавались специальные словари. Особенно большим спросом эти словари пользовались у влюблённых.

Каковы же были цветочные предпочтения англичан? Какой скрытый смысл в себе таят растения, встречающиеся на страницах романов викторианцев? Несомненно, королева цветов Англии – роза. Этот флористический символ страны служит напоминанием исторических событий, отражает красоту государства, его шипы – знак стремления к власти. «Розы Англии» так романтически называют девушек с мягкими каштановыми волосами, светлыми или карими глазами, бледной кожей с румянцем. Их основные занятия: чтение, танцы и прогулки по саду. Это эталон женственности в викторианском обществе. Портреты таких героинь можно встретить практически в любом романе того времени. Так же как и сам цветок в описании английских садов. Мы читаем о розах, растущих по соседству с полезными для здоровья растениями в романе «Мэри Бартон»¹. Розы украшают сад мистера Холбрука в «Крэнфорде»². Мисс Бенсон из романа «Руфь» составляет букет из китайских и дамасских роз³. В своем произведении «Жены и дочери» Гаскелл изображает момент прощания Молли и Роджера Хэмли: «Роджер, вот вам роза! – Она протянула ему цветок

---

¹ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 8.

² Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 70.

³ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 148.

и сама зарделась, как роза»¹. Роджер впоследствии хранит цветок как напоминание о любимой. Мистер Леннокс дарит Маргарет розы в надежде на положительный ответ на его предложение². Роза как знак любви известен всему миру.

В «Руфи» мистер Беллингем уговаривает уставшую девушку прогуляться. Наслаждаясь окружающей красотой, Руфь счастлива. В траве она находит цветы чистотела – символа радости и примулу – знак благодарности³. В том же произведении мы читаем о служанке Салли, которая стала членом семьи Бенсонов и полностью посвятила себя им. В саду она собирает букет фиалок, цветов, одним из значений которых является верность и преданность⁴. Священник из романа «Крэнфорд», мистер Дженкинс, очень гордился своим рододендромом. «И ему пришла в голову мысль, что это может послужить темой для проповеди, и он начал обдумывать, нельзя ли сопоставить рододендроны с лилиями полевыми»⁵. Рододендрон или азалия на языке цветов обозначает сдержанность, а лилии – чистоту, скромность, возвышенные намерения. Тексты произведений Гаскелл содержат огромное количество подобных примеров.

Итак, произведения Элизабет Гаскелл занимают свое место в основном направлении литературного процесса Великобритании XIX века – социальном реализме. Ее проза отчетливо социально ориентирована: в ней прослеживается стремление автора зафиксировать социальные процессы, обнаружить зависимость характеров и их развития от этих процессов, показать место героя в классовой иерархии. Особенности воплощения

---

¹ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 771.

² Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 33.

³ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 45.

⁴ Там же. – С. 200.

⁵ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 104.

повседневной жизни англичан в художественном мире Элизабет Гаскелл находятся в прямой зависимости от ее социальных и нравственных взглядов. Важно осознавать, что мировоззрение писательницы сформировано в эпоху, когда уже оформилась идея исторического прогресса и, соответственно глубокое убеждение в возможности и необходимости, сохраняя главные нравственные ценности, постоянно действовать во имя совершенствования общества, устранения главным образом социальных недостатков. В романах Гаскелл отражается ее вера в возможности воздействия на общественные нравы.

В соответствии с творческими задачами, Э. Гаскелл в своих романах создает художественное пространство повседневности, которое, как и социологии, следует понимать как территорию, где протекает каждодневная жизнь, происходят различные события и взаимодействия. Будучи одним из самых заметных создателей викторианского социального романа, Гаскелл, по законам жанра, воссоздает исторически достоверные образы общественной жизни своего времени. Внимание к социальным проблемам предопределяет изображение жизни промышленного города, патриархального городка или сельской местности. Однако особенно значимыми становятся центры повседневной жизни героев, под которыми мы понимаем дом и сад.

Дом – это место пространственно-временной локализации повседневности, материальный объект, в котором сконцентрирована частная жизнь человека. Содержание и форма этого материального объекта, заложенные в основу соответствующего художественного образа, отражают как национальные представления, имеющие многовековую традицию, так и авторскую позицию. Наиболее очевидным качеством дома является его способность оградить частную жизнь от остального мира, предоставить человеку защищенное пространство личной свободы. Такое отношение к месту своего обитания есть у представителей любой национальности, но для английской ментальности характерно особое культивирование подобного представления о доме, что, разумеется, и отражается в романах Гаскелл.

Образы домов в ее произведениях демонстрируют то особое отношение к повседневной жизни, которое было характерно для викторианцев. Ежедневное повторение домашних обязанностей, рутина обыденных действий практически не имеет негативных коннотаций. Напротив, именно в незыблемости правил, привычек, домашних ритуалов герои Гаскелл обретают чувство гармонии с миром, умиротворения.

В художественном мире Э. Гаскелл синтезируются категории эстетического и этического, отражая представления своих современников о красивом и безобразном. Нравственная чистота неизменно способствует созданию подлинно красивого личного пространства, которое детализируется в соответствии со вкусами, уровнем жизни и образования персонажей произведений писательницы, т. е. эстетически идеализируется то главное для англичанина пространство бытия, которое соответствует «моральному чувству».

Эстетизация осуществляется за счет целого ряда приемов, из которых отчетливо выделяются те, что связаны с визуальным восприятием. Гаскелл для каждого дома создает свое сочетание цветов в совокупности определяющих колорит созданной картины. Как правило, есть соответствие между психологической атмосферой дома и цветовым решением. Кроме того, для романов этого автора присуща та особая поэтика вещного мира, которая столь характерна не только для английского, но и западноевропейского реализма XIX века. Сочетание вещей, предметов создают не только образ идеального дома, но и антитезы к нему. Главным объектом критики становится вульгарность, особенно кричащая пошлость богатого, но безвкусно обставленного дома. Наличие эстетического вкуса не является качеством только тех, кто в силу благоприятных обстоятельств получил хорошее воспитание. Напротив, большинство персонажей, относящихся к беднейшим слоям, обладают врожденным чувством прекрасного и умеют сделать свой дом подлинно красивым. Изображение жилищ семей рабочих в романах Гаскелл – одно из открытий писательницы.

Важно то, что эти дома, даже если это небольшие помещения, описаны с особой доброжелательностью.

Э.Гаскелл никогда не подвергает сомнению существующую классовую дифференциацию общества, социальную иерархию. Но в ее представлении необходимо постоянно совершенствовать условия жизни всех социальных слоев, добиваясь тем самым целостной общественной гармонии. Одним из путей к подобной гармонии становится умение сделать прекрасным свое жизненное пространство. Эстетизируя пространства домов своих героев, автор открывает читателю его собственный творческий потенциал.

Английскость, как черта национального менталитета, проявляется и в умении видеть прекрасное в окружающей природе, искренне восхищаться ею и получать от этого эстетическое удовольствие. Повседневная жизнь викторианцев была тесно связана с садом. Представление о красоте сада во многом определяется традицией живописности. Идеи живописности природных ландшафтов были разработаны в XVIII веке и укоренены в культурном сознании страны. В более широком смысле живописность связывается с чувством возвышенного, культ которого связан в культурном сознании страны с творчеством романтиков-лейкистов. Сад и окружающий мир сливаются в единое целое и таким образом положение сада оказывается двойственным. С одной стороны, это часть мира дома и поэтому замкнутое пространство, а с другой, это часть большого постоянно подвижного мира природы, красоты, дарованной Богом. Следовательно, присутствию сада в повседневной жизни означало пространство личной свободы, бесконечно расширяющееся в красоте окружающего мира.

В то же время это место, где естественным образом соединялись прагматическое и эстетическое начала – сочетание, очень близкое национальному характеру англичанина. Садоводчество требовало активной деятельности, что также отвечало духу времени. В данном случае имеет значение и гендерный аспект, так как садом занимались прежде всего женщины. Кроме того, национальная страсть к живописному вызвала и

повсеместное пристрастие англичанок к рисованию пейзажей, что само по себе способствовало некоему эстетическому настроению. В целом садоводчество стало неотъемлемой частью культивируемого в викторианстве стиля жизни.

Анализ произведений Гаскелл доказывает, что значительная часть текста состоит из десятков и сотен подробностей, связанных с названными центрами повседневной жизни. Такая писательская техника свидетельствует не только об установке на достоверность изображаемого и даже не только о том, что о том, что в совокупности множество частных демонстрирует сами основы, принципы общественного устройства. Важно то, что эстетизация дома и сада романтизирует обыденность, придаёт ей черты оптимального жизнеустройства, воплощает идею привлекательности стабильного, неторопливого существования. В какой-то мере эта неспешность противопоставлена стремительным социальным изменениям, характерных для индустриальной эпохи. Однако здесь скрыт и другой смысл. Такой образ жизни позволяет быть свободным мыслящим человеком, чувствовать красоту мира и, самое главное, осуществлять заботу о других людях. Эстетизация пространства повседневности имеет глубокий дидактический смысл, так как это одно из самых мощных средств писателя в его воздействии на нравственное национальное сознание.

ГЛАВА 3.

КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

3.1. Воспитание и образование

Высоко ценимый викторианцами Дж. Ст. Милль высказал суждение о том, что будущее Англии зависит от нравственного уровня ее народа. Высокая мораль абсолютного большинства, а не исключительные нравственные качества отдельных выдающихся личностей, решает судьбу государства. В стране культивировалась идея необходимости воспитания определенных нравственных качеств, развития имманентно присущего личности морального чувства. Понимание взросления как процесса социализации человека в смысле усвоения им правил и норм общественного поведения определяло не только национальную специфику организации образовательных процессов, но и отражение их в литературе. Одним из ведущих прозаических жанров становится роман воспитания.

Важным средством достижения высокой нравственности стала многоуровневая, постоянно совершенствующаяся образовательная система. Существование разнообразных форм и учреждений получения знания стимулировалось как особенностями идеологии Нового времени, выдвигающей науку и людей знания на первый план общественной жизни, так и практическими потребностями экономической ситуации, т. е. условиями Промышленной революции. В романах выдающихся викторианских авторов главными героями становятся учителя и гувернантки, местом действия – школы, пансионы: Шарлотта Бронте «Учитель» (“The professor”, 1845-46, издан в 1857), «Джейн Эйр» (“Jane Eyre”, 1847), «Городок» (“Villette”, 1853); Энн Бронте «Агнес Грей» (“Agnes Grey”, 1846); Диккенс «Николас Никлби» (“The Life and Adventures of Nicholas Nickleby”, 1839), «Домби и сын» (“Dombey and Son”, 1848). Особый интерес представляют в этой связи произведения Элизабет Гаскелл, в которых темы

образования и соответствующие ситуации и герои не являются сюжетообразующими, но имеют существенное значение в создании художественного образа викторианского социума.

В романах Э. Гаскелл находят отражение классовая дифференциация в викторианской системе образования и характерные для этой системы различия по гендерному признаку. Как отмечает Салли Митчелл, образование различалось в зависимости от пола ребенка, финансового положения его семьи, социального класса и религии. В первой половине XIX века оно не было централизованным. Начальные школы открывали добровольцы, религиозные и благотворительные общества. Трудно точно сказать, сколько людей умело читать и писать. По данным статистики, составленной на основе подсчета женихов и невест, которые подписывались своими именами вместо того, чтобы поставить крестик в документе, в 1841 году 67% мужчин и 51 % женщин были грамотными. Однако в любом случае мало людей из рабочей среды могли похвастаться больше, чем двумя-тремя годами школьного обучения.

Дети рабочих могли получить доступное образование в начальных школах (*elementary schools*). В зависимости от типа организации, финансирования начальные школы назывались разными именами: интернаты (*board schools*), районные школы (*district schools*), приходские школы (*parish schools*), деревенские школы (*village schools*) и др. Девочки из семей рабочих реже, чем их братья, получали образование. Если же такое случалось, то часто это были учреждения, в которых развивались практические навыки, необходимые в дальнейшей жизни.¹ Э. Гаскелл дает характеристику подобной школы для девочек в романе «Жены и дочери»: «эту школу нам бы следовало назвать «трудовой»: в ней девочек обучали искусно шить, быть отменными горничными, неплохими кухарками, но прежде всего опрятно носить своеобразную форменную одежду благотворительного заведения,

---

¹ Mitchell, S. *Daily Life in Victorian England*. - Westport: Greenwood Press, 2009. – P. 180.

совместно изобретенную дамами из Камнор-Тауэрс, - белый чепец, белую шейную косынку, клетчатый передник, синее платье, – вежливо присесть и говорить: «Как прикажите, сударыня», что было de rigueur (фр. непреложным правилом)»².

Однако и образованию девочек из высших классов не уделялось особого внимания. Считалось, что женщинам не требуется особой подготовки к жизни в обществе. Образование, предлагаемое в школах-пансионах, полностью зависело от интересов и возможностей владельцев. В одних предпочтение отдавалось иностранным языкам, в других основной целью обучения было воспитание изящных манер, элегантности. В некоторых школах девочки часами ходили с прикрепленными к спине досками, чтобы выработать правильную осанку³. Во многих школах ценились навыки ведения домашнего хозяйства. Считалось, что любая молодая женщина только выиграет от умения штопать, мыть, чистить, полировать и готовить⁴.

Первый этап приобщения детей к знаниям в обеспеченных семьях обычно проходил дома при помощи гувернантки или наставника. Чаще всего гувернантки жили в одном доме со своими воспитанниками и находились вместе с ними практически неотлучно. Как и няня, гувернантка рассматривалась как замена матери для ребенка и часто становилась самым близким человеком. Повзрослевшим девочкам преподавали историю, географию, английский и разговорный французский языки. Важной частью обучения являлись рисование, пение, игра на пианино, эти умения ценились

---

² Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 8.

³ Mitchell, S. Daily Life in Victorian England. - Westport: Greenwood Press, 2009. – P. 187.

⁴ Пикард, Л. Викторианский Лондон: Жизнь города / Пер. с англ. В. Кулагина-Ярцева, Н. Кротовская, М. Бурмистрова. – Издательство Ольги Морозовой, 2011. [Электронный ресурс]. // URL: http://www.e-reading-lib.com/bookreader.php/1014384/Pikard_-_Viktorianskiy_London.html (дата обращения: 19.07.2013)

в обществе и были разновидностью отдыха и развлечения.⁵ Девочки часто не расставались со своими наставницами вплоть до замужества.

Следует подчеркнуть, что главной задачей воспитания было усвоение принятых правил поведения и понимания своего долга. Поэтому основными требованиями к гувернанткам были не научные знания, наставница должна была олицетворять образ леди, отличаться безукоризненным поведением, разбираться в этикете. Идеальной гувернанткой была сирота священника, вдова офицера, женщина благородного происхождения, в силу обстоятельств вынужденная зарабатывать себе на жизнь. Не случайно именно в романах о гувернантках формируется в английской литературе образ самостоятельной женщины, сама творящей свою судьбу и имеющей четкие представления о долге и чести.

Главной их задачей оставалось воспитание заботливой матери и прилежной жены. В романе Гаскелл «Жены и дочери» мистер Гибсон дает следующие рекомендации гувернантке по воспитанию дочери: «Не учите Молли слишком многому: она должна уметь шить, читать, писать и считать... В сущности, я не уверен, что чтение и письмо так уж необходимы. Много хороших женщин выходят замуж, ставя при этом крестик вместо имени. На мой взгляд, обучение, скорее, ослабляет здравый смысл, но, тем не менее, мы должны уступить предрассудкам общества, мисс Эйр, поэтому вы можете учить девочку читать... Она учила Молли читать и писать, но честно старалась сдерживать ее интерес во всех других областях знаний. Лишь ценой долгой и упорной борьбы Молли мало-помалу сумела убедить отца позволить ей брать уроки французского и рисования. Он всегда опасался, что она станет чрезмерно образованной... Поскольку отец пресекал любое ее интеллектуальное устремление, она читала каждую попавшую ей в руки книгу с таким восторгом, словно она была запретной. Для своего общественного положения мистер Гибсон обладал необычно хорошей

---

⁵ Mitchell, S. Daily Life in Victorian England. - Westport: Greenwood Press, 2009. – P. 182 – 183.

библиотекой. Медицинская часть ее была Молли недоступна, т. к. хранилась в приемной, но все другие книги она или прочла, или попыталась прочесть»⁶.

Совершенно иными были задачи воспитания мальчиков. Для них существовали подготовительные школы (prep schools), куда их отправляли приблизительно в 8 лет для подготовки к поступлению в частные (private schools) или публичные школы (public schools). Самыми уважаемыми считались девять закрытых школ для мальчиков: Итон, Харроу, Винчестер, Рагби, Шрусбери, Вестминстер и др. Англией управляли преимущественно лидеры, которые получили образование именно там. Среди пэров XVIII века, получавших образование в конце века XVII, воспитанниками Итона, Вестминстера, Винчестера и Харроу было 16,2%, а родившихся после 1740 г. процент этот вырос до 72, 2 с явным преобладанием выпускников Итона. В XIX столетии эта тенденция сохранилась. К 1900г. пэр, который не учился бы в одной из престижных закрытых школ, был редким исключением.⁷ Элитарную концепцию и социальную ответственность как две необходимые стороны английского образования справедливо отмечают авторы статьи «Тема английского образования в английской и русской литературе»⁸.

Классические дисциплины господствовали в программах в 1815 г. и все еще занимали в них преимущественное место век спустя. К примеру, в середине XIX века в Итоне был 31 учитель, из которых 26 преподавали классические языки, 6 – математику, 1 – историю, и никто не преподавал современные языки и естественные науки. Древние языки изучались для воспитания духовной нравственности, дисциплины. Мальчики читали, переводили, делали грамматический разбор предложений. Большая часть

---

⁶ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С.40 – 41.

⁷Бородавкина, Н.В. Роль публичных школ в общественно-политической жизни викторианской Англии: Итон // Известия саратовского университета. сер.: история, м/н отношения. - Саратов: Саратовский государственный университет, 2010. – Вып.1. – т.10. - С. 78.

⁸ Хабибуллина, Л.Ф., Бережная, М. Тема английского образования в английской и русской литературе // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.- Казань, 2007.№4 (11). – С. 11.

времени употреблялась на сочинение греческих и латинских стихов. Даже арифметика преподавалась только в низших классах, так что выпускники часто появлялись в аудитории университета, зная не более четырех правил арифметики. Выпускник Итона возмущался: «Разве это не абсурдно ограничивать образование мальчиков исключительно знанием латинского и греческого языков, ни один из которых он, вероятно, не будет “хорошо знать” после того, как окончит школу»⁹.

Предпочтение гуманитарных наук точным имело еще одну негативную сторону. Главным предметом образования в то время являлось изучение классических языков методом «насыщения» (*impregnation*). Историк Эрнест Лависс охарактеризовал этот прием следующим образом: «У меня чувство, что я вышел из знатной иностранной среды. Я жил в Афинах во времена Перикла, в Риме во времена Августа. Самым важным упражнением было письмо, особенно на латыни. Это означало соотнесение высокопарных фраз с именами великих мыслителей: Перикл или Диоклетиан просто не могли говорить банальным языком. Только запоминающиеся высказывания иллюстрировали античность»¹⁰. В своем нравоописательном романе «Крэнфорд», повествующим об укладе жизни провинциального городка, Гаскелл с юмором изображает желание людей показать свою ученость посредством использования латыни и неуместность этого «мертвого» языка в повседневной жизни. «Священник вновь взялся за перо и подновил свою латынь, дабы переписываться с сыном. Было очевидно, что письма мальчика писались по образчику. Они... повествовали... о различных его интеллектуальных устремлениях и чаяниях, время от времени подкрепляемых цитатами из древних авторов... Конечно, я мало что знаю о

---

⁹ Бородавкина, Н.В. Роль публичных школ в общественно-политической жизни викторианской Англии: Итон // Известия Саратовского университета. сер.: история, м/н отношения. - Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2010. – Вып.1. – т.10. - С. 78-80.

¹⁰ References to Antiquity in Visual Arts (1848-1914) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.musee-orsay.fr/fileadmin/mediatheque/integration_MO/PDF/Antiquity.pdf (дата обращения: 26.03.2013)

латыни, и возможно, это великолепный язык, однако, мне кажется, он не слишком полезен... Например: «На твоей карте Ирландии этого города нет, но Bonus Bernardus non videt omnia {Добрый Бернард видит не все (лат.)} как гласят Proverbia {Пословицы (лат.)}».¹¹

Можно с уверенностью утверждать, что обращение к античной культуре стало одной из характерных черт викторианства. Исследователь этой темы Е.В. Сомова называет причиной возрождения интереса поэтов, художников, романистов к античной культуре стремление осмыслить истоки и пути развития западноевропейской цивилизации, культурную соотнесенность эпох, определить природу исторического знания, выявить соотношение настоящего и прошлого.¹² Интерес к античному миру проявился на фоне всеобщего увлечения англичан первой половины XIX века историей, географией, культурой Рима и Греции. Цель археологических раскопок, исследований памятников классических древностей заключалась в стремлении дать иллюстративный материал к историческим или поэтическим произведениям античности. Главным источником для изучения древнего мира стали сохранившиеся историко-литературные памятники. Поскольку было принято считать, что античная историография возникла из эпической традиции, Гомер и Вергилий воспринимались не только как поэты, но и как историки, свидетели героических времен Эллады и Древнего Рима. Многочисленные историко-археологические открытия в Риме и Греции привели к появлению как специальных научных исследований, так и живописных изображений в художественном воссоздании исторических событий¹³.

В своей книге «Викторианская культура и классическая античность: живопись, опера, литература, и провозглашение современности» (“Victorian

---

¹¹ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 98 – 99.

¹² Сомова, Е.В. Античный мир в английском историческом романе XIX века: автореферат дисс. докт. филол. наук. – М., 2009. - С.2.

¹³ Там же. - С.7.

Culture and Classical Antiquity: Art, Opera, Fiction, and the Proclamation of Modernity Princeton”, 2011) Саймон Голдхилл поднимает вопрос значимости культуры античности в викторианский период.¹⁴ Он подчеркивает влияние классиков (будь то античные тексты, артефакты или история и культура греко-римского мира) на развитие интеллектуальной мысли последующих поколений. Голдхилл на примере трех видов искусств показывает, какую привилегированную позицию античность заняла в самом сердце викторианской культуры. Он называет наследие классиков культурным кладезем. С его точки зрения, античность использовалась, чтобы увековечить современные структуры власти, особенно через ключевую роль, которую она играла в образовании.

Преобладание гуманитарного знания в школах для элиты имело глубокое обоснование, связанное с противопоставлением подлинно аристократической культуры, сохраняющей доиндустриальные ценности, традиции, и новой, буржуазной, ориентированной на естественнонаучное, практическое знание. (Подробно эта оппозиция рассматривается в книге Л. Асланова «Культура и власть. Философские заметки»)¹⁵. Преподавание древних языков как основы гуманитарных наук имело не только очевидный образовательный смысл, но и укрепляло традиционное классовое разграничение.

В викторианский период были заложены основы поведения «истинного» англичанина, аристократа – джентльмена. Уже в XVIII веке, с момента проникновения огромного количества представителей третьего сословия и ухода младших сыновей джентри в коммерцию и бизнес, появляются теории "джентльменства", которые пытаются дать этическое, а не социальное наполнение данного понятия. Так, Даниель Дефо в своем

---

¹⁴ Goldhill, S. Victorian Culture and Classical Antiquity: Art, Opera, Fiction, and the Proclamation of Modernity Princeton. - NJ: Princeton UP, 2011. – 368 p.

¹⁵ Асланов, Л. Культура и власть. Философские заметки.– М.: Изд-во ИТРК, 2001. – Кн. 1. - 496 с.

трактате «Совершенный джентльмен» проводит различие между джентльменами по происхождению - и по воспитанию и образованию. По его мнению, именно последние и заслуживают звание джентльмена. Поэтому воспитанию и образованию джентльмена уделяется особое внимание¹⁶. В романе «Север и Юг» в главе под названием «Человек и джентльмен» главные герои рассуждают о том, что включает в себя понятие «джентльмен» для Маргарет – это синоним «достойного человека»¹⁷. Джон Локк посвятил свой знаменитый трактат «О воспитании» именно этому вопросу и составил собственный набор «джентльменских» качеств и характеристик: «Джентльмен хорошо владеет древними языками, историей, литературой и всем, что связано с античностью. Он стремится к благородству античных героев».¹⁸

Э. Гаскелл очень точно подмечает стремление буржуа приобщиться к аристократам с помощью определенного типа знания. Мистер Хейл становится учителем древних языков и литературы в промышленном Милтоне. В этом городе классическое образование – редкость. По большей части владельцы фабрик не видели необходимости в подобных знаниях для своих детей, «беспощадно отрезая все пути для дальнейшего образования в области литературы и других изящных искусств... Но все же находились умные родители и молодые люди, у которых было достаточно здравого смысла, чтобы осознать свои собственные недостатки и попытаться исправить их»¹⁹. Примером тому может послужить главный герой романа «Север и Юг», мистер Торнтон, богатый фабрикант из промышленного Милтона. Он был одним из тех «мужчин в расцвете лет, которые решительно

---

¹⁶ Словарь гендерных терминов: Джентльмен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/062.htm> (дата обращения: 26.03.2013)

¹⁷ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 202.

¹⁸ Словарь гендерных терминов: Джентльмен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/062.htm> (дата обращения: 26.03.2013)

¹⁹ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 85.

признавали собственное невежество и намеревались освоить то, что им следовало освоить гораздо раньше»²⁰. А именно: античную историю, литературу и языки с помощью частного учителя. «Мы возьмемся за «Республику» Платона, как только закончим Гомера», – рассуждает его учитель²¹.

Классическое образование, возможно, имело свои слабые стороны, но на протяжении всего XIX в. оно оставалось незыблемой основой в большинстве Паблик школ. Споры велись по поводу образовательных методов и результативности обучения тем или иным предметам. Но не этот фактор был определяющим обстоятельством, заставляющим заботливых родителей добиваться поступления своих сыновей в Итон или Рагби, несмотря на условия жизни, которые там существовали²². Здесь они заводили выгодные знакомства, необходимые в будущем.

Таким образом, жизнь мальчиков из привилегированных классов была предрешена заранее: следующим этапом после школы должен стать университет: «будущее бедного Питера простиралось перед ним, не без приятности размеченное его близкими... Ему предстояло кончить шрусберийскую школу с отличием, после чего собрать еще более обильную жатву в Кембридже, а затем получить приход...»²³ Так писательница рисует типичные мечты родителей того времени. Высшее образование в викторианскую эпоху можно было получить в различных местах: в Дурхэме, Дублине, Ливерпуле, Бирмингеме, Ноттингеме и Манчестере. В 1836 г. был основан Лондонский университет. Несмотря на это, для большинства викторианцев смысл фразы «пойти в университет» сводился к одному:

---

²⁰ Там же.

²¹ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 149.

²² Бородавкина, Н.В. Роль публичных школ в общественно-политической жизни викторианской Англии: Итон // Известия саратовского университета. сер.: история, м/н отношения. - Саратов: Саратовский государственный университет, 2010. – Вып.1. – т.10. - С. 80.

²³ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 99 - 100.

образование в Оксфорде или Кембридже²⁴. Так, оба сына сквайра Хэмли в романе «Жены и дочери» учатся в Кембридже. Единственная альтернатива этому учреждению – Оксфорд. Но ее не рассматривают, т. к. «мысль об Оксфорде была наследственно неприемлема в семействе Хэмли»²⁵ из-за деда Роджера и Осборна, который «провалился на экзаменах в Оксфорде и в упрямстве гордыни отказался ехать туда снова. Более того, он поклялся страшной клятвой, как заведено было у мужчин в те дни, что ни один из его будущих детей никогда не будет учиться ни в одном из университетов». В результате его единственный сын, сквайр Роджер Хэмли, «был равнодушен к радостям светской жизни», т. к. «не получил должного образования... Он был малообразован и во многих вопросах невежествен, но он осознавал свой недостаток и жалел о нем»²⁶.

У студентов появилась возможность получить стипендию. Герой книги Гаскелл, Осборн, разочаровал родителей своим провалом: «если бы он только принял участие в конкурсе на Канцлеровские медали, он бы непременно добился успеха. Но Роджер сказал, что после своей неудачи он, уже едва ли получит стипендию, которой с такой надеждой ожидал сквайр».²⁷

Классовая дифференциация находит отражение в системе профессиональной подготовки. «Практиканты» были официально обязаны находиться в ученичестве в течение пяти лет. Удивительно, как много сохранилось от официального Двустороннего договора об ученичестве, относящегося к шестнадцатому веку, в договорах девятнадцатого века: предписания касались достойного поведения ученика, отказа от вступления в брак на обозначенный период, оплаты определенной суммы. Мастер обязался

---

²⁴ Mitchell, S. *Daily Life in Victorian England*. - Westport: Greenwood Press, 2009. – P. 188.

²⁵ Гаскелл, Э. *Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской*. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 52.

²⁶ Там же. - С. 50.

²⁷ Там же. – С.102.

следить за тем, чтобы ученик был одет, накормлен и здоров.²⁸ В итоге мастер получал дополнительные деньги, ученик – ценные, пользующиеся спросом, навыки.

В романе «Жены и дочери» Гаскелл описывает подобную практику в обучении врачебному мастерству, у мистера Гибсона «было обыкновение держать двух «учеников», как их деликатно называли в Холлингфорде, или «подмастерьев», каковыми они, по сути дела, и являлись, будучи связаны контрактом и внося немалую плату за обучение своему будущему ремеслу... Раз или два мистер Гибсон отказывался взять нового ученика в надежде сбросить с себя это бремя, но его репутация талантливого врача распространилась настолько широко, что установленную им плату за обучение, которую сам он считал непомерной, с готовностью вносили, чтобы молодой человек в самом начале жизненного пути мог поучиться у Гибсона из Холлингфорда».²⁹ Характерно, что труд врача рассматривается как практическая деятельность, т. е. автоматически не позволяет человеку этой профессии принадлежать к аристократической элите. В этом смысле понятно, что обучение профессии врача сходно с подготовкой ремесленников. Например, чтобы зарабатывать себе на жизнь, главная героиня романа «Мэри Бартон» решает освоить распространенную в то время профессию портнихи. Для этого она нанимается ученицей к модистке мисс Симмондс. «Мэри предстояло работать на нее два года без вознаграждения – она ведь будет учиться, а потом – за обед, чай и небольшое жалованье раз в квартал».³⁰

---

²⁸ Пикард, Л. Викторианский Лондон: Жизнь города / Пер. с англ. В. Кулагина-Ярцева, Н. Кротовская, М. Бурмистрова. – М.: Издательство Ольги Морозовой, 2011. [Электронный ресурс]. // URL: http://www.e-reading-lib.com/bookreader.php/1014384/Pikard_-_Viktorianskiy_London.html (дата обращения: 19.07.2013)

²⁹ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 38 – 39.

³⁰ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 37.

Гаскелл большое значение придавала образованию. Обратим внимание на характеристику одной из героинь ее романа «Мэри Бартон»: «Миссис Карсон (как всегда, когда у них не было гостей) чувствовала себя плохо и пребывала наверху, в своем будуаре, предаваясь мигрени. Ей и правда нездоровилось. «Дурью мается», – говорили слуги. На самом же деле это было естественным следствием полного безделья и духовной апатии. Женщина **необразованная**, она не имела представления о том, как можно было бы с пользой распорядиться богатством и досугом, которыми обладала в избытке».¹

Несмотря на то, что писательница в своих произведениях вступалась за рабочих и ратовала за улучшение их жизни, Гаскелл признавала их безграмотность и как следствие недостаток «мудрости»: «Поступки людей необразованных приводят на память Франкенштейна – чудовище, обладающее многими человеческими качествами, но не наделенное душой и не различающее добра и зла»². Образование, с точки зрения писательницы, это мирный путь к примирению фабрикантов и их служащих. Гаскелл считала, что вина за бедственное положение рабочих, их безграмотность и агрессию лежит всецело на работодателях: «Простые люди пробуждаются к жизни – поведение их раздражает нас, приводит в ужас, ожесточает. Но вот наступает печальная минута нашего торжества, и они смотрят на нас с молчаливым укором. Зачем мы сделали их такими – могучим чудовищем, которому не дано узнать ни покоя, ни счастья?»³ Муж писательницы, Вильям Вильям Гаскелл, будучи священником унитарийской церкви, учил английскому языку студентов колледжей и рабочих в вечерней школе; проводил частные уроки по истории, химии, немецкой, греческой и английской литературе. Сама Гаскелл прилагала все усилия, чтобы поднять

---

¹ Там же. – С. 277.

² Там же. – С. 234.

³ Там же.

образовательный уровень бедняков. Она преподавала в воскресной школе, вела уроки шитья для молодых женщин у себя дома.¹

Однако главное для Гаскелл в образовании то, что просвещение дает людям нравственную мудрость, о чем свидетельствуют ее комментарии, подобные следующему: «Он не получил образования, которое наделило бы его мудростью, а без мудрости даже любовь, при всем ее могуществе, приносит часто лишь вред»².

Насыщенность реалиями, фактами и их художественным воплощением в разнообразных формах: авторских характеристиках, комментариях, сюжетных ситуациях, различных точках зрения на проблемы образования являются необходимыми компонентами того объемного многопланового изображения викторианского социума середины XIX века, которое создано Элизабет Гаскелл в ее романах.

3.2. Круг чтения

Даже в XXI столетии – веке телевидения, интернета и мобильных устройств, чтение остается одним из важных способов получения знаний и видов досуга. В XIX веке книга выступала основным, а подчас и единственным средством самообразования, обучения и развлечения. Англия эпохи королевы Виктории славится своим стремлением к образованности. Средний класс, занявший центральное место в викторианском обществе благодаря промышленной революции, старается приблизиться к идеалам аристократии. Чтение становится главным методом для устранения пробелов в образовании и воспитании.

XIX столетие – это эпоха формирования особой книжной культуры. Этому способствует, с одной стороны, небывалый подъем в области системы

---

¹ Foster, S. Elizabeth Gaskell: A Literary Life. - Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2002. – P. 19, 22.

² Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 233.

образования: открываются новые школы, университеты, женщины борются за право получать высшее образование, быстрыми темпами идет искоренение безграмотности. С другой стороны, развитие печатного дела: большими тиражами выходят дешевые книги в мягких переплетах, популярностью пользуются циклично издаваемые журналы.

Книжная культура, как часть культуры повседневности, естественно, находит закономерное отражение в литературе. Упоминание тех или иных произведений на страницах романов, рассказов и очерков воссоздает круг чтения эпохи, причем в самых различных социальных разрезах, позволяет выявить и выделить те главные книги, которые олицетворяли время, вкусы и запросы читателей. Книга – пробный камень, тот "оселок", на котором проверяется литературный герой, его духовный и нравственный мир. Глубинная характеристика персонажа "через книгу" позволяет полнее и ярче раскрыть образ. Книжные пристрастия героя, так же как и его антипатии, отталкивания от них, очень точно характеризуют его. Книга в художественном произведении выступает зачастую как некий знак, символ, расшифровка которого необычайно обогащает и расширяет читательское восприятие, делает его глубже, историчней и осознанней¹.

В произведениях Элизабет Гаскелл чтение – важнейший элемент бытописания. Гаскелл, преследуя цель как можно более достоверно изобразить реалии своего времени, насыщает произведения отсылками к книгам, создающим неповторимый образ викторианского социума. Библия – знак религиозности как характерной черты исторической реальности – появляется во всех романах миссис Гаскелл. Писательница, будучи женой священника и прихожанкой церкви, свои этические убеждения передает поведению и мыслям персонажей. Священное писание читают герои произведений вне зависимости от пола и социального положения, как в

---

¹ Кудрявцев, Г.Г. Очарованные Книгой. Русские писатели о книгах, чтении, библиофилах. - М.: "Книга", 1982. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/LITSTUDY/bibliof.txt#0> (дата обращения 7.11.2013)

крупных городах, так и в захолустных провинциях. Библия выступает символом защиты и надежды для несчастных, жизнь которых лишена радостей и поддержки близких. Главная героиня романа «Руфь» «чтобы разогнать тягостные мысли и воспоминания, а также, чтобы набраться сил для предстоящих на следующей неделе испытаний,... брала Библию и устраивалась у окна, выходящего на улицу»¹. Мы застаем за чтением Библии бедную швею Мэри Бартон в одноименном романе: «она сидела у буфета, приоткрыв ставню, чтобы можно было, оторвавшись от лежавшей перед ней Библией, рассматривать прохожих»². В «Севере и Юге» цитирует откровение Иоанна Богослова умирающая от болезни, вызванной неприемлемыми условиями работы на фабрике, Бесси Хиггинс: «я – единственная из тех, кто обречен на смерть падением звезды с небес. «И имя сей звезде – полынь. И третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они сделались горьки»³. Практичная, презирующая классическое образование, миссис Торнтон читает одну единственную книгу – «Комментарии ко всей Библии» Мэтью Герери⁴. Остальные служат лишь украшением столовой: «через равные промежутки по окружности лежали книги в красивых переплетах, будто яркоокрашенные спицы колеса»⁵. Сквайр Хэмли из романа «Жены и дочери» читает молитвенник семье и слугам. В провинциальном Крэнфорде Библия – настольная книга его обитателей.

Учебная литература занимает немаловажное место в ряду предпочтений героев. Чтение с целью самообразования и воспитания помогает несчастной обманутой Руфи примириться с прошлым, начать

---

¹ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 39.

² Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 112.

³ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 171.

⁴ Там же. – С. 258.

⁵ Там же. – С. 139.

новую жизнь: «чтобы дать разумное воспитание ребенку, матери необходимо самой поучиться и образовать свой ум чтением... Рано утром она читала книги, которые он (мистер Бенсон) ей указывал... Она не пробовала учиться иностранным языкам, но принялась учиться латыни, чтобы самой впоследствии учить сына. Эти летние утра были счастливыми для Руфи: она старалась не вспоминать больше прошлого и не заглядывать в будущее, но со всей серьезностью жить только настоящим»¹. В «Крэнфорде» «мисс Мэтти поведала о грозных приготовлениях – о словарях и лексиконах, загромоздивших кабинет отца в то утро, когда Питер приступил к занятиям».² В романе «Север и Юг» Гаскелл подчеркивает значимость чтения в формировании взглядов мисс Хэйл: «когда Маргарет приезжала на каникулы, она привозила с собой большую коробку книг, рекомендованных учителями и гувернанткой».³ Мистер Хэмли («Жены и дочери») называет сына Роджера ученым и рассказывает, что тот «довольно часто брал книги» у врача мистера Гибсона.⁴

Как отмечает Т.А. Ивушкина, уникальная образовательная система (обучение в самых престижных университетах – Оксфорда и Кембриджа), построенная на обучении классическим языкам, математике, литературе и истории, отражается и в речи аристократии, изобилующей цитатами и аллюзиями на классическую и современную литературу. Ссылка на художественное произведение была своего рода кодом для “своих”, который служил передаче новой информации тем, кто понимал его⁵.

---

¹ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 185.

² Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 6.

³ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 25.

⁴ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 84.

⁵ Ивушкина, Т.А. Социолингвистические аспекты развития английской речи: автореферат дисс. докт. филол. наук. – М., 1998. – С. 24.

В произведениях Гаскелл присутствуют античные аллюзии. Во-первых, как говорилось выше, знание или незнание наследия древности выступает своеобразным показателем образованности человека. Например, в «Мэри Бартон» Гаскелл изображает лондонского агитатора. Его монолог с избытком театральными эффектами характеризует его как малообразованного лицемерного человека. В своих призывах он «смешал деяния старшего и младшего Брутов»¹. Благодаря его ошибке читатель чувствует фальшь этой судьбоносной речи, после которой рабочие решаются на убийство Карсона младшего.

Эта же особенность викторианского общества – увлечение идеалами античности – прослеживается в знании персонажами мифологии. Описывая взаимоотношения мистера Хейла и его ученика, Маргарет сравнивает их с двумя друзьями из греческой мифологии, известными своей преданностью: «Мистера Торнтон развлекать не понадобится, ведь он придет только для того, чтобы побеседовать с папой. Но, папа, я в самом деле очень хочу увидеть того Пифиаса, который сделал из тебя Дамона»². В другом эпизоде Маргарет называет Мистера Торнтон Аристидом потому, что ее отец уважает его мнение.³

Используя античные аллюзии, Гаскелл лаконично характеризует своих героев. Вместо того, чтобы писать, что Маргарет предстает перед влюбленным в нее мистером Ленноксом умной, красивой, высоконравственной, образованной и отважной, Гаскелл называет ее именами древних цариц: «Долгое время Маргарет избегала меня, и только-только ее сердце Зенобии стало оттаивать. В ней есть задатки Клеопатры, если бы только она была большей язычницей».⁴ В романе «Мэри Бартон»

---

¹ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 255.

² Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 93.

³ Там же. – С. 86.

⁴ Там же. – С. 510.

Гарри Карсон, встретив своего соперника – Джема Уилсона, чувствует свое превосходство: для этого денди внешность – главное в человеке, себя он видит Фебом, в то время как Уилсон – Сатир¹. Такие познания характеризуют персонажей как образованных начитанных людей.

В романе «Жены и дочери» Гаскелл с иронией изображает стремление своих современников показать свое классовое превосходство любым возможным путем. Один из вариантов – вступить в члены книжного общества: «Общество было местом, куда стекались все новости, - своего рода клубом маленького городка. Все местные жители, претендовавшие на благородное положение, состояли в его членах. Собственно, членство в обществе и было скорее показателем благородства положения, нежели образованности или любви к чтению. Ни один лавочник никогда бы и не подумал заикнуться о вступлении, будь он даже записным мудрецом и книголюбом; при этом в членах общества состояли почти все благородные фамилии графства, хотя некоторые поддерживали членство лишь из чувства долга, проистекавшего из их общественного положения; что до чтения книг, этой привилегией они пользовались крайне редко, а среди жителей городка было немало таких, кто рассуждал, подобно миссис Гудинаф, и втайне полагал, что чтение – это бессмысленная трата времени, каковое куда лучше посвятить шитью, вязанию и выпечке».²

В викторианском обществе большое значение имело звание джентльмена как человека с безупречным поведением, образца истинного англичанина. Так, леди крэнфордского общества считают «Письма к сыну»³ лорда Честерфилда своеобразным учебником хороших манер, который необходимо прочитать всем мужчинам: «Дамы гордились им (мистером Хиггинсом) как доктором, но как человек, а вернее, как джентльмен он

---

¹ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 243.

² Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 596 – 597.

³ Честерфилд, Ф.Д.С. Письма к сыну. – М.: Наука, 1971. – 352 с.

заставлял нас скорбно покачивать головой и сожалеть о том, что ему не удалось прочесть «Писем» лорда Честерфилда в те дни, когда его манеры еще поддавались улучшению»¹. Это произведение было написано в XVIII веке английским графом как свод посланий сыну. Сборник писем содержит обширный свод наставлений и рекомендаций, целью которых является подготовка к великосветской и государственной карьере.

Типична для викторианской Англии популярность периодических изданий. Эту деталь эпохи Гаскелл отражает в своих произведениях. В романе «Мэри Бартон» газеты любят оба враждующих класса: старший и младший Карсоны читают в роскошно обставленной библиотеке за столом...отец – газету, сын – журнал.² В своем скромном жилище Бартон «сидел с трубкой у очага и читал старый номер «Северной звезды», который он взял на время в соседнем трактире».³ Исследователь Дэвид Фил в статье, посвященной индустриальным романам миссис Гаскелл, противопоставляет выбор газет Карсона и Бартона («Манчестер Гардиан» и «Северную звезду»)⁴.

«Манчестер Гардиан» выступал против парламентской системы, которая отказала важным промышленным городам в представительстве в палате общин. «Северная звезда» - радикальная чартистская газета. Исследователь называет чтение «Северной звезды» губительным, оно является одной из предпосылок предстоящего убийства. Автор обвиняет Карсона в равнодушии к положению рабочих и в халатной невнимательности к их времяпрепровождению. По мнению Дэвида Фила, Карсон, стоящий на социальной лестнице выше своих подчиненных, должен был выступить в

---

¹ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 186.

² Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 93.

³ Там же. – С. 112.

⁴ Thiele, D. "That There Brutus": Elite Culture and Knowledge Division in the Industrial Novels of Elizabeth Gaskell // Victorian Literature and Culture. – Cambridge: Cambridge UP, 2007. № 35. - P. 271.

роли лидера в духовной сфере, приложить усилия к примирению, пойти на компромисс, тем самым предотвратив смерть сына.¹

Сквайр Хэмли предпочитает книгам газеты, его выбор падает на два диаметрально противоположные издания: консервативный журнал Тори и либеральный Монинг Кроникл, выражающий взгляды Виггов: «В то первое утро он отложил газеты – почтенную ежедневную газету партии тори, со всеми новостями, местными и по стране, которая более всего была ему интересна, и другую «Морнинг Кроникл», которую называл своей дозой полынной настойки и по поводу которой отпускал множество крепких словечек и в меру ядовитых порицаний... Когда трапеза закончилась, сквайр удалился в кабинет – прочесть газеты, к которым еще не притронулся».² Газета «Сентджеймская хроника» – один из малочисленных источников информации, благодаря которому крэнфордские дамы могли «запасть самыми свежими придворными новостями».³ В силу нехватки образования сквайр не пользуется своей библиотекой: «Большая часть книг хранилась в большой, с затхлым запахом комнате в редко посещаемой части дома, настолько редко, что горничная обычно не трудилась открывать ставни на окнах, выходящих на бурные заросли кустарника. Слуги даже поговаривали, что во время покойного сквайра, – того, что был отчислен из колледжа, – библиотечные окна забились досками, чтобы уклониться от уплаты оконного налога. Когда же домой приезжали «молодые джентльмены», горничная, без каких-либо напоминаний, постоянно поддерживала в комнате порядок, открывала окна, ежедневно топила камин и стирала пыль с красиво переплетенных томов, составлявших отличное собрание образцовых произведений литературы середины прошлого века. Те книги, что были приобретены позже, хранились в небольших книжных шкафчиках в

---

¹ Ibid. – P. 270.

² Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 85.

³ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 140.

простенках между окнами гостиной и в собственной гостиной миссис Хэмли наверху».¹

Л.Н. Коган отмечал важность круга чтения персонажа для его психологической характеристики². Изображение "книжных" сторон жизни - не колоритный фон, не просто декорация. Книги, к которым обращаются персонажи в определенные, иногда решающие моменты своей жизни, состав их библиотек, интерес к тем или иным авторам и сам процесс чтения - позволяют художнику высветить грани личности героя, показать его индивидуальность и своеобразие. Книголюбие как сложный сплав эмоциональных, социальных и интеллектуальных характеристик личности всегда давало богатейший и выразительнейший материал писателям.³

Круг чтения – один из ключевых способов формирования образов персонажей у Элизабет Гаскелл. Героиня романа «Север и Юг» отличается благородством и нравственностью. Маргарет умна и начитанна. Гаскелл перечисляет ряд книг мисс Хейл, показывая разнообразие ее литературных вкусов: «Времена года» Томсона, «Биография Уильяма Купера» Хейли и «Жизнеописание Цицерона» Миддлтона. Выбор был явно ограничен⁴. Комментарий Гаскелл подчеркивает любознательность и широкий кругозор Маргарет. В свободное время девушка зачитывается Данте. Окружающая природа напоминает ей «немецкие идиллии из «Германа и Доротеи» и «Эванджелины»⁵. По списку произведений авторов из разных стран (Италия, Германия, Америка) мы можем судить об уровне женского образования того времени, свойственного высшим кругам общества (известно, что Маргарет обязана своим воспитанием богатым родственникам). Чтение становится

---

¹ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. - С. 85 – 86.

² Коган, Л.Н. Круг чтения героев Пушкина // Социологический журнал. 1995. №3. - С. 145.

³ Кудрявцев, Г.Г. Сборник. Очарованные Книгой. Русские писатели о книгах, чтении, библиофилах. М.: "Книга", 1982. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://lib.ru/CULTURE/LITSTUDY/bibliof.txt#0> (дата обращения 7.11.2013)

⁴ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 25.

⁵ Там же. – С. 474.

основой формирования гордой свободолюбивой сильной личности героини, которая сможет быть опорой родителям в самые тяжелые периоды жизни. Еще одним ярким примером образованной девушки является главная героиня повести «Кузина Филлис». Выросшая на деревенской ферме дочь священника переняла от отца непреодолимую тягу к знаниям, стремление к постоянному самосовершенствованию. Ее ученость вызывает у кузена Пола изумление: «Вергилий, Цезарь, греческая грамматика – о, Боже мой! Имя Филлис Холман в каждой из них!» Для Пола непостижимо, как девушка может обладать такими познаниями: «она на столько умная, что больше похожа на мужчину, чем на женщину – она знает латынь и греческий»¹.

Упоминание книжных предпочтений персонажей как психологическая характеристика личности легко прослеживается в романе «Жены и дочери» в противопоставлении двух братьев Хэмли. Старший Осборн – идеал романтического героя: «можно сказать, что он поэт. Он очень одаренный и умный молодой человек, у него большие надежды на стипендию в Тринити»². Увлечение литературой рассматривается как наивысшее достижение: «Осборн пошел в мать, у него – талант. Я не удивлюсь, если он в один прекрасный день книгу издаст»³. Роджер напротив «не большой любитель чтения,- по крайней мере, его не интересуют ни стихи, ни романы о любви или приключениях. Его так занимает естествознание, что он, как и сквайр, почти все время проводит вне дома, он читает научные труды, которые связаны с его занятиями... он вряд ли когда-нибудь сделает такую блестящую карьеру, как Осборн»⁴. По описанию родителей еще до знакомства с юношами создаются два противоположных образа: поэт, витающий в своих мыслях, аристократ, любящий общество, настоящий

---

1 Gaskell, E. Cousin Phillis. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/4268/4268-h/4268-h.htm> (дата обращения 1.11.2014)

² Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 78.

³ Там же. – С. 84.

⁴ Там же. – С.79.

джентльмен, умеющий галантно вести себя. Такой человек никогда не уронит себя до физической работы, его мысли заняты прекрасным – поэзией. В отличие от Осборна Роджер предстает практичным, приземленным, грубоватым, не способным на высокие чувства и переживания. Осборн – любимец и гордость своей матери. Нельзя забывать, что сама миссис Хэмли – романтик по натуре. Ее книжные пристрастия сводятся к поэмам миссис Хеманс, стихам и романам. Слушая рассказы о братьях Хэмли, главная героиня начинает идеализировать Осборна и недооценивать Роджера. А Молли, например, находится в том возрасте, когда девушки склонны мечтать о сказочном принце, который непременно должен писать стихи, петь романсы и умереть ради любви, если потребуется. Ее выбор падает на роман Вальтера Скотта: «Молли как раз дошла до середины «Ламмермурской невесты» и с радостью осталась бы в доме, чтобы дочитать роман».¹ Эта история трагической любви соответствует душевному настрою героини в данный период ее жизни.

Прочитанные книги влияют на мировосприятие людей, их настроение и помыслы. Гаскелл подчеркивает это в эпизоде, когда мистер Гибсон обнаруживает тайное любовное послание к своей шестнадцатилетней дочери: «Кто бы мог подумать, что этот юнец так поэтичен? Ну да, конечно же, в приемной на полке стоит Шекспир. Заберу его оттуда, а вместо него поставлю Джонсонов словарь»².

В романе «Крэнфорд» разгорается спор на литературную тему. С одной стороны, мисс Дженкинс, которая, «как наследница многочисленных рукописных проповедей, а также очень недурной богословской библиотеки, считала себя причастной к литературе, и в любом упоминании о книгах видела брошенный ей вызов». С другой стороны бравый капитан в отставке – мистер Браун. Этот джентльмен в восторге от «Пиквикских записок» мистера Боза, в котором без труда угадывается Диккенс: «Не правда ли хорошо

---

¹ Там же. – С. 86.

² Там же. – С. 59.

написано?»¹ - восклицает капитан. Мисс Дженкинс не признает преимущества произведений современного писателя: «...должна признаться, они никак не идут в сравнение с тем, что писал Доктор Джонсон. Но, с другой стороны, автор, возможно, еще молод. Если он будет усерден и если он возьмет себе за образец великого доктора, кто знает, чего он сможет достичь?» На это мистер Браун высказывает свое мнение: «...мне было бы очень жаль, если бы он сменил свой стиль на подобную напыщенность»². Мало кто в Крэнфорде отважился бы перечить мисс Дженкинс, лидеру местного общества. Капитан проявляет себя как прямолинейный честный волевой человек. Его литературные предпочтения обнаруживают у него чувство юмора, оптимизм, готовность идти в ногу со временем, желание перемен. Мисс Дженкинс придерживается консервативных взглядов. Это человек твердых убеждений, строгих моральных принципов, не идущий на компромисс, требовательный к себе и окружающим, неукоснительно следующий традициям.

Самый «читающий» персонаж «Крэнфорда» - мистер Холбрук. В его доме «можно было найти все жанры, хотя преобладали стихи и страшные романы. Судя по всему, он выбирал книги в согласии с собственным вкусом, а не потому, что они слыли шедеврами или принадлежали перу признанных классиков»³. Мистер Холбрук – одинокий человек преклонного возраста, при этом он сумел сохранить душу романтика, обладающего истинным чувством прекрасного. Свою любовь к мисс Мэтти он пронес через всю жизнь, оставшись верным ей одной. И даже на склоне лет мечтал обрести счастье со своей возлюбленной.

---

¹ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 33.

² Там же. – С. 34 - 35.

³ Там же. – С. 72.

Выбор книг может и негативно характеризовать персонажа. Дочь фабриканта Карсона в «Мэри Бартон» читает эссе Эмерсона.¹ Упоминание об Эмерсоне неслучайно: для Гаскелл сам факт, что дочь Карсона углубляется в абстрагированные философские сочинения мыслителя, много думавшего о природе нравственного долга, в то время как вокруг богатого особняка ее отца бушует «море бед», жестоких и реальных – нищета, безработица, рабочие умирают голодной смертью, - безнравствен².

Наряду с героями, имеющими свой круг книжных предпочтений, на страницах произведений мы встречаем персонажей, которые не любят читать. Жительницы Крэнфорда читали мало, об этом писательница упоминает не один раз. Следствием этого становится нехватка тем для разговоров, пристальное внимание к жизни соседей и долгое обсуждение местных новостей. В романе «Север и Юг» «миссис Хейл никогда не интересовалась книгами и с самого начала семейной жизни отвергла попытки мужа читать ей вслух, пока она работала... Он сдался, когда дети были еще совсем маленькими, и обрел утешение в философских и богословских трактатах, читая их в своем крохотном кабинете...»³. Данный эпизод характеризует мать Маргарет как ограниченную суетливую женщину, занятую лишь домашними хлопотами. В отличие от жены мистер Хейл – возвышенная натура, человек начитанный, думающий, внимательный к нуждам других. Несмотря на взаимную любовь, это различие отдаляет супругов друг от друга. Миссис Хейл не дано понять порыв мужа, решившего оставить приход и переехать в незнакомый город. Таким образом, круг чтения персонажей используется Элизабет Гаскелл, во-первых, для создания реалистичной картины викторианской повседневности. Во-вторых,

---

¹ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 277.

² Тугушева, М.П. В надежде правды и добра: Портреты писательниц. - М.: Художественная литература, 1989. – С. 146 - 147.

³ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 24 - 25.

выбор книг несет психологическую, социальную, этическую нагрузку, может положительно или отрицательно охарактеризовать героя. Книги вносят разнообразие в жизнь человека любого возраста, социального положения и пола, служат украшением быта.

3.3 Речевые характеристики персонажей

Работы великих писателей - викторианцев: Диккенса, Теккерея, сестер Бронте, Элиот, Гаскелл и других относятся к критическому реализму. Основной целью реалистов было объективное отражение окружающей действительности. Элизабет Гаскелл, придерживаясь данного положения, создавала реалистически точные картины мира. В творчестве писательницы исследователи выделяют два основных направления. Во-первых, это острые социальные романы (*novels of purpose*), имеющие цель изменить общество к лучшему, обнажив его негативную сторону: «Мэри Бартон», «Север и Юг», «Руфь». Во-вторых, это нравоописательные психологические произведения: «Крэнфорд», «Кузина Филлис», «Жены и дочери».

Вне зависимости от жанра и тематики произведения основным принципом для писательницы была естественность. Использование речевых характеристик так же отвечало этой цели. Герои Гаскелл говорили языком, свойственным их классу и положению в обществе будь то рабочие и слуги или аристократы. Ее настораживала «необычная чистота языка», которую некоторые люди ждут в обществе, и которая неминуемо ведет к завершению непринужденной беседы. Гаскелл была врагом педантизма. Естественность в ее сочинениях означала, что они всегда должны были соответствовать ситуации. И т. к. писательница описывала множество ситуаций, ее стиль, так же как и методы композиции отличались разнообразием.

Создание местного колорита неизбежно приводит к использованию региональных вариантов разговорного языка. Диалект – характерная черта

произведений Гаскелл¹. Муж Гаскелл изучал ланкаширский диалект и помог ей при создании книг, героями которых были рабочие. «Две лекции по ланкаширскому диалекту» (“Two Lectures on the Lancashire Dialect”, 1854) и толкование трудных диалектных выражений были написаны Вильямом Гаскеллом не только для того, чтобы добавить роману «Мэри Бартон» подлинности, но и придать произведению документальную достоверность, призывая читателей принять его как иллюстративный и информативный материал².

По особенностям речи можно мгновенно распознать рабочего или человека из высшего общества. Но при этом герои Гаскелл не допускают ошибок в словах, которые даже самые необразованные люди произносили правильно, как это делают персонажи По, Купера и других до нее и после. Писательница обладала способностью записывать слова на слух и необходимым чувством меры при использовании этого таланта в своих произведениях. Диалектная лексика присуща лишь рабочим и слугам, в речи остальных персонажей можно встретить случайные разговорные фразы или погрешности в грамматике, но никогда диалекта. Рассказы писательницы практически лишены диалектных выражений. Романы «Крэнфорд» и «Жены и дочери», повествуя о жизни благородного общества в провинции, содержат незначительный процент диалектной лексики, и, конечно же, в биографии Шарлотты Бронте нет места подобным фразам. Но в таких работах как «Мэри Бартон», «Руфь», «Север и Юг» и «Поклонники Сильвии» некоторые персонажи постоянно говорят на диалекте. В «Мэри Бартон» это рабочие, представленные семьями Бартон, Уилсон и Лег; в «Руфи» – Сэлли, служанка Бенсона; в «Севере и Юге» - Николас Хиггинс и его семья; в «Поклонниках Сильвии» – почти все главные герои. В этих сочинениях в полной мере

---

¹ Duthie, E.L. The Themes of Elizabeth Gaskell // Nineteenth-century Literature Criticism, 1984. - Vol.5. – P. 206.

² Foster, S. Elizabeth Gaskell: A Literary Life. - Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2002. – P. 36.

отразился талант писательницы вести диалектный разговор, благодаря которому Гаскелл заслужила репутацию автора, разбирающегося в особенностях речи простолюдинов.

Наиболее очевидны две группы различий между языком манчестерских рабочих и литературным вариантом. Во-первых, это ошибки в произношении слов: seed (seen), gotten (gotten), fra (from), sin (since), oud (old), coud (cold), yo (you), telled (told), lile (little) и многие другие. Во-вторых, употребление слов, не существующих в литературном языке: hoo (she), ay (yes), rucks (lots), dark (blind), bagging time (supper time), clemmed (starved) и прочее³.

Более понятна специфика речи становится в целых фразах и предложениях. Авторы переводов произведений Гаскелл постарались передать отличительные особенности ланкаширского диалекта. Так описывает свою ссору с Эстер Джон Бартон: «И раскраснелась же она, как петушиный гребень, глаза огонь мечут. А увидела, что Мэри расплакалась (Мэри-то наша терпеть не может, когда в доме бранятся), подошла к ней, поцеловала, принялась уверять, что не такая, мол, она плохая, как я думаю. Тут мы стали говорить спокойнее, без всякого зла, потому как я ведь все-таки любил эту девчонку, – уж больно она была хороша да нрава веселого».⁴

Николас Хиггинс благодарит Маргарет Хейл в романе «Север и Юг» следующим образом: «Спасибо вам, мисс. Бесси будет теперь частенько думать о цветах. Это она будет о них думать, а я вот буду думать о вашей доброте. Вы, сдастся мне, не из этих мест?»⁵ Наличие диалектной лексики в речи помогает создать образ некультурного безграмотного человека, не имеющего возможности учиться. Это еще раз подчеркивает бедственное положение рабочих, их вынужденную необразованность. Для Гаскелл

---

³ Sanders, G.de W. Elizabeth Gaskell. - New Heaven: Yale UP, 1929. – P. 146 – 147.

⁴ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 13.

⁵ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 90.

характерна вера в обучение как путь к примирению фабрикантов и служащих.

Если мы обратимся к жанру нравоописательного романа у Элизабет Гаскелл, мы встретим совершенно другие особенности речи героев. Стиль и язык повествования «Крэнфорда» порой старомоден, архаичен, несколько близок формам предшествующего столетия⁶. Присутствие архаизмов в описании города и речи персонажей рисует облик консервативного патриархального уголка, в котором ничто не меняется со временем. Такие выражения, как *sedan chair* – „портшез“, *linking* – „идти за руку“, *caps* – „чепцы“, *followers* – „дружки служанок“, придают произведению особый колорит⁷.

Это книга с юмором рассказывает об устоях жизни в провинции. Жительницы этого городка, вдовы и старые девы, представляют «элиту» крэнфордского общества. Несмотря на скромный достаток, местная аристократия ревностно следует этикету поведения, принятому в высшем свете. В этом городке царят «всеобщая, хотя и непризнанная бедность и всеми весьма признаваемая аристократичность»⁸.

Естественным для рассматриваемого периода, как впрочем, и для всего столетия, было влияние французского языка. По сути это продолжительное и бесцеремонное вторжение этого языка и вместе с ним образа жизни в английский. Политические и экономические отношения между Англией и Францией, а также иммиграция французов в Англию во время войны с Францией способствовали появлению в английской речи французской лексики, отражающей разные сферы жизни: искусства, музыки, моды и т.д. Знание французского всегда было неотъемлемой частью общих знаний аристократа. И хотя французским владеют профессиональные средние

---

⁶Соловьева, Н.А. Элизабет Гаскелл // История зарубежной литературы XIX века. Учеб. пособие / Под ред. Н.А. Соловьевой. - М.: Высшая школа, 2007. – С. 275.

⁷Hopkins, A.B. Elizabeth Gaskell: Her Life and Work. - L: John Lehmann, 1952. – P. 103.

⁸ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 25.

классы, аристократию можно отличить по количеству французских слов и выражений, которым она пользуется в речи.⁹ В речи персонажей достаточно часто встречаются французские выражения: *esprit de corps*¹⁰, *au fait*¹¹, *trousseau*¹², *Ah!vous dirai-je, maman?*¹³, *passé*¹⁴, *ci-devant*¹⁵, *savoir faire*¹⁶, *menuet de la cour*¹⁷, *a piece de resistance*¹⁸, *a propos*¹⁹, *mesalliance*, *couchant*²⁰, *fais ce quevois*, *advienne que pourra*²¹, *au pied de la lettre*²², *a pis aller*²³ *Chateau en Espagne*,²⁴ *sans peur et sans reproche*²⁵, *toilette*²⁶, *lingerie*²⁷, *soupirant*²⁸, *tout ensemble*²⁹ и т.д. Мистер Фарквар («Руфь») «напевает старую французскую песенку».³⁰

Употребление лексики французского происхождения является свидетельством стремления персонажей следовать моде и вкусам аристократии, т.к. именно французский язык в то время был языком придворного общения.

---

⁹ Ивушкина, Т.А. Социолингвистические аспекты развития английской речи: автореферат дисс. докт. филол. наук. – М., 1998. – С. 25.

¹⁰ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 24.

¹¹ Там же. – С. 39.

¹² Там же. – С. 90.

¹³ Там же. – С. 230.

¹⁴ Там же. – С. 118.

¹⁵ Там же. – С. 123.

¹⁶ Там же. – С. 143.

¹⁷ Там же. – С. 153.

¹⁸ Там же. – С. 198.

¹⁹ Там же. – С. 32, 203.

²⁰ Там же. – С. 233.

²¹ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 244.

²² Там же. – С. 315.

²³ Там же. – С. 432.

²⁴ Там же. – С. 498.

²⁵ Там же. – С. 507.

²⁶ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 334.

²⁷ Там же. – С. 363.

²⁸ Там же. – С. 784.

²⁹ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 76.

³⁰ Там же. – С. 246.

Кроме французского языка в речи викторианцев часто употреблялись фразы латинского происхождения. Доказательством этому служат следующие выражения: *carmen*³¹, *epistolae*³², *Bonus Bernardus non videt omnia*, *proverbia*³³, *bona fide*³⁴, *che sara sara*³⁵, *vae victis*³⁶, *ab extra*³⁷, *ergo*³⁸, *mea culpa*³⁹, *poeta nascitur, non fit*⁴⁰, *vis inertiae*⁴¹.

Интересно высказывание главной героини романа Мисс Мэтти, которая называет латинский язык «украшательским». «Этот торжественный случай, по-видимому, пробудил в достойном священнослужителе особое литературное вдохновение, т. к. во всех его письмах к жене непременно появлялась латынь. Одно из них, я помню, кончалось так: «И я вечно храню в памяти добродетели моей Молли, *dum memor ipse mei, dum spiritus regit artus*» (лат.) пока я не забуду сам себя, пока ведет меня мой слабый дух), что, принимая во внимание не слишком гладкий стиль и нередкие орфографические ошибки той, кому он писал, неопровержимо доказывает, насколько он «идеализировал» свою Молли, а, как говаривала мисс Дженкинс: «Нынче люди постоянно твердят об идеализировании, что бы это слово ни значило». Но и это было пустяками по сравнению с латинскими виршами, которые ему вдруг пришла охота сочинять и в которых Молли неизменно фигурировала как «Мария»⁴². Другого мнения придерживается

---

³¹ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 92.

³² Там же. – С. 93.

³³ Там же. – С. 99.

³⁴ Там же. – С. 163. Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 420.

³⁵ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 34.

³⁶ Там же. – С. 106.

³⁷ Там же. – С. 124.

³⁸ Там же. – С. 319.

³⁹ Там же. – С. 422.

⁴⁰ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 303.

⁴¹ Там же. – С. 436.

⁴² Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 92.

рассказчица, Мэри Смит, в которой легко угадывается сама Гаскелл: «Конечно, я мало что знаю о латыни, и возможно, это великолепный язык, однако, мне кажется, он не слишком полезен»⁴³. С другой стороны, латынь – это язык образования, и порой герои используют его, чтобы показать свою ученость и начитанность: «Было очевидно, что письма мальчика писались по образчику. Они... повествовали... о различных его интеллектуальных устремлениях и чаяниях, время от времени подкрепляемых цитатами из древних авторов... латынь в письмах сына подействовала, как звук боевой трубы на старого кавалерийского коня»⁴⁴.

Персонажи «Крэнфорда» с удовольствием проводили свое время за игрой в карты, праздничным столом, который организовывался не так уж и часто, в “светских” беседах и обсуждении модных писателей. Встречаемые в речи персонажей аллюзии и цитаты свидетельствуют о появлении в литературной жизни Англии произведений Чарльза Диккенса («Записки Пиквикского клуба» частями появлялись тогда на страницах известных журналов); о сильном влиянии на литературные вкусы англичан и формирование эпистолярного стиля доктора Джонсона. Именно ему отдает свое предпочтение мисс Дженкинс. «Расселас» – становится для нее настольной книгой и постоянным источником для цитирования. Это очень важная для читателя информация, позволяющая понять не только литературные привязанности героев, но и почему они так говорили и думали. Мисс Дженкинс объясняет это: «Стиль доктора Джонсона – образец для начинающих авторов. Мой отец рекомендовал его мне, когда я начала писать письма, и на нем я сформировала мой собственный стиль; рекомендую его и вашему любимцу»⁴⁵. Реакция Капитана Брауна проявилась в реплике: «Мне

---

⁴³ Там же. – С. 99.

⁴⁴ Там же. – С. 98.

⁴⁵ Там же. - С. 35.

было бы очень жаль, если бы он сменил свой стиль на подобную напыщенность»⁴⁶.

Помпезность, напыщенность стиля отличала доктора Джонсона и его последователей. Это находило свое отражение и в манере речи мисс Дженкинс⁴⁷: «Стоило ей теперь подумать о Браунах, как она начинала говорить на манер доктора Джонсона, а поскольку в это лето они постоянно занимали ее мысли, то я все время выслушивала звучные трехэтажные предложения»⁴⁸. Предпочтение церковной литературы выделяет еще одну черту героинь – религиозность. Библия – единственная книга, которая есть у каждой обительницы Крэнфорда, и они действительно следуют ее заветам.

Таким образом, особенности речи характеризуют персонажей произведений Гаскелл, в первую очередь, разделяя их на социальные группы, и потом выявляя индивидуальные черты.

Подводя итоги в этой главе, можно сделать вывод о том, что важнейшим элементом пространства повседневности для Элизабет Гаскелл является культура общения его обитателей. Для автора, как и для ее современников, главным показателем способности личности к социальной жизни было усвоение норм общественного поведения, достигаемое с помощью образования и участия в повседневной жизни своей социальной среды. В этом смысле каждое ее произведение содержит элементы романа воспитания. Поэтому особенно значимы те сюжетные ситуации, эпизоды, детали, которые показывают сложную систему образования Великобритании первой половины XIX века и свидетельствуют о том, как много было достигнуто в этой области применительно к разным классам. Здесь Гаскелл опять внимательна к классовым и гендерным различиям. В ее романах

---

⁴⁶ Там же. – С. 35.

⁴⁷ Ивушкина, Т.А. Социолингвистические аспекты развития английской речи: автореферат дисс. докт. филол. наук. – М., 1998. – С. 31.

⁴⁸ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 45.

читатель обнаруживает сведения об обучении детей рабочих, среднего класса, аристократической элиты, о специфике женского и мужского образования. Гаскелл отмечает недостатки, например, женского образования, однако само перечисление предметов, доступных девочкам среднего класса (история, география, английский и разговорный французский языки, рисование, пение, игра на пианино) говорит о его достаточно высоком гуманитарном уровне.

Вообще доминирование гуманитарных наук, в том числе преподавание древних языков, античной философии и литературы и т.д., имеет глубокий смысл для понимания жизни нации. В совокупности романы Гаскелл доказывают, что главной задачей воспитания было усвоение принятых правил поведения и понимания своего долга. Обращение к античной культуре не было так бессмысленно, как явствует из реплик отдельных персонажей. Напротив, обращение к античности и другим гуманитарным дисциплинам способствовало воспитанию высокой нравственности и самодисциплины. Преобладание гуманитарного знания в школах для элиты имело глубокое обоснование, связанное с противопоставлением подлинно аристократической культуры, сохраняющей доиндустриальные ценности, традиции, и новой, буржуазной, ориентированной на естественнонаучное, практическое знание. Показательно, что автор подчеркнуто демонстрирует стремление положительных героев буржуа к овладению классическими источниками не из материальной выгоды, но из-за внутренней духовной потребности.

Практическое образование для низших слоев – обучение ремеслу. Образование, с точки зрения писательницы, это мирный путь к примирению фабрикантов и их служащих. Гаскелл считала, что вина за бедственное положение рабочих, их безграмотность и агрессию лежит всецело на работодателях.

Несомненным достоинством викторианства было возведение в культ книжной культуры, что и представлено в художественном мире Э. Гаскелл со

множеством деталей и подробностей. Особенное место она уделяет античным аллюзиям в соответствии с существовавшим в названный период интересом ее современников к культуре Древней Греции и Рима.

Э. Гаскелл остается верна традиции XVIII века, в которой существенная роль отводится искусству непринужденной беседы, с привычкой к рассуждениям, удовольствию от разговора. Подобное искусство в среде не литераторов и философов, а среднего класса становится существенной частью содержания ее романов, в совокупности с мастерством индивидуализации речевых характеристик.

ГЛАВА 4. РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

4.1. Магия обыденной жизни

Своего рода эпиграфом к этой теме может послужить картина городской улицы в романе «Мэри Бартон»: «Какое красивое зрелище являет собою улица с освещенными окнами лавок! Так ярко горит газ, такими заманчивыми при вечернем освещении кажутся выставленные в них товары, а окна аптеки и вовсе приводят на память заколдованный сад Аладдина или кувшин Прекрасной Розамунды из сказок, которые рассказывали нам в детстве»⁴⁹. Эта цитата обращает наше внимание к фантазии, воображению. Категория воображения чрезвычайно важна в эстетическом сознании уже предвикторианского периода.

Очень четко она сформулирована представителем «озерной школы» У. Вордсвортом. Он воспринимает воображение как творческую силу, «встающую из глубин сознания поэта, которая позволяет ему острее ощущать бытие - как свое, так и других людей. В отличие от фантазии, воображение не уносит поэта в мир иллюзий, а приближает к нему живой мир, высвечивая лучшие, но скрытые стороны действительности. Вордсворт полагал, что “места времени” (или места во времени) могут быть разной интенсивности: одни яркие, другие побледнее. Интенсивность зависит от того, на каком этапе личностного развития находится человек. Первые вспышки еще не вполне развившегося творческого воображения случаются в детстве, они учат героя узнавать гармонию и дисгармонию, прислушиваться к голосу совести»⁵⁰.

Воображение Вордсворт считал силой, осуществляющий синтез ума и души, позволяющей человеку «прозревать внутреннюю суть вещей: правду

---

⁴⁹ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 85.

⁵⁰ Халтрин-Халтурина, Е. Вступление/ У.Вордсворт. Прелюдия, или становление сознания поэта. // Иностранная литература, 2011.№3.

жизни, прекрасное и возвышенное»⁵¹. Эстетическая позиция Вордсворта и других английских поэтов и философов, разрабатывающих эту тему в начале XIX века, отражает в значительной мере и мироощущение ранних викторианцев. Э. Гаскелл так же присуще интенсивное воображение, позволяющее «высвечивать» волшебство реальности.

Красота повседневной жизни представлена в созданном ею художественном пространстве с его центральными элементами – домом и садом. «Я не рисую картину. Я пытаюсь описать Хелстон так, как он выглядит на самом деле», – говорит героиня. Ее собеседник отвечает: «...ваше описание больше похоже на деревню из сказки, чем из реальной жизни»⁵².

Отсылки к сказочным мотивам обильно присутствуют в произведениях писательницы в самых разнообразных ситуациях: «Это походило на историю про восточного короля, который по велению волшебника окунул лицо в воду, а когда поднял голову, то оказалось, что прошло много лет и все вокруг изменилось»⁵³. «Служанка всегда считала мистера Хейла препятствием, вставшем на пути блестящего будущего юной леди. Если бы мисс Бересфорд не вышла в такой спешке замуж за бедного сельского священника, кто знает, кем бы она могла стать. Но Диксон была слишком преданной, чтобы оставить свою госпожу в несчастье (т.е. в замужестве). Она осталась с ней и всегда считала себя доброй защитницей-феей, в чьи обязанности входит расстраивать планы злобного великана мистера Хейла»⁵⁴. «Он (Торнтон) рассказывал мистеру Хейлу об устройстве парового молота, вернее, о том, какая осторожность и точность нужна при работе с этой машиной,

---

⁵¹ Цит. по: Е.В. Халтрин–Халтурина. Эпохальный для английского романтизма переход Уильяма Вордсворта через Альпы: от фантазии к воображению // Романтизм: вечное странствие / Отв. ред. Н.А. Вишневская, Е.Ю. Сапрыкина; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького.– М.: Наука, 2005. – С. 130.

⁵² Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 16.

⁵³ Там же. – С. 38.

⁵⁴ Там же. – С. 26.

обладающей невиданной мощностью. Его рассказ напомнил мистеру Хейлу о джине в «Тысяче и одной ночи» – то могучем великане ростом от земли до неба, то – крохотном существе, спрятанном в старой лампе, настолько маленькой, что могла уместиться в руке ребенка».⁵⁵ «Фиби нервно теребила завязки своего черного шелкового фартука. У нее в голове, как у калифа из восточной сказки, за одно мгновение пронеслась целая жизнь с многообразием возможностей, среди которых вопросом из вопросов было – вправе ли она покинуть сестру?»⁵⁶ «Он покосился на Осборна, который сидел у камина, погружившись в чтение. Бедный сквайр был похож на маленького мальчика из детской сказки, который зовет всяких зверюшек и птиц прийти с ним поиграть, но всякий раз получает рассудительный ответ, что они, мол, слишком заняты, чтобы тратить время на этикие пустяки.»⁵⁷ «Синтия: ...я решила сказать ему (Престону), какое удовольствие мне доставила поездка, как мне было хорошо – и все благодаря его двадцати фунтам (я уже начинала чувствовать себя Золушкой, а часы вот-вот пробьют полночь)...»⁵⁸. «... иногда я чувствовала себя такой несчастной, что мне просто хотелось надеть на сердце железный обруч, чтобы оно не разорвалось, - как сделал этот Верный Джон из немецкой сказки – помнишь ее, Молли? Когда после всяких бед и злоключений его господин вернул себе корону и королевство, да еще и женился на прекрасной принцессе, они ехали от церкви, где сыграли свадьбу, в карете, запряженной шестеркой лошадей, а Верный Джон стоял на запятках, и тут вдруг молодожены услышали три хлопка и спросили, в чем дело; оказалось – то лопнули три обруча, которые Верный Джон носил на сердце все то время, что господина его преследовали несчастья, - чтобы

---

⁵⁵ Там же. – С. 100 – 101.

⁵⁶ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 173.

⁵⁷ Там же. – С. 518.

⁵⁸ Там же. – С. 565.

сердце не разорвалось»⁵⁹. В разговоре леди Харриет с лордом Холлингфордом о Молли: «потанцевав с ней, ты сказал, что она «умна и начитанна». Впрочем, мы не духи из «Тысячи и одной ночи», которые наперебой возглашали достоинства принца Каймара и принцессы Бадур»⁶⁰. Сказочные образы появляются в портретах персонажей: «Нет ничего удивительного, что мистер Питер стал любимцем Крэнфорда. Дамы восхищались им одна больше другой — ведь их тихая жизнь поразительно оживилась с приездом человека из Индии, тем более что человек этот рассказывал истории, которые посрамили бы самого Синдбада Морехода, и, как выразилась мисс Пул, сам был куда интереснее любой из сказок «Тысячи и одной ночи».⁶¹ «Он нарасказал мне множество историй, удивительно походивших на воспоминания барона Мюнхгаузена, и мне оставалось только прийти к заключению, что он надо мной подшучивает»⁶². «Руфь, — сказал он, возвратясь, — я видел твоего горбуна. Он выглядит, как Рике с хохолком из сказки Перро. И он вовсе не джентльмен. Если бы не горб, я бы и не узнал его по твоему описанию, ведь ты назвала его джентльменом».⁶³ «Ее характер такой же необычный, редкий как и ее красота! Храни ее Бог! – Два года – это долгое время. Но она живет здесь в таком уединении, почти, как спящая красавица, Пол... я вернусь из Канады, как принц, чтобы разбудить ее своей любовью. Я не могу не надеяться, Пол, что это будет несложно»⁶⁴.

Пэм Моррис в комментариях к роману ссылается на то, что в XIX веке сказкам приписывали сомнительный статус, поскольку многие видели в их

---

⁵⁹ Там же. – С. 729. В др. переводе есть ссылка: Сказка «Король-лягушонок, или Железный Генрих» братьев Гримм. Гаскелл перепутала имя «Верный Йохан» с именем героя из другой сказки.

⁶⁰ Там же. – С. 752.

⁶¹ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 267.

⁶² Там же. – С. 264.

⁶³ Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 76.

⁶⁴ Gaskell, E. Cousin Phillis. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/4268/4268-h/4268-h.htm> (дата обращения 1.11.2014)

несоответствии фактам и рациональности вред для детей. Она цитирует опровергающие этот тезис слова Диккенса, которые тот произнес в Манчестере в 1858 г. «...не позволяйте себе в похвальной погоне за фактами, что окружают нас, отрицать вымысел и воображение... Пусть у детей будут сказки...» и полагает, что Гаскелл, возможно, присутствовала при этом событии, во всяком случае, она была согласна с подобным мнением, и незнание Молли сказок указывает на тонкий подрыв Гаскелл рационализма мистера Гибсон.⁶⁵

В этой связи уместно обращение к тем новеллам Гаскелл, которые явно тяготеют к готике, столь востребованной английской литературой уже в конце XVIII века. В XIX столетии женщины-писатели были авторами многих историй о мистике и сверхъестественном. Они умели сочетать в своих произведениях элементы готических романов, сказок и научной фантастики. Такие писательницы как Мэри Шелли «Франкенштейн» (“Frankenstein”, 1818), Эмили Бронте «Грозовой перевал» (“Wuthering Heights”, 1847), Кэтрин Кроу «Рассказ итальянца», «Вокруг огня» (“The Italian’s Story”, “Round the Fire”), Эдит Несбит «Дети железной дороги» (“The Railway Children”, 1906), «Заколдованный замок» (“The Enchanted Castle”, 1907) внесли существенный вклад в развитие жанра мистической литературы. Среди них имя Элизабет Гаскелл⁶⁶.

Было бы упущением забывать об ее чудесных загадочных интригующих повестях и рассказах о потустороннем мире, в который она свято верила.

Однажды французскую писательницу Мадам де Дефан спросили: «Вы верите в привидений?» Она ответила: «Нет,...но я боюсь их». Если бы спустя столетие этот вопрос был задан Гаскелл, она бы вероятно сказала: «Нет,... но

---

⁶⁵ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. Е. Первушиной. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-reading.by/book.php?book=1033546>

⁶⁶ Davies, D.S. Introduction // E. Gaskell Tales of Mystery and the Macabre – Hertfordshire: Wordsworth Editions Limited, 2008. – P. vii.

я пишу истории о них, люблю рассказывать о призраках друзьям сидя у камина, а еще я видела их». В Элизабет Гаскелл уживались здравый смысл и суеверие. Ее любовь к историям о привидениях (ghost stories) может быть с легкостью подтверждена документально. А.У. Вард в своем вступлении к седьмому тому выпуска ее работ в Натсфорде отмечал: «Сверхъестественное всегда привлекало миссис Гаскелл. Ее воображению были свойственны человеческие заблуждения, основанные на страхе перед всем неизведанным»⁶⁷.

Многие письма Гаскелл могут служить свидетельствами ее суеверия. В одном из них она пишет о проблемах, связанных с новым домом, который она купила для себя и мужа в надежде на спокойную старость. Гаскелл называет этот дом «несчастливым» (unlucky house). Конечно, это можно принять за оборот речи, но хорошо известна вера англичан в несчастливый дом. И действительно именно хлопоты по дому отнимали у Гаскелл практически все время в последние годы ее жизни, и именно здесь с ней случился смертельный удар.

В письме к своей близкой подруге Элайзе Фокс Гаскелл рассказывает о поездке в Шоттери: «На одной из прогулок мы посетили место, где я уверена, жила спящая красавица (настолько оно было заросшим и глухим) и там я видела призрак! Да, видела!»

Обсуждая в письме к Мэри Хоуитт очерки «Среди бедных», Гаскелл описывает различные народные обычаи и приметы, в которые сама верит: «Увидеть комету к несчастью. Я всегда переживаю, когда вижу ее, т. к. заметила, что потом обязательно кто-нибудь заболеет... Нельзя планировать что-либо под кустом шиповника, это не сбудется». Несколькими абзацами

---

⁶⁷ Martin, C. A. Gaskell's Ghosts: Truths in Disguise // Nineteenth-century Literature Criticism /ed. by J. Witalec, 1999.– Vol.70. - P. 195.

ниже она пишет о неудачной попытке продолжить очерки: «Должно быть, мы обсуждали это рядом с шиповником, т. к. этому не суждено произойти».⁶⁸

Уильям и Мэри Хоуитт были среди тех друзей Гаскелл, которые разделяли ее пристрастие к мистическим рассказам. В своей автобиографии Мэри описывает сочельник 1850 года, когда Элайза Фокс и миссис Гаскелл гостили у них и всю ночь рассказывали истории о привидениях. Другая подруга Анна Теккерей Ричи считала, что у Гаскелл врожденный дар рассказчика. Это увлечение привело к первой публикации, в которой Гаскелл поведала историю, услышанную еще в школьные годы. Ее сочинение появилось под псевдонимом «Прекрасная леди» (a fair lady) в книге Уильяма Хоуитта «Посещение замечательных мест» (“Visits to Remarkable Places”, 1840). В нем она рассказала легенду о Шарлотте Клоптон. Во время эпидемии чумы эта молодая девушка заболела и, как всем казалось, умерла. Ее в спешке похоронили, т. к. боялись распространения болезни. Но через несколько дней умер еще один Клоптон. Когда его тело принесли в фамильный склеп, в свете факела люди увидели Шарлотту Клоптон в ее похоронном саване. Девушка стояла, прислонившись к стене. Она была мертва, но лишь недавно. В агонии отчаяния и голода она откусила кусочек своего белоснежного плеча. Исследователи отмечают интерес Гаскелл к деталям: свет факела, саван, поза девушки, кусочек плеча⁶⁹.

Несомненно, живя в Ланкашире и Чешире, Гаскелл испытывала интерес к людям этой местности, их фольклору, народным преданиям. Многие отражены в ее произведениях. Одну из таких историй Гаскелл рассказала ее подруга Шарлотта Бронте. Девушку соблазнил муж сестры, у нее появился ребенок. Сестры презирали ее, отец в гневе запер в комнате.

---

⁶⁸ Chapple J.A.V., Pollard Arthur. The Letters of Mrs. Gaskell. - Manchester: UP, 1966. – 1010 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://books.google.ru/books/about/The_letters_of_Mrs_Gaskell.html?hl=ru&id=9wsJAQAAIAAJ

⁶⁹ Martin, C. A. Gaskell’s Ghosts: Truths in Disguise // Nineteenth-century Literature Criticism /ed. by J. Witalec, 1999.– Vol.70. - P. 196.

Эта легенда легла в основу самого известного рассказа Гаскелл «История старой няньки» (“The Old Nurse’s Story” 1852).⁷⁰ Он единственный переведен на русский язык.⁷¹ Это произведение было впервые опубликовано в 1852 году в рождественском выпуске «Домашнего чтения» Диккенса (“Household Words”). История начинается вполне реалистично, внушая читателю обманчивое ощущение обыденности. Молодая няня Эстер, от лица которой ведется повествование, сопровождает осиротевшую мисс Розамунду в дом ее дальней родственницы. Далее следует описание размеренной жизни в поместье Ферневал, радость тетушки с появлением в доме ребенка. Но на фоне кажущегося благополучия начинают звучать зловещие мотивы. Игра на расстроенном органе призрака лорда Ферневала поначалу пугает Эстер, а затем становится чем-то привычным, присущим этому дому, ведь «она никому не причиняет вреда». Лишь позднее, когда жизнь Розамунды оказывается в опасности, выясняется вся печальная правда о прошлом ее тетушки: она была невольной виновницей гибели сестры и племянницы, чьи духи пришли забрать полюбившегося ей ребенка. В этой истории Гаскелл выступает не только как искусный рассказчик, но и талантливый психолог, показывая разные характеры, поведение людей в критической ситуации, рассматривая проблемы взаимоотношений внутри семьи, а также между женщинами, влюбленными в одного мужчину. Обе сестры, Мод и Грейс, виновны в случившемся несчастье, они горды, своевольны, честолюбивы, завистливы, не считаются ни с чем и ни с кем в достижении своей цели. С другой стороны они – жертвы тираничного отца, который «своей жестокостью разбил сердце бедной жены», и беспринципного музыканта, который соблазнил обеих, настроив друг против друга. Мод выходит замуж за возлюбленного, в тайне у нее рождается ребенок. Музыкант исчезает.

---

⁷⁰ Gaskell, E. The Old Nurse’s Story // Gaskell E. Tales of Mystery and the Macabre. – Hertfordshire: Worldworth Editions Limited, 2008. – P. 3 – 21.

⁷¹ Гаскелл, Э. Рассказ старой няньки // Дом с призраками: Английские готические рассказы / Пер. с англ. – СПб.: Азбука-классика, 2005. - С. 60–82.

Грейс, узнав о случившемся, из зависти и мщения рассказывает обо всем отцу. Он не раздумывая выгоняет из дома свою дочь и внука в лютой мороз. В результате ребенок погибает на руках у обезумевшей от горя матери, старый лорд умирает через год, а мисс Грейс вынуждена провести остаток жизни, терзаясь угрызениями совести. Несмотря ни на что, у читателя возникает сочувствие к мисс Грейс благодаря тону рассказчика и ее явному раскаянию в предательстве сестры. Для самой Гаскелл связь между сестрами должна быть непоколебима. Важность, которую она придавала этим отношениям, очевидна, как и из писем о ее собственных четырех дочерях, так и в любви между сводными сестрами в «Женах и дочерях». В концовке рассказа предательница наказана смертельной болезнью, а главное пониманием своей беспомощности, которая выражена в ее последних словах: «Содеянного в юности потом не исправить!»⁷²

Еще один рассказ, в котором осознание допущенной ошибки приходит слишком поздно – «Ведьма Лоис» (“Lois the Witch”, 1861).⁷³ Это произведение было опубликовано в 1858 году в журнале Диккенса «Круглый год» (All the Year Round). Действие происходит в разгар охоты на ведьм в 1692 году в Салеме. История основана на реальных событиях. Прототипом главной героини стала Ребекка Нерс, которую казнили как ведьму. Для написания этой книги Гаскелл изучала исторические сведения по «Сборнику материалов по черной магии и колдовству» Чарльза Апхема (“Lectures on Witchcraft”, 1831). Гаскелл долго критиковали за включение в повествование дословной передачи заявления салемских судей, в котором они признавали свою вину в вынесении смертного приговора более чем семидесяти пяти людям.⁷⁴ Уже из названия понятно, что ждет героиню этого произведения.

---

⁷² Там же. – С. 82.

⁷³ Gaskell, E. Lois the Witch // Gaskell E. Tales of Mystery and the Macabre. – Hertfordshire: Worldworth Editions Limited, 2008. – P. 85 – 162.

⁷⁴ Davies, D.S. Introduction // E. Gaskell Tales of Mystery and the Macabre – Hertfordshire: Wordsworth Editions Limited, 2008. – P. x-xi.

Осиротев, Лоис приезжает в Новую Англию к своему дяде, которого никогда прежде не видела. Она попадает в мир, совершенно чуждый ей – мир, в котором царят пуритане, страх перед индейцами и ненависть к ведьмам; в семью, где люди не понимают друг друга. Дядя вскоре умирает, оставляя ее один на один с безразличной кузиной, нелюбящей тетей и кузеном, помешанным на мысли об их скорой свадьбе (так ему велел Бог). В этом нездоровом обществе уравновешенность, доброта и человеческое достоинство Лоис кажутся аномальными. Она просто не сможет выжить здесь. Для миссис Гаскелл было нетрудно противопоставить великодушие своей героини и безнравственность Салема, этого отличия было достаточно, чтобы признать Лоис виновной в колдовстве. Реалистичное изображение среды, характер происходящего, умелое изменение скорости повествования, антитеза героев – все это делает данный рассказ одним из выдающихся произведений малой прозы.

В произведении «Бессребреница Клара» (“The Poor Clare”, 1856),⁷⁵ вышедшем в 1856 году в «Домашнем чтении» Диккенса, Гаскелл обращается к повествованию о давно прошедшем времени. Действие происходит в XIII столетии на северо-востоке от Ланкашира. Это история о паранормальных необъяснимых событиях, причиной которых становятся разногласия между людьми. Когда вспыльчивый сквайр убивает собаку дочери старой ирландки Бриджит Фицджеральд, та проклиняет его. Она предсказывает, что самое дорогое ему существо, станет «ужасным и ненавистным для всех» (“a terror and a loathing to all”). Ее месть оборачивается против нее самой: величайшая любовь сквайра – его дочь Люси. Она же – дочь женщины, соблазненной им в прошлом, - Мэри Фицджеральд, т. е. внучка Бриджит. Проклятие – злой двойник Люси, который изводит ее, изолирует ото всех окружающих. Судьба главной героини показана нам от лица молодого адвоката, присланного

---

⁷⁵ Gaskell, E. The Poor Clare // Gaskell E. Tales of Mystery and the Macabre. – Hertfordshire: Wordsworth Editions Limited, 2008. – P. 37 – 84.

изучить семейный бизнес Фицджеральдов⁷⁶. Его повествование перемежается с рассказами других участников истории, в итоге получается детальное подробное изложение происходящего. Особенно поразительный момент, когда Люси описывает читателю своего двойника, отраженного в зеркале. Разительный контраст между невинной Люси и ее злым Альтер-эго вдвойне пугающий, т. к. описан самой жертвой: «В большом зеркале напротив я увидела себя и, чуть позади, другую злую страшную себя, на столько похожую на меня, что моя душа содрогнулась, не зная какому телу принадлежит...Я упала в обморок... И даже пока я была без сознания, все видели моего двойника. Она бралась то за одно, то за другое дело, всегда за что-нибудь вредное отвратительное»⁷⁷. В итоге католичка Бриджит раскаивается, искупает свой грех. Проклятие снимается, когда она приносит себя в жертву, как бессребреница Клара, в революционном Антверпене. Самая поразительная черта этого рассказа – это те драматические эффекты, которые использованы, чтобы показать роковое раздвоение между внешней и внутренней сущностями.⁷⁸

Сказочные аллюзии, как и мотивы тайны усиливают тенденцию творчества Гаскелл к тому, чтобы показать волшебство обычного мира, счастье повседневного мирного достойного существования. В своих мистических историях Гаскелл поднимает всегда актуальные проблемы брака, семьи, взаимоотношений между людьми, сложности человеческой личности. В контексте всего ее творчества очевидна тенденция к расширению этого личного пространства человеческой жизни за счет «освещения его лучом воображения».

---

⁷⁶ Foster, S. Elizabeth Gaskell's Shorter Pieces // The Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell/ ed. by Jill L. Matus. - Cambridge : Cambridge UP, 2007. – P. 124.

⁷⁷ Gaskell, E. The Poor Clare // Gaskell E. Tales of Mystery and the Macabre. – Hertfordshire: Wordsworth Editions Limited, 2008. – P. 79.

⁷⁸ Foster, S. Elizabeth Gaskell's Shorter Pieces // The Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell/ ed. by Jill L. Matus. - Cambridge : Cambridge UP, 2007. – P. 125.

4.2. Мотивы моря

Викторианская культура включает в себя ритуалы повседневности, замкнутость, союз с природой, спокойное размеренное существование. В значительной степени замкнутое существование – это составляющий элемент английскости, национального менталитета англичан, который закладывается именно в XIX столетии. Изучением понятия «английскость» занимаются такие науки как социология, культурология, филология, философия и история как в Великобритании, так и в России. В отечественном литературоведении данной тематике посвящены работы Сатюковой Е.Г., Зброжек Е.В., Петросовой Е.Г. и других. Под английскостью принято понимать национальный менталитет англичан, «идиосинкретические культурные нормы Англии и английского народа». Как отмечает Сатюкова Е.Г., идейно-тематический контекст английскости в художественном произведении представлен следующими основными аспектами: география, мифы и реалии истории, бытия и быта, архитектура, интерьер, мода. Образный контекст понятия, прежде всего, связан с проявлением в характере персонажей качеств английского национального характера. Под английскостью принято понимать национальный менталитет англичан, «идиосинкретические культурные нормы Англии и английского народа». «Английскость» тесным образом связана с проблемой самоидентификации нации в XXI веке, попыткой вычленив английскую культуру из культуры Объединенного Королевства Англии и Северной Ирландии. Используемое в таких науках, как социология, философия, культурология, психология, понятие «английскость» становится предметом современных академических литературоведческих исследований. Как отмечает Е.Г. Сатюкова, происходит процесс формирования английскости в качестве литературоведческой

категории, которая требует теоретического осмысления с целью определения и включения в литературоведческий понятийный контекст⁷⁹.

Профессор английского языка и культурологии университета в Манчестере, Энтони Истхоуп в своем убедительном исследовании «Английскость и национальная культура»⁸⁰ утверждает, что типичные рассуждения об английскости структурированы по укоренившейся философской традиции: эмпиризму. В поддержку своего мнения он приводит многочисленные примеры из высокой и популярной культуры, начиная философскими и литературными трудами и заканчивая ежедневной прессой и аспектами английского чувства юмора. «Английскость и национальная культура» подчеркивает глубокую связь между прошлым и настоящим.

Нужно отметить другие интересные работы по данной тематике: Рос Пул «Нация и идентичность», Кришнан Кумар «Английскость и английская национальная идентичность», «Формирование английской национальной идентичности», диссертация Уильяма Бертолета «Британская индивидуальность и другие германцы»⁸¹.

Однако нельзя забывать, что наряду с понятием «английскость», существует термин «британскость». Англия как морская держава известна еще со времен правления Елизаветы I. Профессор английского языка Темпльского университета, Сэлли Митчелл, в своей книге о викторианской Англии изображает ситуацию в стране и называет этот период эпохой империи. Само слово империализм возникло в конце 1870-х годов для описания происходящих в мировой геополитике процессов. Основными империями того времени были Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Бельгия США, Япония, при этом Великобритания была самой успешной из

---

⁷⁹ Сатюкова Е.Г. Феномен «английскость» в творчестве Свифта: автореферат дисс. канд. филол. наук. - Астрахань, 2012. – С.4.

⁸⁰ Easthope, A. Englishness and national culture. – L.: Routledge, 1999. – 243 p.

⁸¹ Poole, R. Nation and Identity, 1999. Kumar, K. Englishness and English National Identity, 2000. Kumar, K. The Making of English National Identity, 2003. Bertollette, W.F. British Identity and German Other, 2012.

них. К празднованию 60 лет правления Виктории - бриллиантового юбилея в 1897 году в ее империи проживала одна четвертая населения планеты.

Англичане испытывали чувство национальной значимости. Первопроходцев, исследователей и солдат чествовали в газетах, песнях и историях. В журналах для мальчиков разыгрывались бесчисленные вариации на тему завоеваний и приключений. Из английских заморских владений ввозилось сырье для промышленности, новые продукты питания, одежда, аксессуары, входившие в повседневное потребление в Англии. Наличие колоний способствовало экономической мобильности. Эмиграция в Канаду, Австралию, Новую Зеландия и Южную Африку расширяла возможности работающих мужчин и женщин. Образованные люди уезжали за границу, там скромный клерк из торговой фирмы или государственного бюро мог получить статус и уровень жизни, который невозможно было представить на родине¹. Даже самый скромный англичанин в викторианскую эпоху ощущал себя жителем империи. В литературе это нашло отражение в обращении к колониальной тематике, популярности «морского» романа. Т.Г. Струкова посвятила свою диссертацию жанру морского романа и его особенностям в литературе Англии. Она подчеркивает, что этот жанр, и метафора моря, ставшая сквозной в различных поэтических и прозаических произведениях, являются национальными приметам английской литературы².

Море для англичан – неотъемлемая часть их существования, они не могут представить свою жизнь без него. Как писал Джозеф Конрад: «Это могло случиться только в Англии, где люди и море — если можно так выразиться — соприкасаются: море вторгается в жизнь большинства людей,

---

¹ Mitchell, S. Daily Life in Victorian England. - Westport: Greenwood Press, 2009. – P. 273.

² Струкова, Т.Г. Жанр нравоописательного романа и его модификации в английской литературе XIX-XX в.в.: дис. ... доктора филол. наук / Струкова О.А. . - М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1999. – С. 3.

а люди познают о море кое-что или все, развлекаясь, путешествуя или зарабатывая себе на кусок хлеба»¹.

Элизабет Гаскелл не писала морских романов, в своих работах писательница отражала реалии окружающей ее действительности. Однако тема моря была близка викторианцам, и она не могла обойти ее стороной. В произведениях Гаскелл мы встречаем моряков, каждый играет важную роль в развитии сюжета. Следует помнить, что в семье писательницы тоже были моряки. У ее отца было много родственников на флоте, включая братьев, воевавших с Наполеоном в составе службы английского флота. И хотя сам мистер Стивенсон не пошел по их стопам, истории о его родственниках могли побудить Гаскелл обратиться к морской теме в своих произведениях.

Примером этому может послужить исторический роман «Поклонники Сильвии», в котором Гаскелл повествует об исковерканных войной 1812 года судьбах. Действие происходит в приморском городке Монсхэвене, в котором «все зависели от охоты на китов, а каждый житель мужского пола либо уже был, либо мечтал быть моряком. Вся жизнь этого селения связана с морем, даже на расстоянии двадцати миль от берега все напоминало о море: морская торговля, моллюски, водоросли, отбросы плавильни, челюсти китов, болотистая местность, поросшая вереском. В каждой семье, даже если она занималась сельским хозяйством, как минимум один из сыновей уходил в море, и мать с тоской смотрела в сторону моря на резкие перемены направлений пронзительных ветров»².

В жизни писательницы была личная драма, связанная с морем. Родной брат Элизабет Гаскелл, на двенадцать лет старше нее, пропал без вести в море. Джон Стивенсон, следуя семейной традиции, большую часть своей

---

¹ Конрад Д. Собрание сочинений. В: 3 т. — М., 1996.

² Gaskell, E. Sylvia's Lovers. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.readcentral.com/chapters/Elizabeth-Gaskell/Sylvias-Lovers/002>

жизни провел в море на службе в Ост-Индской компании¹. Эта потеря оказала на младшую сестру значительное влияние, которое проявилось в тяге к необъяснимым исчезновениям и отразилось на ее творчестве: статья в «Домашнем чтении» - «Исчезновения» (“Disappearances”, 1851), такие персонажи, как изгнанный Питер в «Крэнфорде», пропавший муж в «Манчестерском браке», насильно завербованный Чарли Кинрэйд в «Поклонниках Сильвии». Тайное возвращение из ссылки брата Маргарет, моряка Фредерика, в «Севере и Юге» возможно воплощает исполнение мечты писательницы о возвращении собственного брата. При этом даже в вымышленной ситуации брат навсегда остается отделен от семьи и от родного дома². Мысли Маргарет передают переживания самой Гаскелл: «Бедный Фредерик! О, если бы Фредерик стал пастором, вместо того чтобы пойти на флот и исчезнуть для нас!»³

В своем первом романе «Мэри Бартон» Гаскелл описывает Уилла Уилсона как «смелого загорелого кудрявого моряка, с открытым, доброжелательным и приветливым лицом»⁴ В «Крэнфорде» Гаскелл показывает, как меняется отношение мистера Дженкинса к сыну, когда тот становится моряком: «он приехал лейтенантом, адмиралом он не стал. И они с отцом были такими друзьями! Отец посетил вместе с ним всех своих прихожан, он так им гордился! Он выходил из дома, только опираясь на руку Питера. Дебора улыбалась (мне кажется, после маминой смерти мы больше никогда не смеялись) и повторяла, что ее убрали в чулан»⁵. Главная героиня «Севера и Юга» вспоминает, как в детстве смотрела на своего брата –

---

¹ Foster, S. Elizabeth Gaskell: A Literary Life.- Hampshire: Palgrave Macmillan, 2002. - P. 8.

² Ibid. – P. 9.

³ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. - С. 21.

⁴ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 202.

⁵ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. - С.114.

«высокого подростка в форме гардемарина... с благоговейным трепетом».¹ Восемь лет спустя «ей нравилось смотреть на брата. У него были утонченные черты лица, утратившие изнеженность из-за смуглого цвета кожи и напряженного выражения. Его взгляд был, как правило, веселым, но временами глаза и очертания рта так внезапно менялись, что у Маргарет появлялась мысль о каком-то подавляемом чувстве, что почти пугало ее. Но этот взгляд появился только на мгновение, и в нем не было ни упрямства, ни мстительности. Это было скорее то мгновенное выражение свирепости, свойственное лицам всех выходцев из нецивилизованных и южных стран — свирепости, которая усиливает очарование сменяющей ее детской мягкости. Маргарет, возможно, боялась жестокости и импульсивного характера брата, но ничто не могло ее заставить не доверять или, по крайней мере, испытывать отвращение к нему. Напротив, их взаимоотношения имели для нее особое очарование с самого начала. Она узнала позже, как дорого ей придется заплатить за чувство абсолютного доверия, которое она испытывала в присутствии Фредерика. Он понимал своего отца и мать — их характеры и слабости — и вел себя с беспечной легкостью, которая была самой нежной заботой, не причиняющей боли и не ранящей их чувств. Он, казалось, интуитивно знает, когда естественная живость в его поведении и разговоре не будет раздражать отца или может облегчить боль матери. Всякий раз это делалось невзначай, его терпеливая преданность и бдительность превратились в игру и сделали из него восхитительную сиделку».²

В «Поклонниках Сильвии» морские офицеры описываются следующим образом: «Конечно же, brave офицеры были популярны в Монсхэвене... Они были храбрыми и отважными. Их поддерживал закон, поэтому их дело было правым. Они служили своему королю и стране. В их жизни было много возможностей для славы, триумфа и приключений. У них была уважаемая

---

¹ Гаскелл. Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. - С. 305.

² Там же. - С. 304-305.

профессия, требующая здравого смысла, подготовки, смелости, кроме того она взывала к присущей всем мужчинам странной любви погони».¹

Судя по этим описаниям, миссис Гаскелл свойственно идеализировать образы моряков. Таким образом романистка воспеваает Британскую империю. Несмотря на то, что Англия – это остров, это было могущественное крупнейшее из когда-либо существовавших государств с огромным количеством колоний. Расширяющаяся территория Британской империи оказывала влияние на жизнь викторианцев в различных аспектах, обогащая знания в садоводстве, расширяя словарь, формируя вкусы в одежде, еде и художественной литературе. Благодаря романам англичане узнавали о том, как живут их современники в колониях. Как отмечает Джеймс Льюис, морские романы Фредерика Чамира, Эдварда Ховарда, Майкла Скотта и Фредерика Марриета показали читателям мир морских приключений. Хотя в этих работах жизнь в колониях отображена очень поверхностно, они сформировали расовые стереотипы и привлекли внимание к произведениям, действие которых происходит экзотических странах.²

Гаскелл писала романы о повседневной жизни ее современников. Принято считать, что одной из характерных черт нравоописательных романов является замкнутость пространства. Жизнь героев неспешно проходит в гостиных их домов, садах и парках. Но в произведениях Гаскелл мы встречаем отсылки, упоминания и даже описания других стран, куда совершают путешествия персонажи. По разным причинам герои попадают в ту или иную страну, что приносит в их жизнь перемены. Мир для англичан открыт.

---

¹ Gaskell, E. *Sylvia's Lovers*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.readcentral.com/chapters/Elizabeth-Gaskell/Sylvias-Lovers/002>

² Louis, J.Dr. *The Victorian Novel*. - Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2006. – P.194.

Питер из «Крэнфорда» становится моряком после скандальной истории дома. «Его корабль отправился в Средиземное море или куда-то туда, а потом его перевели служить в Индию, а по суше тогда сообщения не было»¹.

Роджер из романа «Жены и дочери» отправляется в научную экспедицию в Африку на два года: «он отправлялся в жаркий климат... Вначале он должен был посетить Париж и провести собеседования с несколькими из тамошних ученых. Кое-что из его снаряжения...должно было следовать за ним в Гавр, откуда ему предстояло отплыть после завершения дел в Париже»². Роджер уехал из Англии, «намериваясь пройти вдоль восточного берега Африки до мыса Доброй Надежды и оттуда продолжить свое путешествие сообразно поставленным перед ним научным целям»³. Его брат рассматривает возможность уехать с женой в Австралию, как один из возможных способов сохранить семью с француженкой – каталичкой⁴. Синтия подумывает о работе гувернанткой за границей: «одна из моих подруг из пансиона мадам Лефевр стала гувернанткой в русской семье, они живут неподалеку от Москвы. Иногда я подумываю, что стоит ей написать, пусть подыщет мне место в России...»⁵ В итоге ее планы меняются, как отмечает мистер Гибсон: «главным для нее было поскорее сбежать оттуда, где она в данный момент предстала в довольно неприглядном свете, а к дядюшке Киркпатрику перебраться столь же надежно, как в какой-нибудь ледовый дворец в Нижнем Новгороде, при этом у дядюшки куда уютнее»⁶. После неудачного сватовства к мисс Киркпатрик мистер Хендерсон

---

¹ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. - С. 112.

² Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 442.

³ Там же. – С. 712.

⁴ Там же. – С. 313.

⁵ Там же. – С. 490.

⁶ Там же. – С. 700.

«отправился в долгое путешествие по Швеции – явно затем, чтобы попытаться забыть Синтию»¹.

Кузина Маргарет, Эдит, выйдя замуж за капитана, уезжает за границу. «В своих письмах она рассказывала об их прибытии на Корфу, о путешествии по Средиземному морю – о музыке и танцах на борту корабля. Веселая новая жизнь открывалась перед юной миссис Леннокс. У нее был дом с балконом, выходящем на белые утесы и глубокое синее море».² Фредерик не может вернуться на родину после мятежа на корабле. «И Фредерик был в Южной Америке много лет, не так ли?» «Да. А теперь он в Испании. В Кадисе или где-то рядом. Если он приедет в Англию, — его повесят. Я никогда не увижу его, потому что если он приедет в Англию, — он умрет».³ Испания становится для Фредерика домом, хотя и не по его воле. Герои другой книги, Мэри Бартон и Джем Уилсон, решают эмигрировать сами. Их надежды занять достойное место в Англии не оправдались. Мать Джема разочаровалась в этой стране: «Оно конечно, Америка, она очень далеко отсюда, наверно, намного дальше Лондона и совсем за границей. Да только Англия мне разонравилась с тех пор, как они, как дураки, схватили такого честного человека, как ты, и упрятали его в тюрьму. Я поеду с тобой куда хочешь. Может, в этих индейских странах уважают порядочных людей. Ладно, чего там говорить, сынок, я еду»⁴. Они переезжают в Канаду в надежде на счастливое будущее.

Уезжает по работе, а в итоге остается жить в Канаде возлюбленный Филлис, мистер Холдсворт: «... тем вечером я попросил священника особо помолиться за тех, кто вышел в море, но он сказал, что мистер Холдсворт должно быть уже причалил. На что я ответил, что если даже эта молитва не

---

¹ Там же. – С. 589.

² Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 82.

³ Там же. – С. 136.

⁴ Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. - С. 530.

поможет ему, без сомнения она пригодится кому-то другому, кто нуждается в Божьей защите. Филлис и я были уверены, что он проведет в море целый месяц»¹.

В своих романах Гаскелл показала любовь англичан к заморским товарам. Женщины обожают индийские шали. Они упоминаются в «Крэнфорде» и «Севере и Юге» несколько раз: «На другой день ей (миссис Дженкинс) пришла посылка из Индии от ее бедного мальчика (Питера)! Это была индийская шаль, пушистая и белая, с узенькой каемочкой по краю, как раз такая, какая понравилась бы маме... Как раз такая, о какой она мечтала перед свадьбой, а мать ей не купила. Я (мистер Дженкинс) узнал об этом только много времени спустя, иначе у нее была бы такая шаль... да, была бы. И вот теперь она у нее будет».² «Спускаясь вниз по лестнице с шаями, Маргарет вдыхала их пряный восточный аромат. Тетя попросила ее продемонстрировать шали гостям, т. к. Эдит все еще спала. Пышные волны и складки ярких тканей, которые совершенно подавили бы миниатюрную Эдит, эффектно подчеркивали прекрасную фигуру ее высокой, стройной подруги, одетой в черное шелковое платье в знак траура по какому-то дальнему родственнику. Маргарет молча и терпеливо стояла прямо под люстрой, пока тетя расправляла складки. Случайно повернув голову, она увидела свое отражение в зеркале над камином и улыбнулась: подумать только, собственное, такое привычное лицо – и в наряде принцессы. Она нежно касалась шалей, наслаждаясь их мягкостью и богатой расцветкой, и, как ребенок, радовалась, что так великолепно выглядит в них. В этот момент дверь отворилась, и вошел Генри Леннокс. Некоторые леди отошли назад, как будто устыдившись исконно женского интереса к нарядам. Миссис Шоу протянула руку вошедшему. Маргарет стояла совершенно спокойно, думая,

---

1 Gaskell, E. Cousin Phillis. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/4268/4268-h/4268-h.htm> (дата обращения 1.11.2014)

² Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 112-113.

что она, может быть, еще понадобится в качестве модели для демонстрации шалей».¹

Кроме шалей Гаскелл упоминает тюрбан, о котором мечтает мисс Мэтти². Ее брат дарит ей платье из индийского муслина.³ В «Женах и дочерях» платье для Молли к свадьбе отца шьют из «прекрасного индийского муслина».⁴ В Хэмли-Холле были «занавеси из индийского набивного ситца... на полочке стоял индийский кувшин с сухими лепестками ... в гостиной старинный индийский фарфор».⁵ В помещичьем доме милорда Камнора мы встречаем «индийские шкафчики и фарфоровые сосуды, издающие пряные ароматы»⁶.

Когда банк мисс Мэтти разоряется и ей приходится зарабатывать себе на жизнь, из всех продуктов для продажи выбирают именно чай. Торговля этим колониальным товаром не является зазорным даже для леди из Крэнфордского общества: «А почему бы мисс Мэтти не начать торговать чаем? Почему бы не стать агентом Индийской чайной компании, существовавшей в те годы? Я не могла обнаружить в этом плане никаких темных сторон, а преимуществ он сулил много — конечно, при условии, что мисс Мэтти согласится снизить до столь плебейского занятия, как торговля. Чай не был ни сальным, ни липким, что было важно, т. к. мисс Мэтти не переносила ничего сального и липкого...»⁷

Тема моря проходит лейтмотивом в творчестве Гаскелл, его описание является фоном переломных событий сюжета. В «Севере и Юге»

---

¹ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 12 – 13.

² Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. - С. 150.

³ Там же. – С. 263.

⁴ Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 183.

⁵ Там же. – С. 76 – 77, 80.

⁶ Там же. – С. 185.

⁷ Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. - С. 234.

писательница рисует морской пейзаж: «Здесь, на курорте, все дышало мечтательной расслабленностью, манило к отдыху и наслаждению. Отдаленное море, мерный плеск волн на песчаном берегу... Они гуляли по пляжу, дышали морским воздухом, мягким и теплым на этом побережье даже в конце ноября. На горизонте море, утопавшее в легкой дымке, сливалось с нежными красками неба. Белый парус далекой лодки серебрился в неярком солнечном свете. Маргарет была готова день за днем наслаждаться грезами, которые подарило ей настоящее, не смея вспоминать о прошлом, и не желая размышлять о будущем».¹ Атмосфера мира и покоя кажется затишьем перед бурей. Это поворотный момент в жизни героев, после которого все изменится навсегда.

Мэри Бартон в одноименном романе пытается спасти жизнь своего возлюбленного, преследуя корабль, который собирается выйти в открытое море. Судьба главных героев зависит от скорости течения и направления ветра: «Он забыл (а может быть, не хотел напоминать об этом Мэри), что этот же самый ветер, благодаря которому так быстро и легко скользило вперед их суденышко, благоприятствует и «Джону Кропперу».

Но пока они, напрягая зрение, вглядывались вдаль, измеряя все сокращавшееся расстояние между ними и кораблем, паруса на нем развернулись, захлопали на ветру, потом надулись, и корабль закачался, содрогаясь, будто живое существо, которому не терпится поскорее двинуться в путь».² В итоге Джем оправдан благодаря свидетельским показаниям моряка.

Кульминация романа «Руфь» проходит на морском побережье: «она обернулась и посмотрела на море. Начинался отлив, волны медленно отступали, словно бы нехотя отпуская на волю желтые пески, которые им

---

¹ Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 73.

² Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. - С. 403.

еще так недавно удалось захватить. Их вечный, от Сотворения мира продолжающийся стон отдавался у нее в ушах. Его прерывали только резкие крики серых чаек, кружившихся у края воды. Временами чайки плавно взмывали вверх, и солнце высвечивало их белые грудки. Кругом не было видно ни малейшего признака человеческой жизни: ни лодки, ни паруса вдали, ни ловцов креветок. Одни только черные столбы напоминали о трудах человека. Вдалеке, за водной равниной, виднелись почти прозрачные сероватые горы, которые можно было принять за дымку. Вершины их обозначались хотя и слабо, но ясно, а основания терялись в тумане».¹ Автор подчеркивает превосходство дикой природы над человеческими существами. Так и моральные принципы Руфь побеждают ее человеческие слабости. За годы разлуки Руфь стала сильной цельной личностью, она в состоянии отказать беспринципному человеку, не смотря на то, что она до сих пор любит его.

Значимость морской тематики в английской викторианской литературе отражает гордость англичан своей великой страной - огромной империей. Элизабет Гаскелл, используя метафору моря в своем творчестве, показывает реалии жизни в Англии XIX столетия и выражает свое личное отношение.

Отмеченная в этой главе склонность Гаскелл к изображению потусторонних, мистических сил свидетельствует, конечно, не о ее суеверии, хотя эта черта характера и была ей присуща, судя по воспоминаниям современников. Речь здесь идет о ее фантазии, которую она не стремится ограничивать, что было бы вполне естественно в ее весьма рационализированную, наполненную многими ограничениями эпоху. Напротив, Гаскелл скорее культивирует саму идею воображения вслед за предшествующими и современными ей представителями романтизма. Благодаря этому она обнаруживает романтику в обыденном окружении,

---

¹ Гаскелл Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 308-309.

мотив тайны в прозаическом быте и тем самым расширяет границы повседневного мира своих героев. Прослеженный здесь мотив моря служит той же цели – открытию гораздо больших возможностей обыденной жизни, чем они представляются на первый взгляд. Разнообразие фрагментов ее произведений, связанных с морскими путешествиями, колониями, службой моряков, и т. д., создают определенный подтекст, соотносящий роман с национальной атмосферой первой половины XX века.

Значимость морской тематики в английской викторианской литературе отражает гордость англичан своей великой страной - огромной империей. Элизабет Гаскелл, используя метафору моря в своем творчестве, показывает реалии жизни в Англии XIX столетия и выражает свое личное отношение.

Отмеченная в этой главе склонность Гаскелл к изображению потусторонних, мистических сил свидетельствует, конечно, не о ее суеверии, хотя эта черта характера и была ей присуща, судя по воспоминаниям современников. Речь здесь идет о ее фантазии, которую она не стремится ограничивать, что было бы вполне естественно в ее весьма рационализированную, наполненную многими ограничениями эпоху. Напротив, Гаскелл скорее культивирует саму идею воображения вслед за предшествующими и современными ей представителями романтизма. Благодаря этому она обнаруживает романтику в обыденном окружении, мотив тайны в прозаическом быте и тем самым расширяет границы повседневного мира своих героев. Прослеженный здесь мотив моря служит той же цели – открытию гораздо больших возможностей обыденной жизни, чем они представляются на первый взгляд. Разнообразие фрагментов ее произведений, связанных с морскими путешествиями, колониями, службой моряков, и т. д., создают определенный подтекст, соотносящий роман с национальной атмосферой первой половины XX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Повседневность в современных гуманитарных науках рассматривается как самостоятельная, «единственно полная» реальность, имеющая фундаментальное значение. В культуре повседневности, которая представляет собой весь «объем культуры, актуализированной в человеческой жизнедеятельности сегодняшнего дня, здесь и сейчас»¹ отражаются национальные ментальные структуры, ценностные установки конкретного исторического периода. При всем разнообразии подходов к изучению повседневности в данной работе был принят тот, который предполагает исследование подобных структур.

Если в научном знании повседневность становится самостоятельной проблемой исследования только в XX веке, в литературном процессе её последовательная в художественном отношении репрезентация начинается значительно раньше, в эпоху Нового времени. В Великобритании это период XVIII столетия, когда формируется новый тип общественных отношений. В очерках, письмах, дневниках и в формирующемся реалистическом романе отражаются особенности нравов и быта современников. Английская эстетика Нового времени сочетает красоту и мораль, в том смысле, что «содержательность красоты основана на высоких моральных качествах». Синкретизм триады – критицизм, нравственность, эстетичность – остается национальной традицией на протяжении последующих столетий.

Наивысшего мастерства в изображении повседневной культуры достигают писатели–викторианцы, которые делают предметом своего изображения микромиры своих персонажей, эстетизируя повседневную жизнь, превращая обыденность, сознание своих персонажей, предметы повседневности в предметы искусства. Творческим методом этих писателей

---

¹ Луков, М.В. Культура повседневности // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2008. №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Lukov_MV/

стал реализм, понимаемый как стремление к правдоподобию изображаемого, максимально достоверному изображению социальной действительности. В высших своих достижениях реалисты творчески постигали «правду» жизни, в смысле, её сущностные закономерности.

Общая тенденция отражается и в творчестве одной из самых талантливых представительниц раннего викторианства Элизабет Гаскелл. В сознании читателей и литературной критики Гаскелл справедливо остается тем автором, который привлек внимание к бедственному положению рабочих и городской бедноты индустриальных городов. Особую ценность ее произведений представляет та особая модальность повседневности, которая воплощается в созданном ею художественном мире, то понимание действительности, которое характерно для обыденного сознания англичан-викторианцев, то видение реальности, которое обеспечивается специфическим комплексом установок здравого смысла.

Повседневность связана с частной жизнью человека, поэтому центром ее пространства становится дом. Чертой национального характера является представление о неприкосновенности дома как частного пространства, о внутренней защищенности человека в этом пространстве. В художественном мире Гаскелл обнаруживаются дома представителей среднего класса, джентри, промышленников, обедневших и сохранивших старинные состояния аристократов. Художественным открытием Гаскелл было введение в мир ее произведений жилищ бедняков, предметный мир которых характеризует систему ценностей писательницы, ее мировидение. Впервые в английской литературе гармония национального бытия ассоциируется с домом пролетария, с бытом тех, кто находится на самой низшей ступени социальной иерархии. Разрушение этого дома вследствие каких-то внешних обстоятельств символизирует трагическую несостоятельность этой национальной гармонии. Однако высшим достижением Гаскелл становится детальное прорисовывание комфорта, уюта, красоты домов ее персонажей. Нравственная чистота неизменно способствует созданию подлинно

красивого личного пространства, которое детализируется в соответствии со вкусами, уровнем жизни и образования персонажей произведений писательницы, т. е. эстетически идеализируется то главное для англичанина пространство бытия, которое соответствует «моральному чувству». Художественная красота дома во всем визуальном богатстве представленная в романах Гаскелл, явно непосредственно предшествует открытиям прерафаэлитов, эстетической концепции дома У. Морриса.

Вторым центром пространства повседневности становится сад. Особое отношение к природе, пейзажу, саду является важнейшей характеристикой «englishness» и влияет на ее формирование. Культ природы в викторианской Англии вылился в стремлении окружить себя чем-то первозданным, нерукотворным. Сад выступает местом единения человека и природы. Специфика английского сада заключается в его естественности, что определяет слияние сада и пейзажа. В этом синтезе важной составляющей является живописность, означающая не столько некую естественную «красивость», сколько особый стиль жизни и, шире, особую философию слияния с миром. В эстетическом плане интересен аспект слияния искусственного и естественного, актуализированный в исследуемых произведениях.

Важным качеством искусства жизни англичан викторианской была культура общения. Мастерство ведения беседы, включающее в себя и правильную речь, и кругозор, и необходимые представления о нравственности, означало одновременно и приобщенность личности к этическим нормам общества, и умение жить полноценной, достойной жизнью. Соответственно, на первый план выходят проблемы образования, которые и находят всемерное отражение в романах Гаскелл. Одним из заметных мотивов в том плане становятся отсылки к античной культуре, что лишней раз подтверждает историческую достоверность этих произведений: это был период бурного увлечения античностью. Лейтмотивом становится книга - необходимая, может быть, главная часть английской повседневности,

культивирующей чтение и знание как таковое. Детализация повседневного общения достигается и за счет ювелирно точных речевых характеристик героев.

Дополнительный смысл в повседневную реальность привносят отсылки к сказочным сюжетам и образам, к мистическим, рационально не объяснимым силам, имеющие место в ряде произведений Элизабет Гаскелл. В сочетании с приемами изображения центров повседневности эти элементы производят вполне определенный эстетический эффект. Приватное, частное пространство обыденной жизни обнаруживает тенденцию к переходу за границы обычного восприятия. «Луч воображения» наделяет прекрасными волшебными качествами самые обычные предметы и тривиальных людей. Нет примитивности в повседневности викторианцев, их мир полон чудес. Эта идея может быть дополнена рядом дополнительных мотивов – в том числе морским, не только характерным для ментальности гражданина британской империи, но и привнесившим множество специфических деталей частной жизни, которые насыщают жизнь сухопутных англичан естественным для их быта ароматом странствий, динамики, изменений. Подобное расширение границ повседневности предвосхищает основные качества произведений английского магического реализма, ставшего заметным течением в литературе Великобритании на рубеже XX-XXI веков.

Таким образом, представление о социальном реализме Элизабет Гаскелл существенно расширяется посредством исследования ее произведений с точки зрения отраженной в них повседневности. Эстетизируя обыденный мир своих современников, Гаскелл является одним из создателей той модели повседневной жизни, которая впоследствии будет названа викторианской. Ее творчество способствует тому, что подобная модель оказывается притягательной для ее соотечественников в конце XX века и служит основой идеологии неовикторианства.

БИБЛИОГРАФИЯ

I

1. Gaskell, E. Mary Barton. – L.: Penguin Group, 1994. – 372 p.
2. Gaskell, E. Cranford. – L.: Penguin Group, 1994. – 228 p.
3. Gaskell, E. Ruth. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.online-literature.com/elizabeth_gaskell/ruth/4/ (дата обращения 1.10.2015)
4. Gaskell, E. North and South. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.online-literature.com/elizabeth_gaskell/north-south/ (дата обращения 25.09.2015)
5. Gaskell, E. Sylvia's Lovers. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.readcentral.com/chapters/Elizabeth-Gaskell/Sylvias-Lovers/002> (дата обращения 20.10.15)
6. Gaskell, E. Tales of Mystery and the Macabre. – Hertfordshire: Worldworth Editions Limited, 2008. – 305 p.
7. Gaskell, E. Cousin Phillis. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/4268/4268-h/4268-h.htm> (дата обращения 1.11.2014)
8. Gaskell, E. Wives and Daughters: An Everyday Story. – Hertfordshire: Wordsworth Classics, 2003. – 596 p.
9. Гаскелл, Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 544 с.
10. Гаскелл, Э. Крэнфорд: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 288 с.
11. Гаскелл, Э. Руфь: Роман / Пер. с англ. А.Д. Степанова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 480 с.
12. Гаскелл, Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 544 с.
13. Гаскелл, Э. Жены и дочери: Роман / Пер. с англ. И. Проценко, А. Глебовской. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 800 с.
14. Гаскелл, Э. Рассказ старой няньки // Дом с призраками: Английские готические рассказы / Пер. с англ. – СПб.: Азбука-классика, 2005. - С. 60–82.

II

15. Аберкромби, Н., Хилл, С., Тернер, Б.С. Социологический словарь. / Пер. с англ. Общ. ред. С.А.Ерофеева. —2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. – 620 с.
16. Аникин, Г.В., Михальская, Н.П. История английской литературы: учеб. Пособие для студентов пед. университетов и факультетов ин. яз. – М.: Высшая школа, 1975. – 528 с.
17. Аникст, А. А. История английской литературы. – М.: Учпедгиз, 1956. – 483 с.

- 18.Аффельма, Л. Элизабет Гаскелл: моралист викторианской эпохи / Пер. с англ. Л.И. Мусохрановой // Вестник Волгоградского гос. университета. Сер.7. Социология и социальные технологии. – 2007. № 6. - С. 170 - 176.
- 19.Ахутин, А.В. Мир повседневности // Теоретическая культурология. - М., Екатеринбург, 2005. – 605 с.
- 20.Ашкеров, А.Ю. Эстетика возвышенного и эстетика повседневного: миф о первоисточке творчества в контексте наивного искусства / Материал из свободной русской энциклопедии «Традиция» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://traditio.ru/wiki/Андрей_Ашкеров:Эстетика_возвышенного_и_эстетика_повседневного
- 21.Бабаева, А.В. Эстетика в повседневном мире / А.В. Бабаева // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века: матер. науч. конференции. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. - С. 13 – 15.
- 22.Баркова, Е.В. Динамика эстетического вкуса в культуре повседневности XX века: автореферат дисс. канд. филол. наук. – СПб, 2014. – 34 с.
- 23.Барт, Р. Эффект реальности// Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М.: Прогресс, Универс, 1994. – С. 392 - 400.
- 24.Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
- 25.Биография Н.Н. Козловой [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ff-rggu.ru/mem/kozlova_nn/
- 26.Блок, М. Апология истории или ремесло историка. - М.: Наука,1986. - 254 с.
- 27.Богатова, С.М. Концепт "дом" как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Богатова Софья Михайловна; Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2006. – 176 с.
- 28.Богачёв, Р.Е. Отражение английской языковой картины мира в концептах "home", "freedom", "privacy", "common sense": автореферат дисс. канд. филол. наук. - Белгород, 2007. – 22 с.
- 29.Боголюбова, С.Н. Повседневность: пространство социальной идентичности: дисс. ...д-ра философ. наук: 09.00.11 / С.Н. Боголюбова. – Ростов-на-Дону: Южный федер. ун-т, 2011. - 250 с.
- 30.Боноли, Л. Описание реальности / Bonoli L. Ecritures de la realite //. - Р., 2004. - N 137. - P. 19-33.
- 31.Бородавкина, Н.В. Роль публичных школ в общественно-политической жизни викторианской Англии: Итон / Известия саратовского университета. сер.: история. м\н отношения. - Саратов, 2010. – Вып.1. - Том 10. - С.77-81.
- 32.Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Т.1 Структуры повседневности: возможное и невозможное. / Пер. с фр. – М.: Весь мир, 2006. – 592 с.

33. Бычков, В. В. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века (автор проекта, ведущий автор, руководитель авторского коллектива, отв. редактор В. Бычков). — М.: РОССПЭН, 2003. — 607 с.
34. Бэкон, Ф. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aforizmov.net/search.html>. (дата обращения 20.11.2014).
35. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос: Пер. с англ., нем., фр. - М.: Прогресс, 1991. - С. 39 – 50.
36. Венедиктова, Т.Д. Секрет срединного мира. Культурная функция реализма XIX века // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000-2000. / Под ред. Л.Г. Андреева. - М.: Высшая школа, 2001. - С. 186-220.
37. Виолле-ле-Дюк, Э. Э. Жизнь и развлечения в средние века. — СПб.: Евразия, 2003. — 384 с.
38. Возмилкина, В.О. «Быть мужчиной вульгарно», или гендерные границы комментирования романа Э. Гаскелл «Крэнфорд» // Пограничные процессы в литературе и культуре: сб. статей / общ. ред. Н.С. Бочкарева, И.А. Пикулева. - Пермь, 2009. — С.120 – 124.
39. Возмилкина, В.О. Романы Э. Гаскелл в истории английского социального романа: дисс. канд. филол. наук: 10.01.03 / В.О. Возмилкина. — Екатеринбург: Ур. гос. пед. ун-т, 2015. — 226 с.
40. Воротынцева, К.А. Поэтика повседневности в аспекте действительности героя // Критика и семиотика. - М., 2010. - Вып. 14. - С. 276 – 292.
41. Гениева, Е.Ю. Жемчужины в короне // Эти загадочные англичанки. — М.: Прогресс, 1992. — 530 с.
42. Гинзбург, Л. Литература в поисках реальности // Вопросы литературы. — 1986. № 2. — С. 98 – 138.
43. Гиро, П. Быт и нравы древних римлян. — Смоленск: Русич, 2000. - 576 с.
Гиро, П. Быт и нравы древних греков. — Смоленск: Русич, 2000. - 624 с.
44. Гончаренко, Е.В. Повседневная жизнь человека в философской и художественной антропологии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Философия. Культурология. Политология. Социология. - 2009. № 2. - Том 22 (61). - С. 56 – 61.
45. Гончаренко, Е.В. Проблема определения категории повседневности в литературоведческом дискурсе [Электронный ресурс] — режим доступа: // URL: www.vspu.ac.ru
46. Горбашова, Г.Ф. Викторианская эпоха: образ жизни англичан XIX века // Актуальные проблемы всеобщей истории. — 2007. — С. 39 – 48.
47. Городнянский, А. Английские сады [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.greeninfo.ru/landscape/garden_style.html/Article/_aID/3193 (дата обращения 20.11.2014).
48. Гражданская, З. Э. Гаскелл — «Мэри Бартон». // Ученые записки МОПИ, т. 37, Труды кафедры зарубежной литературы, вып.8. — М., 1956. С. 77 – 105.

- 49.Гражданская, З.Т. От Шекспира до Шоу: Английские писатели XVI – XX в.в. - М.: Просвещение, 1992. – 191 с.
- 50.Грехнёв, В.С. Социальное пространство быта //Философия и общество. - 2009. - №2. - С.20 – 37.
- 51.Громова И.А. Среда и личность в романах Даниэля Дефо: дисс. канд. филол. наук: 10.01.03 / И.А. Громова. – Нижний Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т, 2005. – 176 с.
- 52.Гуляев, Н.А. Характер изображения жизни в критического реализма [Электронный ресурс] — режим доступа: // URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000033/st020.shtml>
- 53.Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы в XXI веке / под ред. Т.Г. Струковой. – Воронеж: ВГПУ, 2011. – 174 с.
- 54.Гуссерль, Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.— 464 с.
- 55.Демидова, О. Р. Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России (1850– 1870-е годы): дис. ... канд. филол. наук / Демидова О.Р. - Л., 1990. - 242 с.
- 56.Диттрич, Т.В. Повседневная жизнь викторианской Англии. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 382 с.
- 57.Елистратова, А. Гаскелл // История английской литературы. – М.: АН СССР, 1955. - Т. 2, Вып. 2. - С. 381 – 394.
- 58.Елистратова, А. Предисловие к роману Э.Гаскелл «Крэнфорд». - М.: Художественная литература, 1973. – С. 5 – 19.
- 59.Забелин, И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях: В 2 т. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1895-1901. - Т.1. - 759 с., Т. 2. - 788 с.
- 60.Зброжек, Е.В. Викторианство в контексте культуры повседневности / Е.В. Зброжек // Известия Уральского государственного университета. — 2005. — №35.-С. 28-44.
- 61.Зиннатуллина, З.Р. Дом как сфера повседневности в романе Джона Фаулза «Дэниел Мартин» // Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы перспективы развития в XXI веке: материалы II Всероссийской научно-практической интернет-конференции. – Воронеж: Воронеж. ГПУ, 2011. – С. 106-111.
- 62.Зыкова, Е.П. Литературный быт и литературные нравы Англии в XVIII века: искусство жизни в зеркале писем, дневников, мемуаров. - М.: ИМЛИ РАН, 2013. – 232 с.
- 63.Ивашева, В.В. «Век нынешний и век минувший...». Английский роман XIX века в его современном звучании». - М.: Художеств. литература, 1990. – 479 с.
- 64.Ивашева, В.В. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. - М.: Художеств. литература, 1974г.- 464с.
- 65.Ивушкина, Т.А. Социолингвистические аспекты развития английской речи: на материале речевых характеристик представителей высш. кл.

- Великобритании в произведениях англ. художественной литературы: автореферат дис. ... доктора филол. Наук / Ивушкина Т.А. – М.: Моск. Гос. Ун-т им. М.В. Ломоносова, 1998. – 295 с.
66. Ингер, А.Г. Голдсмит-эссеист и английская журналистика XVIII века. Голдсмит Оливер. Гражданин мира. Серия «Литературные памятники». – М., 1974. – 23 с.
67. История зарубежной литературы XIX века: Учеб. пособие / Н.А. Соловьева, В.И. Грешных, А.А. Дружинина и др.; Под ред. Н.А. Соловьевой. – М.: Высшая школа, 2007. – 656 с.
68. Кабанова, И.В. Век существования теории повседневности: первые итоги // Гуманитарные аспекты повседневности: проблемы и перспективы развития в XXI веке. – Воронеж, 2011. – С. 30 - 41.
69. Кабанова, И.В. Повседневность в современном историческом романе: романы Хилари Мантел о Томасе Кромвеле // Материалы конференции «Гуманитарные аспекты повседневности». – 2014. [Электронный ресурс] — режим доступа: // URL: <http://www.vspu.ac.ru/text/povsednevnost>
70. Касавин, И.Т., Щавелев, С.П. Анализ повседневности. – М.: Канон+, 2004. — С. 19 - 28.
71. Катарский, И. Предисловие к книге: E.Gaskell, Mary Barton. – М. - FLPН, 1956.
72. Квеннел М., Квеннел Ч.Г.Б Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. СПб.: Евразия, 2002. — 420 с., с илл
73. Квеннелл М., Квеннелл Ч. Гомеровская Греция. Быт, религия, культура / Пер. с англ. Емец И.А. – М.: Центрполиграф, 2005. - 190 с.
74. Кеттл, А. Введение в историю английского романа. - М.: Прогресс, 1966. – 446 с.
75. Коган, Л.Н. Круг чтения героев Пушкина // Социологический журнал. - №3., 1995. - С. 145-150.
76. Козлова, Н.Н. Повседневность и социальное изменение: дис. ... д-ра философ. наук : 09.00.11 / Козлова Н.Н.; — М., 1992. – 298 с.
77. Козлова, Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. - 1992. № 3. - С. 47 – 56.
78. Конрад Д. Собрание сочинений. В: 3 т. —М., 1996.
79. Костомаров, Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях (очерк). - М.: Республика, 1992. - 301 с.
80. Коути, Е. Недобрая старая Англия. - СПб.: БХВ-Петербург, 2013. - 320 с.
81. Крючкова, Н. Женщина из среднего класса в викторианскую эпоху // Знание- сила. 2013. №8. - С. 54 – 61.
82. Крючкова, Н.Д. Ритуалы повседневности британских городских джентри в первой половине XIX в. (по материалам романа Э.Гаскелл «Крэнфорд») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com/content/kryuchkova-nd-g-stavropol-ritualy-povsednevnosti-britanskih-gorodskih-dzhentri-v-pervoy>

83. Кудрявцев Г.Г. Сборник. Очарованные Книгой. Русские писатели о книгах, чтении, библиофилах. М.: "Книга", 1982.
84. Кузнецова, Э.В. Столкновение повседневностей в романе У. Голдинга «Двойной язык» [Электронный ресурс] — режим доступа: // URL: <http://denetruda.ru/safia/vgpu-voronej-stolknovenie-povsednevnostej-v-romane-u-goldinga/main.html>
85. Куликова, А.С. Стиль жизни: мода и эстетика повседневности: автореферат дисс. канд. философ. наук. — М., 2010. — 31 с.
86. Кучеренко, О.В. Проблема повседневности в малой прозе Томаса Гарди: автореферат дисс. канд. филол. наук. — Воронеж, 2013. — 16 с.
87. Кучеренко, О.В. Проблема повседневности в рассказе Томаса Гарди «Проповедник в затруднении» // Социально-экономические явления и процессы. — Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2013. - № 8. — С. 173 – 179.
88. Лартома, Ж.П. Диалектика этики и эстетики в творчестве Шефтсбери: прекрасное как символ моральности // Философия и общество. - 2009. - Вып. №3.
89. Лелеко, В. Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа: дис. ... д-ра философ. наук: 24.00.01 / В.Д. Лелеко. — СПб: Санкт-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2002. - 321с.
90. Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: - Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. - 320 с.
91. Ливен, Д. Аристократия в Европе: 1815-1914 / Пер. с англ. под ред. М. А. Шерешевской. — М.: Академический проект, 2000. - 364 с.
92. Локк, Дж. Избранные философские произведения. - М.: Наука, 1980. - Т. 2.
93. Луков М.В. Культура повседневности // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» . - 2008. №4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Lukov_MV
94. Луценко, Р.С. Концепт "пейзаж" в структуре англоязычного прозаического текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Р.С. Луценко. — Саранск: Мордовский гос. Пед. институт им. М. Е. Евсевьева, 2007. - 206 с.
95. Макушинский, А. Современный «образ мира»: действительность // Вопросы философии. - 2002. №6. — С.
96. Малова, Е.Ю. Повседневность: сущность и предмет изучения в гуманитарных науках // Современные наукоемкие технологии. — 2007. № 7. — С. 68 – 71.
97. Маркова, Т.Н. Современная проза: конструкция и смысл: монография. — М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2003. — 368 с.
98. Материалы конференций «Научно-философский анализ повседневности» - 2010; «Гуманитарные аспекты повседневности» - 2011-2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vspu.ac.ru/text/povsednevnost>

99. Миловидов, В.А. Э.Гаскелл / История зарубежной литературы XIX века / Под ред. Н.А.Соловьевой. - М.: Высшая школа, 1991. - 637 с.
100. Михальская, Н.П. Третья сестра Бронте (Энн Бронте)// Бронте Э. Агнес Грей: Роман; Незнакомка из Уайлдфелл-Холла: Роман; Стихотворения: Пер. с англ. / Вступ.статья Н. Михальской; Сост. стихотворного раздела Е.Гениевой; Ил. Ю.Игнатьева. - М.: Худож. лит., 1990.
101. Михальская, Н.П. История английской литературы: учебник для студентов филологических и лингвистических факультетов высш. пед. учеб. заведений / Н.П. Михальская. – М.: Академия, 2007. – 480 с.
102. Мойсеева, Т.Б. Повседневность: философско-антропологический аспект // Гуманитарные и социальные науки. - 2008. № 2. - С. 21 – 28.
103. Научно-философский анализ повседневности: проблемы и перспективы в XXI веке / под общ. пред. Т.Г. Струковой. – Воронеж: ВГПУ, 2010. – 184 с.
104. Новая философская энциклопедия: В 4-х т. / Редкол.: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. - М.: Мысль, 2010, - Т. 4. - 2816 с.
105. Новикова, В.Г. Код «живописного» в современном английском романе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. № 2 (3). – С. 114 – 119.
106. Обломиевский, Д. Мэри Бартон // Литературное обозрение. – М., 1937. - № 15. - С. 34 – 38.
107. Овчинников, В. Корни дуба. М.: Мысль, 1980. – 302 с.
108. Пахсарьян, Н. Реальность – текст – литература – реализм: динамика взаимодействия // Вестник МГУ. - Сер. 9.Филология. 2006. № 2. - С 66 - 76.
109. Пикард, Л. Викторианский Лондон. Жизнь города / Пер. Бурмистровой М. - М.: Издательство Ольги Морозовой, 2011. - 560 с.
110. Подкопаева, А.А. Вербализация художественного концепта "Home/House" в произведениях английских писателей XIX-XX вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Подкопаева Анна Александровна; КубГУ. – Краснодар, 2010. - 234 с.
111. Полякова, И.П. Дом как пространство повседневности // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: м-лы III Международной науч.-практич. конф., посвященной 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного ун-та в Самарском крае / Под ред. Г.Ю. Карпенко. - Самара: Изд-во «СНЦ РАН», 2010. – С. 25 - 29.
112. Полякова, И.П. Красота повседневной жизни в искусстве // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». - 2009 - № 2. - С. 122-128.
113. Полякова, И.П. Повседневность в социально-философском контексте: теоретико-методологический анализ: дисс. ... д-ра философ. наук: 09.00.11 / И.П. Полякова. – М.: Липецкий гос. тех. ун-т, 2011. – 352 с.
114. Потураева, Е.А., Шерина Е.А. Концепт «дом» в гуманитарных науках: анализ понятийного, ценностного и образного компонентов

- //Современные проблемы науки и образования. – 2014. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16663> (дата обращения: 11.02.2016).
115. Проскурнин, Б.М. О новых подходах к викторианству как социокультурному прецеденту // Вестник Пермского университета. Иностранные языки и литература. - Пермь: Пермский университет, 2004. - Вып. 4. - С. 5 - 11.
116. Пустовойтова, О.В. Феномен повседневности в прозе И.А. Бунина: автореферат дисс. канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2011. – 21 с.
117. Пушкарева, Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований» Специально для сайта «Перспективы» Опубликовано на сайте 16/03/2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280>
118. Ревко, П.С. Искусственные интеллектуальные системы и повседневная жизнь человека. - Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2009. - 130 с.
119. Ремизов, Б.Б. Элизабет Гаскелл: очерк жизни и творчества. - Киев: «Вища школа», 1974. – 175 с.
120. Сатюкова, Е.Г. Феномен «английскость» в творчестве Свифта: автореферат дисс. канд. филол. наук. - Астрахань, 2012. – 22 с.
121. Селеменова, Л.В. Аллюзивный аспект художественного текста как объект прагмалингвистического и лингвопоэтического исследования :на материале английской и американской литературы: дис. ... канд. филол. наук / Селеменова Л.В. – М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000. – 257 с.
122. Серия книг «Повседневная жизнь человечества» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gvardiya.ru/shop/books/povsednevnaya_zhizn_chelovechestva
123. Серто, М. де. Изобретение повседневности. / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. - СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013.– 332 с.
124. Сидорченко, Л. В. История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: учеб. пособие для студ. филол. ф-тов высш. учеб. заведений / Под ред. Л. В. Сидорченко, И. И. Буровой, А. А. Аствацатурова и др. - М.: Изд. центр «Академия», 2004. - 541 с.
125. Смыковская, Т. Е. Национальный образ мира в прозе В.И. Белова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 160 с.
126. Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Кемерова и Т.Х. Керимова. — 4е изд., испр. и доп. - М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. - 823 с.
127. Соловьева, Н.А. Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи. М.: Формула права, 2008.- 272 с.
128. Сомова, Е.В. Античный мир в английском историческом романе XIX века: дис. ... доктора филол. наук / Сомова Е.В. – М.: Моск. пед. гос. ун-т., 2009. – 416 с.

129. Степанов, М.А. Поэтика изобретения. Рецензия на книгу Мишеля де Серто «Изобретение повседневности» // Международный журнал исследований культуры. - 2013. №3(12). - С. 157 – 160.
130. Струкова, Т. Г. Повседневность и литература // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов–на-Дону, 2010. № 4. - С. 8-20.
131. Струкова, Т. Повседневность как феномен литературы. - Lambert Academic Publishing, 2014. – 72 с.
132. Струкова, Т.Г. Жанр морского романа и его модификации в английской литературе XIX-XX вв. : дис. ... доктора филол. наук / Струкова Т.Г. – М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1999. – 396 с.
133. Стрэчи, Л. Королева Виктория: Исторический роман / Пер. с англ. И. Малышко. -М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. - 240 с.
134. Теория культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libma.ru/kulturologija/teorija_kultury/index.php
135. Терещенко, А. В. Быт русского народа: В 2 т. - М.: Институт русской цивилизации, 2014. - Т. 1 Ч. I–III. — 944 с.
136. Тугушева, М.П. В надежде правды и добра: Портреты писательниц. - М.: Художественная литература, 1989. – 271 с.
137. Тур, Е. Биография Бронте //Русский вестник. –М., 1858. - Т. 18. – С. 131-132.
138. Февр, Л. Бои за историю. / Пер. с фр.- М.: Наука, 1991. - 629 с.
139. Фирстова, М.Ю. Художественное воплощение темы женской судьбы в романах Элизабет Гаскелл 1848-1855 гг.: викторианский социум и женский характер: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Фирстова М.Ю. – Пермь: Ур. гос. пед. ун-т, 2012.- 221 с.
140. Фукс, Э. Иллюстрированная история нравов: Эпоха Ренессанса. - М.: Республика, 1993. - 511 с.
141. Фукс, Э.Иллюстрированная история нравов. Галантный век. - М.: Республика, 1984. – 217 с.
142. Халтрин–Халтурина, Е.В. Эпохальный для английского романтизма переход Уильяма Вордсворта через Альпы: от фантазии к воображению // Романтизм: вечное странствие / Отв. ред. Н.А. Вишневецкая, Е.Ю. Сапрыкина; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького.– М.: Наука, 2005. – С. 120-141.
143. Цветкова, М.В. Английское // Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. - Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2001. - С. 158–182.
144. Цебрикова, М. Англичанки-романистки // Отечественные записки. – 1871. - №9. - С. 403 – 459.
145. Черемисина, А.И. Концепт «дом» (“home / house”) в романах Дж. Макдональда // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2015.№2(2). – С. 285-289.
146. Чернавина, Л. Второй период творчества Гаскелл // Проблемы английской филологии. – Иркутск, 1967.

147. Чернавина, Л. Роман Э. Гаскелл «Север и Юг», Гаскелл и Диккенс // Ученые записки МГПИ им. В.И.Ленина. – М., 1964. - № 218.
148. Чудаков, А.П. Слово — вещь — мир. От Пушкина до Толстого. - М.: Современный писатель, 1992. – 320 с.
149. Чуканова, А.Н. Поэтика английского дома и художественная рефлексия повседневности в романе Агаты Кристи «Убийство Роджера Экройда» // Филологическая регионалистика. – 2011. - №1. – С. 56-58.
150. Шайтанов, И.О. Роман эпохи Просвещения. // Литература. 2001. - № 28. - С.5 – 9.
151. Шамина, Н.В. Женская проблематика в викторианском романе 1840 - 1870-х годов: дис. ... канд. филол. наук / Шамина Н.В. – Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2005. – 235 с.
152. Шапинская, Е.Н. Культура повседневности в современных исследованиях // Культурология. Фундаментальные основания прикладных исследований./ Под ред. И.М. Быховской. - М.: Смысл, 2010.- 640 с..
153. Шапинская, Е.Н.Критическая концепция повседневности П.Лефевра // Полигнозис. – 2009. №2(35). - С. 118 – 129.
154. Шестаков, В.П. Очерки по истории эстетики. От Сократа до Гегеля. - М.: Мысль, 1979. - 372 с.
155. Шиллер, Ф. Предисловие к книге Э. Гаскелл «Мэри Barton». – М.: ГИХЛ, 1936.
156. Шиллер, Ф. Э. Гаскелл // Из истории реализма XIX века на западе. – М.: ГИХЛ, 1934. - С. 240 – 247.
157. Шюц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Пер. с англ. Сост. А.Я. Алхасов. - М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. - 336 с.
158. Щюц, А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. - № 2.- С.129-137.
159. Эйхенбаум, Б.М. Литературный быт // Эйхенбаум Б.М. О литературе. - М., 1987. - С. 428 - 436.
160. Элиас, Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. –М., 2001.
161. Якобсон, Р.О. О художественном реализме//Якобсон Р.О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
162. Яковлев, Л.С. Деконструкция структур повседневности в литературном тексте // Актуальні проблеми слов'янської філології. – Бердянск: БДГУ, - 2012. - Вып XXVI. –Ч.1. - С. 7 - 18.
163. Якубовская, И.В. Историко-культурный текст викторианской эпохи: коттедж в образе жизни англичан XIX в. // Фигуры истории, или "общие места" историографии. Вторые Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. - СПб.: Северная звезда, 2005. – С. 450 - 457.

164. A Companion to Nineteenth - Century Britain / ed. by Williams C. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2004. – 606 p.
165. A review of “Life of Charlotte Bronte” // The Athenaeum - 1857. - № 1545. – P. 727.
166. Bamford, S. A letter dated 1849 // Nineteenth-century Literature Criticism /ed. by L. L. Harris, S.Fitzgerald, E. Wade Barrett. - 1984. – Vol.5. - P. 177.
167. Barnard, R. A short History of English Literature. – Oxford: Blackwell, 1984. – 218 p.
168. Barton, E. The daily lives of Englishmen in the age of Shakespeare, 1958 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pdf-boooks.org/wr/elizabeth_barton
169. Beard M. М. Бэрд . История предпринимателя» с. 568
170. Berger, P. L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. NY: Anchor Books. - 1966. – 240 p.
171. Billington, J. Faithful Realism: Elizabeth Gaskell and Leo Tolstoy: A Comparative Study. – Lewisburg: Bucknell UP, 2002. – 227 p.
172. Briggs, A. Victorian People. A reassessment of Persons and Themes. – Chicago: UP. – 324 p.
173. Chapple, J. Elizabeth Gaskell: The Early Years. - Manchester: Manchester UP, 1997. – 512 p.
174. Chapple, J., Shelston, A. Further Letters of Mrs. Gaskell. - Manchester: Manchester UP, 2001. – 360 p.
175. Chapple, J.A.V., Pollard, A. The Letters of Mrs. Gaskell. - Manchester: Manchester UP, 1966. – 1010 p.
176. Childers, J. W. Novel Possibilities: Fiction and the Formation of Early Victorian Culture. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. – 218 p.
177. Craik, W.A. Elizabeth Gaskell and the English Provincial Novel. - L.: Methuen & Co., 1975. – 277 p.
178. Davies, D.S. Introduction // E. Gaskell Tales of Mystery and the Macabre – Hertfordshire: Wordsworth Editions Limited, 2008. – P. vii – xii.
179. De Certeau, M. The Practice of Everyday Life. - Berkeley: University of California Press, 1984. - 230 p.
180. Easson, A. Elizabeth Gaskell. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1979. – 278 p.
181. Edgeworth, M. A Letter to Miss [Mary] Holland on December 27, 1848 // Bulletin of The John Rylands Library. – Manchester: The John Rylands Library, 1935. – Vol.19. – P. 109.
182. Elizabeth Cleghorn Gaskell // Nineteenth-century Literature Criticism / ed. by L.L. Harris, S.Fitzgerald, 1984. - Vol. 5. - P. 175 – 207.
183. Elizabeth Cleghorn Gaskell // Nineteenth-century Literature Criticism / ed. by J. Witalec, 1999. – Vol. 70. – P. 149 – 225.
184. Elizabeth Cleghorn Gaskell. Cranford // Nineteenth-century Literature Criticism / ed. by J. Byington, 2001. – Vol. 97. – P. 102 – 129.

185. Elizabeth Cleghorn Gaskell. *Mary Barton* // *Nineteenth-century Literature Criticism* / ed. by R. Whiteaker, M. C. Toft, 2004. – Vol. 137. – P. 143 – 180.
186. Flanders, J. *Inside the Victorian Home: A Portrait of Domestic Life in Victorian England*. – NY: W. W. Norton & Company, 2005. - 499 p.
187. Flanders, J. *The Victorian City: Everyday Life in Dickens' London*. –L.: Atlantic Books, 2012. - 525 p.
188. Foster, S. *Elizabeth Gaskell: A Literary Life*. - Houndmills Basingstoke Hampshire: Palgrave Macmillan, 2002. – 202 p.
189. Foster, S. *Elizabeth Gaskell's Shorter Pieces* // *The Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell*/ ed. by Jill L. Matus. - Cambridge: Cambridge UP, 2007. – P. 108 - 130.
190. Fryckstedt, M. C. *Elizabeth Gaskell's Mary Barton and Ruth: A Challenge to Christian England*. - Uppsala: Studia Anglistica Upsaliensia, 1982. – 213 p.
191. Gardiner, M. E. *Critiques of Everyday Life*. - L.-N.Y.: Routledge, 2000. - 242 p.
192. Gaskell Society [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gaskellsociety.co.uk/index.html>
193. Gerin, W. *Elizabeth Gaskell: A Biography*. - Oxford: Clarendon Press, 1976. – 318 p.
194. Gilmour, R. *The Novel in the Victorian Age*. – L.: Edward Arnold, 1986. – 221 p.
195. Girouard, M. *Life in the English Country House: A Social and Architectural History*. – Connecticut: Yale UP, 1994. - 352 p.
196. Goldhill, S. *Victorian Culture and Classical Antiquity: Art, Opera, Fiction, and the Proclamation of Modernity* Princeton. - NJ: Princeton UP, 2011. - 368p.
197. Hamilton, S. *Gaskell Then and Now* // *The Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell*/ ed. by Jill L. Matus. - Cambridge: Cambridge UP, 2007. – P. 178 – 190.
198. Highmore, B. *Everyday Life and Cultural Theory. An Introduction*.- L.-N.Y.: Routledge, 2002. – 200 p.
199. Hopkins, A.B. *Elizabeth Gaskell: Her Life and Work*. – L.: Lehmann, 1952.- 119 p.
200. Jackson-Houlston, C. ‘Queen Lilies’? The Interpenetration of Scientific, Religious and Gender Discourses in Victorian Representations of Plants // *Journal of Victorian Culture*, №1, 2006. – Vol.11. – P. 84 – 109.
201. Keen, S. *Victorian Renovations of the Novel: Narrative Annexes and the Boundaries of Representation*. – Cambridge: CUP, 1998. – 260 p.
202. Kettle, A. “The Early Victorian Social-Problem Novel” // *The Pelican Guide to English Literature. From Dickens to Hardy*.- Harmondsworth: Penguin Books, 1990. - Vol. 6. – P. 169 – 187.
203. King, A.M. *Bloom: The Botanical Vernacular in the English Novel*. – Oxford: Oxford UP, 2003. – 265 p.
204. Lansbury, C. *Elizabeth Gaskell: The Novel of Social Crisis*. - NY: Barnes & Noble, 1975. – 230 p.

205. Leavis, Q. D. *The Englishness of the English novel*. – Cambridge: CUP, 1984. – 364 p.
206. Lefebvre, H. *Everyday Life in the Modern World*. - L.: Harper Torchbooks, 1971. - 206 p.
207. Lieven, D. *The Aristocracy in Europe: 1815-1914*. – NY: Columbia UP, 1992. – 307 p.
208. Louis, J. Dr. *The Victorian novel*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, - 2006. – 249 p.
209. Marjorie & C. H. B. Quennell, *A History of Everyday life in Anglo-Saxon, Viking, and Norman times, in Roman Britain, in Prehistoric Times (vol. 1 The Old Stone Age, vol. 2 The New Stone Age)..*, London, B. T. Batsford Ltd, 1921-1926
210. Martin, C. A. *Gaskell's Ghosts: Truths in Disguise // Nineteenth-century Literature Criticism* /ed. by J. Witalec, 1999.– Vol.70. - P. 195 – 196.
211. McVeagh, J. *Elizabeth Gaskell*. - NY: Humanities Press, 1970. – 104 p.
212. Mitchell, B. *Elizabeth Cleghorn Gaskell // Dictionary of Literary Biography. 19th –century British Literary Biographers* / ed. by S. S. Hunter. - Detroit: Gale Research, 1994. – Vol. 144. - P. 97 – 107.
213. Mitchell, S. *Daily Life in Victorian England*. - Westport, Connecticut: Greenwood press, 2009. – 336 p.
214. Müllenbrock, H.-J. *The 'Englishness' of the English landscape garden and the genetic role of literature: a reassessment // The Journal of Garden History*, 1988. – Vol. 8, Issue 4. - P. 97–103.
215. Nelson, C. *Family Ties in Victorian England*. – Westport: Greenwood Publishing Group, 2007. – 197 p.
216. Nelson, J.G. *The Victorian Social Problem Novel // A Companion to the Victorian Novel* / ed. by P. Brantlinger and W. Thesing. - Oxford : Blackwell Publishing, 2002.
217. Picard, L. Dr. *Johnson's London*. L.: St. Martin's Press, 2001. - 384 p.
218. Picard, L. *Elizabeth's London: Everyday Life in Elizabethan London*. – L.: George Weidenfeld & Nicholson, 2003. - 342 p.
219. Picard, L. *Restoration London: Everyday Life in the 1660s*. – L.: Phoenix, 2003. - 330 p.
220. Picard, L. *Victorian London: The Tale of a City 1840-1870*. – L.: Phoenix House, 2006. - 496 p.
221. *Place and Progress in the Works of Elizabeth Gaskell* / ed. by Scholl L., Morris E., Moore S.G. - Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2015. – 225 p.
222. Pollard, A. *Mrs. Gaskell: Novelist and Biographer*. - Manchester: Manchester UP, 1965. – 268 p.
223. Pool, D. *What Jane Austen ate and Charles Dickens knew: from fox hunting to whist – the facts of daily life in 19th-century England*. - NY: Touchstone, 1994. - 416p.
224. Quest-Ritson, C. *The English Garden: A Social History*. - Viking Press. 2001. – P. 2.

225. References to Antiquity in Visual Arts (1848-1914) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.musee-orsay.fr/fileadmin/mediatheque/integration_MO/PDF/Antiquity.pdf (дата обращения: 26.03.2013)
226. Rubenius, A. The Woman Question in Mrs. Gaskell's Life and Works.- Upsala: Almqvist & Wiksells Boktryckeri AB, 1950. - 396p.
227. Sanders, G. De Witt. Elizabeth Gaskell. - New Heaven: Yale UP, 1929. - 267p.
228. Schutz, A., Luckmann, T. The Structures of the Life-World. – L.: Heinemann Educational Books, 1974. – 335 p.
229. Selig, R.L. Elizabeth Gaskell: A Reference Guide. - Boston, 1977. – 431 p.
230. Sharps, J. G. Mrs. Gaskell's Observation and Invention: A Study of Her Non-Biographic Works. - Sussex: Linden Press, 1970. – 693 p.
231. Sheringham, M. Everyday Life: Theories and Practices from Surrealism to the Present. - Oxford: OUP, 2006. – 448 p.
232. The Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell / ed. by J.L. Matus - Cambridge: CUP, 2007. – 211 p.
233. The Gaskell Web [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.lang.nagoya.u.ac.jp/~matsuoka/Gaskell.html>
234. Thiele, D. “That There Brutus”: Elite Culture and Knowledge Division in the Industrial Novels of Elizabeth Gaskell / Victorian Literature and Culture. – Cambridge: Cambridge UP, 2007. - № 35. - P. 263-285.
235. Tillotson, K. Novels of the Eighteen Forties. – L.: Oxford UP, 1954.- 328 p.
236. Uglow, J. Elizabeth Gaskell: A Habit of Stories. – L.: Faber and Faber, 1993. – 690 p.
237. Unsworth, A. Elizabeth Gaskell: An Independent Woman. - L.: Minerva Press, 1996. – 307 p.
238. Voskuil, L. The Victorian Novel and Horticulture – Oxford: OUP, 2013. – 569 p.
239. Welch, J. Elizabeth Gaskell: An Annotated Bibliography: 1929-1975. - NY: Garland Publishing, 1977. – 139 p.
240. Wilson, A.C. & Chapple, J. Private Voices: The Diaries of Elizabeth Cleghorn Gaskell and Sophia Isaac Holland. - NY : St. Martin's Press, 1996. – 125 p.
241. Wright, E. Elizabeth Cleghorn Gaskell // Dictionary of Literary Biography, Victorian Novelists before 1885 / ed. by I. B. Nadel and W. E. Fredeman. - Detroit: Gale Research, 1983. - Vol. 21. - P. 174 – 187.
242. Wright, E. Mrs. Gaskell: The Basis for Reassessment. – L.: Oxford UP, 1965. – 285 p.